

fenno-ugristica

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 397 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.г.

FENNO - UGRISTICA

ТРУДЫ ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ

3

Tartu 1976

Toimetuskolleegium:

P. Alvre (esimees), A. Künnap, P. Palmeos, H. Rajando,
S. Smirnov (vastutav toimetaja), E. Vääri.

Kunstiliselt kujundanud K. Põllu.

SÕNADE K A A S A JA K A K S
VAHELISEST SEOSTEST

1. Olenevalt välttest on kaasa-sõnal kaks tähendust: kāsa 'Genosse, Gefährte, Gatte, Gattin' ning kāsa 'mit'. Sellest sõnast kasutatakse ka mitmeid tuletisi, nagu kaasalane, kaasaline 'Gefährte, Begleiter', kaasutama 'begleiten, mitgehen' jt. (vt. Wiedemann 1973: 237). Eesti kaasa-perel on kindlaid vasteid soome (kansa 'rahvas', kanssa 'koos'), karjala, vepsa, liivi, vadja ja lapi keeles (vt. SKES I 156-157).

Permi algkujust *kōz lähtunud komi goz 'paar', gozja 'abielupaar' ja udmurdi kuz 'paar' ühendatakse vastavate läänemeresoome ja lapi sõnadega kas kahtlemisi või oletatakse nende vahel kaudset seost (Алатырев 1965: 269 - 272; КЭСК 77). Arvatakse, et läänemeresoome lekseemid pärinevad nn. uurali-altai ühisperioodist, permi sõnad kujutavad endast aga türgi laenu. Uuriuste arvates räägivad läänemeresoome kansa ja permi *kōz ühise päritolu vastu järgmised asjaolud:

1) mõlema keelerühma sõnade erinev semantika (vrd. sm kansa 'rahvas' ja komi goz 'paar');

2) soome häälikuühendi ns (eesti pikk vokaal + s) ebareeglipärane vastavus permi z-le;

3) läänemeresoome vormide tagavokaalne, permi omade eesvokaalne algkuju.

Kõnealuseid läänemeresoome-permi lekseeme on püütud ühendada ungari sõnaga házas 'abielus' (vt. Лыткин 1964: 35). Viimatimainitu lähteks on ehk siiski ház 'kodu, maja', mille algkujuks rekonstrueeritakse *kVta 'mingi primitiivne elamu' (КЭСК 114; Szent-Iványi 1964: 15).

Käesolevas kirjutises püüame tõestada, et asjaomaste läänemeresoome-lapi ja permi sõnade vahel pole foneetilist ega semantilist ebakõla. Seega oletame, et nad on soome-ugrilised ning lähtuvad arvsõnast 'kaks'.

2. Soome-ugri aluskeeles väljendati üht ja sama hulka mitme arvsõnaga, mis iseloomustasid loendatavaid esemeid kvalitatiiivselt. Kuna see nähtus ei üldistunud, siis säilis ta vaid reliktselt. Nii võib soome-ugri aluskeeles eristada järgmisi arvsõna 'üks' tüüpe: $^{*}\underline{y-k-t-}$ (näit. e üks), $^{*}\underline{y-j}$ (ersa vejke) ja $^{*}\underline{y-n-t'}$ (ung egy), kusjuures n-list varianti kasutati tõenäoliselt inimeste loendamisel.

Soome-ugri keeltes võib leida jälgi ka arvsõna 'kaks' tüüpide varasemast esinemisest. Numeraalid 'kaheksa' ja 'üheksa' on kunagised liitsõnad, mis sisaldavad osist 'kaks' või 'üks'. Arvame, et mari kan-deše 'kaheksa' lähtub n-elementi sisaldavast arvsõnatüübist. Lisaandmeid pakuvad ka meie töös uuritavad sõnad $^{*}\underline{kansa}$ ja $^{*}\underline{kõz}$.

Mitmes keelkonnas on numeraal 'kaks' saanud alguse nn. komplektilise paari mõistest, kuhu kuuluvad kaks teatud komplekti moodustavat eset või olendit (näit. saapapaar, vrd. aga paar saabast). Seevastu soome-ugri aluskeeles tekkis arvsõna 'kaks' teisiti, ning paari mõiste on permi $^{*}\underline{kõz}$ omandanud tähendusest 'kaks' või sellega paralleelselt. Mittekomplektilise paari tähenduses kasutatakse ka mari kok 'kaks'.

Läänemeresoome $^{*}\underline{kansa}$ ja permi $^{*}\underline{kõz}$ kasutamisele arvsõnana viitab nende ühine algkuju $^{*}\underline{kV-n-tV}$ (vt. 3), mis sarnaneb numeraaliga $^{*}\underline{y-n-t'}$ 'üks' liidete n- ja -t' ning kaht tähistava arvsõnaga $^{*}\underline{kV-k-tV}$ esikomponendi kV- poolest. Seega elusolendite loendamisel võidi kasutada süsteemi $^{*}\underline{y-n-t'}$ 'üks': kV-n-t' 'kaks', millele osutavad ka asjaomaste läänemeresoome ja lapi sõnade tähendused (vt. 5).

3. Häälikajaloo uuematele seisukohtadele toetudes veendume, et läänemeresoome $^{*}\underline{kansa}$ ja permi $^{*}\underline{kõz}$ on foneetiliselt ühendatavad.

Võib oletada, et asjaomaste sõnade ühine algkuju on $^{*}\underline{kVnt'V}$, sest soome-ugri aluskeele $^{*}\underline{t'}$ -le vastab lapi c (vrd. turjalapi kānce 'kaaslane'), läänemeresoome s (sm

kansa) ning permi z (vrd. Katz 1973: 279). Arvestades teiste arvsõnatüüpidega saab taastada liigendatud algkuju ³k_v-n-t'v.

4. Nagu eespool mainitud, pani varasemaid uurijaid kõhkleva tõik, et läänemeresoome keeltes on asjaomased sõnad taga-, permi keeltes aga eesvokaalsed. Arvsõnatüübi ³k_vktv vokaalvariante arvestades on see aga täiesti põhjendatav.

Üldlevinud arvamuse kohaselt on ³k_vktv-tüübi arvsõnad permi ja ugril keeltes ees- (< ³ä), teistes keeltes aga tagavokaalsed (< ³a). Seega pole kahe algvariandi olemasolu üllatav ka arvsõnas ³k_vnt'v.

Ometi pole võimatu ³ä-lise kju asemel oletada hoopis e-list, sest üldpermi ³ö-le, mis esineb ka sõnas ³köz, vastab sageli soome-ugri ³e (K3CK 24). Hääliku e kasuks näib rääkivat ka ugril ³k_yktv. Nimelt võib oletada, et handi kat~kät ja mansi kit 'kaks' arenesid algkujust ³kekt-. Tavaliselt peegeldub soome-ugri ³ä mansi keeles a või ä-na, kuna soome-ugri e järglaseks on tänapäeva i, näiteks ung négy 'neli', mns äila, h äil < ³nelä; mns sip 'kael', h sä pət < ³e jpt. (K3CK 189, 271 jt.). Näidetest ilmneb, et oletatule ei räägi vastu ka handi andmed. Ungari keel ei võimalda otsustada, sest ung e või é-le vastab soome-ugri aluskeeles nii ³e kui ka ³ä.

Muide, komi ja udmurdi kik 'kaks' lähtuvad arvatavasti algkujust ³kukt- (vrd. komi, udm kidži 'kuidas' < s.-u. ³ku). Permi aluskeele numeraalis 'kaks' oletatakse muutust ö > ü (K3CK 151). Arvsõnu 'üks' ja 'kaks' kasutati loendamisel paaris, ning seetõttu jääb arusaamatuks, miks numeraalis 'üks' toimus muutus ü > ö, teisel juhul aga ö > ü. Peame siiski usutavamaks, et vokaal ü on kaht märkivas sõnas algupärasem, sest enamik sõnu, mille esimeses silbis esineb üldpermi ü, lähtuvad eelpermi ³u-st (vt. K3CK 26). Ka komi kekjamis 'kaheksa' ei põhjusta vasturääkivusi, sest muutus ü > ö võis tekkida 'üheksa' mõjul tagasiloomisel järjestuses 'kümme', 'üks kümnest puudu' (= 'üheksa'), 'kaks kümnest puudu' (= 'kaheksa').

Niisiis võivad läänemeresoome ³kansa ja permi ³köz soomeugrilised algkujud olla vastavalt ³kant'a ja ³kent'a,

kusjuures viimase silbi tagavokaalsusele osutab ka udmurdi kuzäz 'tema paar' (Литтман 1970: 232). Mainime veel, et tagavokaalne oli ka arvasõna *kVka lõppliide (KÖCK 151). Huvipakkuv on muide, et t ja t' on ühe ja sama konsonandi vastandvariandid, kuid järelduste tegemine sellest on veel ennatlik.

5. Vaatleme nüüd *kVnt'a-sõnapere ligikaudset semantilist arengut. Käsitlusest jäävad välja liit- ja tuletatud sõnad, nagu sm kansakunta 'rahvus, rahvas', lv kõzgznd (< *kansakunta), e kaaslane, sm kansalainen 'kodanik' jt., mis on kindlasti suhteliselt hilised.

Kunagi tähendas *kVnt'a kaht inimest (inimeste paari). Selle all võidi mõista poissi-tüdrukut, meest-naist (vrd. e noorpaar, abielupaar). Abielupaari tähendus on säilinud komi sõnas gozja. Hiljem hakkas *kVnt'a märkima iga-sugust paari (vrd. komi goz, udm kuz).

Mingitel seni selgitamata põhjustel arenes *kVnt'a intensiivselt läänemeresoome aluskeeles, kust ta omandasid ka protolaplased. Rõhutame, et läänemeresoome ja lapi keeles väljendavad selle sõna tuletised elusolendeid või nende rühmi, mis on kindlasti seostatav n-elemendiga.

Abielupaari all hakati hiljem mõistma perekonda (vrd. vps kanz). Perekonda kuulusid ka lapsed ning sugulased, ning kujuneski mõiste 'pererahvas' (lpN gajje). Sama tähendusega on seoses ka vepsa kanz 'pesakond' (vrd. e loomapere).

Inimeste kogunimetus 'rahvas' pole mõistele 'pererahvas' võõras (sm kansa, krj kañža, lp kaDDZ^e).

Sm kanassa 'kaasa(s)', e kaasa(s) ja vđj kāza 'kaasa(s)' on tekkinud mõistest 'rahvas', seepärast peab arvama, et ka eesti ja vadja keeles oli viimati mainitud tähendus tuntud. Nagu teame, kujutavad nimetatud postpositatsioonid või adverbina kasutatavad sõnad endast kontraheerunud inessiivi vormist kanassaa 'rahva seas, hulgas'. Kogumõistetest on muudelgi juhtudel tekkinud abisõnu, näit. sm koossa, e (ühes)koos märkisid esialgu olemist ühes hunnikus (vrd. sm koko 'hunnik; kogu; suurus'). Samaladne on ka ersa marsa 'üheskoos'. Mainime veel, et kāsa-sõnast on lähtunud eesti ja vadja komitatiivitunnused.

Raske on otsustada, kas mõiste 'abikaasa' tuleneb tähendusest 'perekond' või 'abielupaar'. On usutav ka mõlema koosmõju. Võiks ehk mainida, et rumeenia femeie 'naine' on ühenduses ladina sõnaga familia 'perekond' (Dicționarul 1958: 134 jj.). Siin võib tegemist olla nähtusega p a r s p r o t o , sest soome-ugri aluskeeles ka paariselundeid väljendavad ainsuslikud sõnad (silm, jalg jt.) tähendasid mõlemat organit koos. Siinkohal on mainimisväärsed ka eesti meeste- ja naisterahvas, kus peegelduvad osa ja terviku omapärased suhted, nende dialektiline ühtsus.

Tuletiste detailne uurimine jäägu edaspidiseks, meie ülesandeks oli tõestada, et asjaomaste läänemeresoome ja permi sõnade tähenduslikus arengus ei leidu väheusutavaid hüppelisi üleminekuid.

6. Vaikides ei saa mõõda minna *kVnt'a võimalikest seostest altai (täpsemini türgi) jt. keelte sõnadega.

Numeraali 'kaks' peetakse nostraatiliste keelte ühis-sõnaks (vt. Долгопольский 1964: 57 - 58). Isegi juhul, kui taoline sugulus eksisteeris, pole sel perioodil arvsõnade kasutamine kuigi tõenäoline.

Eespool mainisime, et läänemeresoome *kansa peetakse uurali-altai ühisprändiks. Ei ole aga sugugi võimatu, et soome-ugri genuiinse *kVnt'a laenasid hoopis türgi aluskeelt rääkinud hõimud. Seejuures on ilmne, et laenamine toimus ajal, mil soome-ugri aluskeeles või vähemalt türgi keeltega kontaktis olnud murdealal seda sõna ei kasutatud enam numeraalina.

K i r j a n d u s

Dicționarul limbii române moderne. [București] 1958.

Katz, H. 1973. Noch einmal zur Frage der Entwicklung der finnisch-ugrischen Affrikaten und Sibilanten im Ugrischen. - CФУ IX, 273 - 290.

Szent-Iványi, B. 1964. Der ungarische Sprachbau. Leipzig.

Wiedemann, F. J. 1973. Eesti-saksa sõnaraamat. Tallinn.

Алатирев В. И. 1965. О финском kansa и пермском kuz, goz. - CФУ IV, 269 - 272.

- Долгопольский А. Б. 1964. Гипотеза древнейшего родства семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения. - Вопросы языкознания 2, 53 - 63.
- Лыткин В. И. 1964. Исторический вокализм пермских языков. Москва.
- - - 1970. О вокализме непервого слога финно-угорских языков. - СФУ VI, 221 - 238.
- Общее языкознание. Методы лингвистических исследований 1973. Москва.

Э. Э р н и т с
(Тарту)

О СВЯЗИ МЕЖДУ СЛОВАМИ к а а с а
'СУПРУГ(А); С' И к а к с 'ДВА'

Р е з ю м е

Эст. kaasa 'супруг(а); с', ф. kansa 'народ', kanssa 'с', саам. kaŕŕe 'семья', коми goz 'пара', gozja 'супружеская чета', удм. kuz 'пара' восходят к ф.-у. * kV-n-ta 'два'. Первоначально это числительное применялось вместе с нумеративным типом * ŷ-n-tV 'один' для счисления людей. Позже оно приобретало другие функции вследствие исчезновения числительных классов. Предположительно семантическое развитие слова * kVnta 'два' было следующее:

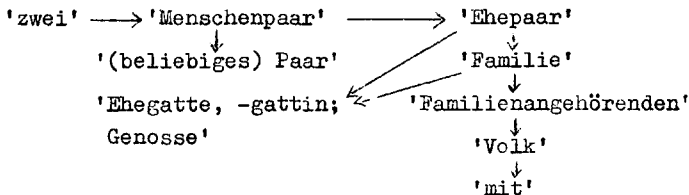
E. E r n i t s
(Tartu)

ÜBER DEN ZUSAMMENHANG DER WÖRTERN

k a a s a 'GATTE, GATTIN; MIT'
UND k a k s 'ZWEI'

Z u s a m m e n f a s s u n g

Das estn. kaasa 'Gatte, Gattin; mit', finn. kansa 'Volk', kanssa 'mit', lapp. gáŋge 'Familie', komi goz 'Paar', gozja 'Ehepaar' und udm kuz 'Paar' stammen von fiugr. *kV-n-t'a 'zwei'. Ursprünglich wurde dieses Zahlwort mit dem Zahltypus *ŷ-n-t'V 'eins' beim Zählen von Menschen gebraucht. Später wurde *kVnt'a infolge des Verschwindens der Zahltypen in anderen Funktionen gebraucht. Annehmlich war die annähernde semantische Entwicklung von *kVnt'a folgende:

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛАГОЛЬНЫХ СОМАТИЧЕСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

По своей структуре марийские соматические фразеологизмы делятся на две большие группы: 1) фразеологизмы, структурно равнозначные словосочетанию, напр., вуйым лўгырташ 'унижаться (= голову сгибать)', йолым викарам 'направиться, идти (= ноги направить)', парням логалташ огыд 'не бить, не причинять вреда (= пальцем не попадать)', шўй даныт 'очень много (= по горло)'; 2) фразеологизмы, имеющие структуру предложения, напр. кид-йол нўлтеш 'настроение поднимается (= руки-ноги поднимаются)', шўм шўм олмышто огыд 'тревожно, неспокойно' (= сердце не на месте сердца). Предикативные словосочетания, напр., вуй йомаш 'погибнуть (= голова пропадать)', мўшкыр пижаш 'забеременеть (= живот пристать)', шинча возаш 'сглазить (= глаз лечь, ложиться)', в предложении чаще всего выступают не в исходной форме, а в спрягаемой. Поэтому они также имеют в основном структуру предложений, например: Но пиадан улам... Вуем ыш йом (Васин, 7) 'Но я счастливый... Не погиб (= голова моя не потерялась)'; Ала мўшкыр пижын 'Может забеременела (= живот пристал)'; Мо шонго кува гай лийыч: шинча возо але иктаже пошарыш (Чавайн, 98) 'Что ты стал как старуха: сглазили (= глаз лег) или кто-нибудь болезнь наслал?'

Среди фразеологизмов, структурно равнозначных словосочетанию, наиболее продуктивными являются в марийском языке глагольные фразеологизмы.¹ Благодаря широкому набору грамматических категорий глагольные фразеологизмы имеют сложный состав грамматических форм. Грамматические формы фразеологизмов образуются при помощи окончаний, получаемых глагольным компонентом, который является грамматически опорным словом. С одной стороны, соматические фразеологизмы могут иметь полный набор форм, характерных для глагола: напр. вуеш налаш 'обижаться (= в голову брать)', вуйым сакаш 'пасть духом (= голову по-

¹ Д.Е. К а з а н ц е в, Г.С. П а т р у ш е в, Современный марийский язык. Лексикология. Йошкар-Ола, 1972, стр.129.

весить)', вуйым погаш 'отвечать, быть ответственным (= головой стоять)', вуйым шияш 'жаловаться (= голову бить)', йылмым колташ 'болтать (= язык пускать)', йылмым кучаш 'не проболтаться (= язык держать)', йылмым тугаташ 'болтать (= язык изнашивать)', капым погаш 'набрать силу (= тело собрать)', кидым колташ 'бить, заниматься рукоприкладством (= руки пускать)', кидыште кучаш 'держат в подчинении, зависимости (= в руках держать)', кидым пышташ 'расписаться, подписаться (= руку положить)', нерым шўшкам 'вмешиваться (= нос совать)', иктаж-көн шинчам ончас '1) просить, 2) зависеть (= чьм-нибудь глаза смотреть)', шинчам пернаш 'броситься в глаза (= в глаза попадать)', шўмым почаш '1) объясниться в любви, 2) быть откровенным (= сердце открыть)'. Для сравнения грамматических форм возьмем фразеологизм вуйым шияш. Фразеологизм имеет все возможные формы, присущие глаголу: вуйым шиям, вуйым шият, вуйым шиеш, вуйым шийына, вуйым шийнда, вуйым шийыт, вуйым ом ший, вуйым от ший, вуйым ок ший, вуйым она ший, вуйым ода ший, вуйым огыт ший, вуйым шийым, вуйым шийыч, вуйым шие, вуйым шийынна, вуйым шийында, вуйым шийыт, вуйым шийынам, вуйым шийынат, вуйым шийын и т.д. Беловлан в у й ы м ш и я м! - Игнатъев сырыме гай чот ойла (Иванов, 87) 'Белову пожалуюсь! - Игнатъев говорит громко, будто рассердившись'; Селифоне́м ўмба́к ты́ге в у й ы м ш и я т (Волков, 31) 'На моего Селифона так жалуюсь!'; Вот ынде эрда лектын шинчын! - в у й ы м ш и е ш Кандратий Япык (Волков, Каче-влак, 93) 'Вот теперь и вышло завтра! - жалуется Кандратий Япык'; Уке, уке, Галина Дмитриевна в у й ы м о к ш и й (Ончыко, 1967, № 4, 89) 'Нет, нет, Галина Дмитриевна не жалуется'; Нуно шке илыштылдан огыт өпкеле, нигёланат в у й ы м о г ы т ш и й (Шкетан, 4, 94) 'Они не обижаются на свою жизнь, никому не жалуются'; Туге гынат, вигак Ахметеклан в у й ы м ы ш ш и й (Васин, 20) 'Но тем не менее он не пожаловался сразу Ахметеку'; Кö в у й ы м ш и й ы н (Волков, Каче-влак, 119) 'Кто жаловался?'; Вес илемyse ўдыр дене кучалтат гын, чевер кечылан в у й ы м ш и я м ы л е (Волков, Пьеса-влак, 150) 'Если бы ты задержался с девушкой из другого поселения, я бы пожаловалась красному солнышку'; Кеч-кушко в у й ы м ш и й - корак корак нишам ок чўйгал (Пэнкайн, 75) 'Куда угодно жалуйся - ворона вороне глаз не выклевает'; В у й ы м а т ш и й ы н дуктеныт (Волков, Каче-влак, 119) 'Успели и нажаловаться';

Тудо кугун шўлалтен колта да Максижан в у й ш и й м ы л а
каласа: Адакат ыш лий вет, Макси! /Орай, 96/ 'Он глубоко
вздыхнул и, как бы жалуюсь, сказал Макси: Опять не вышло,
Макси!; 'Идым гыч в у й ш и я ш толын огытыл улмаш, а мый
чуч гына шкемым кучыктем /Волков, Каче-влак II9/ 'Оказывает-
ся, с гумна пришли не жаловаться, а я чуть сам себя не вы-
дал'; Шого, Йогор изай, - тый мыйын мутем колышт, тый улыны-
шо ен улат, - манын Васюн в у й ы м ш и я ш туналеш
/Орай, 226/ 'Погоди, дядя Йогор, ты послушай мои слова, ты
человек понимающий, - начинает Васюн жаловаться'.

С другой стороны, глагольные фразеологизмы не могут иметь полную парадигматику, в отличие от свободных словосочетаний. У них наблюдаются следующие ограничения в употреблении форм:

1. Не все фразеологизмы могут иметь положительную и отрицательную форму. Одни употребляются только в положительной форме, например, вуйым кочкаш 'погубить /= голову съесть/, вуйлан муаш 'сделать себе во вред /= голове найти/, вуйым удыралаш 'быть в недоумении /= голову почесать/, пылышым шогалташ 'приготовиться слушать, насторожиться /= уши поставить/, шинчаашо дене ончаш 'смотреть зло, враждебно /= белками глаз смотреть/. В у е м ы м к о ч к а т, Илюш! -
ачаже когаргыше эгерче гай сангажым кучыш /Ончыко, 1973,
№ 1, 9/ 'Ты погубишь меня, Илюш! - отец схватился за голову,
горячую как обгорелая лепешка'; Утыжым ит лорго, тиде кара-
зет дене кунам-гынат в у е т л а н м у а т, - ыштале йд-
рамах да пашаш каяш ямдылалтше марийжылан эр кочкышым йстем-
бак конден шындыш /Ончыко, 1964, № 5, 61/ 'Лишнего не бол-
тай, с этими бумагами ты когда-нибудь найдешь себе на голо-
ву, - сказала жена и принесла собравшемуся на работу мужу
завтрак; Менам деке! - ик сусыр салтак в у й ж ы м у д ы н
р а л ы н. Кузе тиде? /Ончыко, 1967, № 4, 62/ 'К нам? - один
раненный солдат был в недоумении. - Как так?'; Калим пылы-
шыжым шогалта да колыштеш /Чавайн, 83/ 'Калим
насторожился и слушает'; Пьянкова таум ыштышаш олмеш, Маль-
цевым шинчаашыж дене ончалят, шовычшым
шупшыш налым, пеш писын окна деке ошкыл мийыш /Ончыко, 1964,
№ 5, 12/ 'Пьянкова вместо того, чтобы сказать спасибо, сер-
дито посмотрела на Мальцева, отобрав платок, быстро отошла к
окну'.

Некоторые фразеологизмы имеют только отрицательную форму

или преимущественно отрицательную форму, напр., вуйым шупшап /огыл/ 'отказаться /= голову тянуть/', йолым пышташ огыл 'не приходить, не ступать /= ноги не положить/', парням логалташ огыл 'не бить, не причинять вреда /= пальцем не попадать/', шинчам корайдаш огыл 'пристально смотреть /= глаза не убирать/', шинча гыч кудалташ огыл 'не терять из виду, наблюдать /= из глаз не выбрасывать/', шинчам налаш огыл 'пристально смотреть /= глаза не брать/', шинчам тушкалташ огыл 'не спать /= глаза не приткнуть/'. Но Васи паша деч в у й ы м о к ш у п ш /Ончыко, 1974, № I, I6/ 'Но Васи от работы не отказывается'; Тетка мый декем й о л е т ы м и т п ы ш т е 'Больше не приходи ко мне /= ноги свои не клади.'/; Вара нигунамсе деч шыман, чонжым почын ончыктен каласен: "Тойвий, кудалте! Титакем паленам, шўмлан йёсё, тетла тыланет п а р н ы а т о м л о г а л т е! - маным /Орай, II5/ 'Потом, как никогда раньше, нежно, с душой сказал: "Тойвий, забудь! Я понял свою вину, тяжело на сердце. Больше никогда я тебя пальцем не трону. Забудь прошлое!" - сказал он'; Тудо тендан ўмбац ш и н ч а ж ы м о к к о р а й - де /Ончыко, 1964, № 5, 34/ 'Она глаз не отводит от вас'; Акнаш пурымек, Окавий тудым ш и н ч а г ы ч ш е ы ш к у д а л т е /Чавайн, IO7/ 'Когда вошел Акнаш, Окавий не спускала с него глаз'; Ойлымжт годым изирак сур ш и н ч а ж ы м е н ўмбац о г е ш а т н а д /Орай, 7/ 'Во время разговора он не отводит от человека свои маленькие серые глаза'; Тудат мален колта, коргаш тўналеш да мый йўд вошт ш и н ч а м о м т у ш к а л т е, кугун шўлалтен-шўлалтен шонкален пўрдам /Орай, 215/ 'Он тоже засыпает, начинает храпеть, а я всю ночь глаз не сомкну, верчусь, глубоко вздыхая от своих размышлений'.

Следует также отметить, что в марийском языке встречаются такие случаи, когда отрицательная и положительная форма одного и того же фразеологизма образует семантически дифференцированные фразеологизмы. Наиболее ярко это проявляется в фразеологизме вуйым пуаш 'жертвовать всем ради чего-нибудь, пристраститься к чему-нибудь' и вуйым пуаш огыл 'не уступать, не поддаваться, не покоряться'. Мончаште, манметла, мый выныклян в у й ы м п у э м /Шкетан, Мискара ойлымаш - влак, 45/ 'В бане, как говоришь, я за веник голову отдам'; Эр кочкышланат мыйын йўратыме чесым ыштен, шопо лашкалан мый в у й ы м п у э м /Волков, Каче-влак, I6/ 'На завтрак она

приготовила мое любимое блюдо: я голову отдам за лапшу из квашеного теста'; Вёдыр Йыван трупкаш шүпшеш гынат, папирос-дан в у й ж ы м п у а /Волков, Каче-влак, 18/ 'Хотя Вёдыр Йыван курит трубку, за папиросы голову отдаст'; "Ынде паша пытыш", - шоналтыш Йыван. Туге гынат осал игечылан в у й н м ы н е ж п у /Юзыйкин, 123/ '"Теперь дело кончено", - подумал Йыван, но тем не менее не хочет покориться плохой погоде'; Иктыланат в у й н м ы н е ж п у /Юзыйкин, 144/ 'Никому не хочет уступать'; Пычал ўзгар пытымешке, в у й н м о г ы н а п у /Чавайн, 331/ 'Пока не кончатся боеприпасы, не покоримся /= голову не дадим/'; Нигёлан в у й н м о м п у /Орай, 89/ 'Никому не уступлю'.

2. Не все глагольные фразеологизмы могут иметь все формы времени. Напр., следующие фразеологизмы употребляются в основном только в настоящем и будущем времени: Вуйым кўшан ұжаш 'зазнаваться, гордиться /= голову вверх видеть/'. В у е-ты м к ў ш а н ұ ж а т /Волков, Пьеса-влак, 134/ 'Ты очень зазнаешься'. Йылым колташ 'болтать, /= язык распускать/'. Утларакше Маланья й й л м н ж ы м к о л т а /Волков, Пьеса-влак, 103/ 'Особенно Маланья язык распускает'. Нерым кўш-кё нёлташ 'зазнаваться, гордиться /= нос вверх поднимать/'. Сий лийшан тўмырзё-влак, гармонистым ончен, н е р ы ш т ы м к ў ш к ё н ё л т а ш тўчат /Волков, Каче-влак, 132/ 'Приглашенные барабанщики, смотря на гармонистов, стараются важничать /= свой нос высоко поднимать/'. Шинчам ок шўтё 'не лишние, не повредят /= глаза не продырявит/'. Окса нигён шинчажыматок шўтё /Ончыко, 1964, № 5, 41/ 'Деньги никому глаза не выколют'.

3. Для глагольных соматических фразеологизмов характерно ограниченное употребление наклонений. Если свободные словосочетания почти без исключения употребляются в желательном наклонении, то для фразеологизмов это не характерно. Напр., нельзя сказать мый вуйым сакынем или мый вуйым шупшнем и т.д. Для некоторых фразеологизмов характерно употребление преимущественно в одном наклонении /напр., повелительном/, ср. фразеологизмы Йолым чот пидаш 'молчать /= ноги крепко завязать/' или шинчаш шўвалаш 'плюнуть в глаза'. Таче эмылме вер кудречыште мом ұжынат, й о л е т ы м ч о т п и д а ш /Волков, Каче-влак, 190/ 'Что ты видела и слышала во дворе больницы - молчок /= ноги твои крепко завязать/'; Шояк гын, ш и н ч а ш к е м ш ў в а л вара! - Авнш ойлыштеш /Орай,

209/ 'Если неправда, плюнь мне в глаза! – поговаривает Авыш'.

4. Некоторые глагольные фразеологизмы характеризуются ограничением в употреблении форм лица, напр., парням нулалат 'очень хороший /= пальцы оближешь/'. Мый тылат тугай качым верештам – парнятым нулалат! /Волков, 56/ 'Я тебе такого жениха найду – пальчики оближешь'.

Следующей особенностью глагольных соматических фразеологизмов марийского языка является то, что они имеют свои синтаксические связи с остальными членами предложения. Особенно ярко проявляются специфические синтаксические связи тех фразеологизмов, которые образовались путем переосмысления омонимичных свободных словосочетаний. Сравним свободное словосочетание вуйым пышташ '=/= голову положить/' и фразеологическое вуйым пышташ 'погибнуть /= голову положить/'. Вуйым пышташ как свободное словосочетание требует существительного в иллативе. Напр., Наталья вуйжым вачышкем пыштыш 'Наталья положила свою голову на плечо'. Как фразеологизм вуйым пышташ требует существительного в инессиве или же существительного с послелогом верч 'ради, за'. Напр. Нуно мундыр мландыште вуйыштым пыштеныт 'Они сложили свои головы на далекой земле'. Ср. также фразеологизм шинчам почаш 'раскрыть истину, дать понять /= глаза открыть/' с омонимичным свободным словосочетанием шинчам почаш. Как фразеологизм шинчам почаш требует обязательное притяжательное местоимение: Туныктышо мемнан шинчанам почо 'Учитель раскрыл нам глаза', или дополнение в дательном падеже, напр., Туныктышо мыланна шинчанам почо 'Учитель раскрыл нам глаза'. Как свободное словосочетание шинчам почаш не имеет твердых синтаксических связей. Напр., Ўдыр эркыш шинчажым почо 'Девушка тихонько открыла свои глаза'.

С о к р а щ е н и я

Васин = К. В а с и н, Ушнымаш. Йошкар-Ола, 1956; Волков = А. В о л к о в, Оръян мелна. Йошкар-Ола, 1966; его же, Пьеса-влак. Йошкар-Ола, 1958; его же, Каче-влак. Йошкар-Ола, 1962; Иванов = В. И в а н о в, Волгыдо ўжара. Йошкар-Ола; Орай = Д и м. О р а й, Тўтыра вошт. Йош-

кар-Ола, 1951; Чавайн = С. Ч а в а й н, Ойного. Йошкар-Ола, 1957; Шкетан = М. Ш к е т а н, Роман, пьеса, ойлымыш; очерк да статья-влак, 4 том. Йошкар-Ола, 1962; Юзыкайн = Ю з ы - к а й н, Маска вынем, Йошкар-Ола, 1972.

EINIGE BESONDERHEITEN DER VERBALEN SOMATISCHEN
PHRASEOLOGISMEN DER MARISCHEN SPRACHE

Z u s a m m e n f a s s u n g

Der Struktur nach werden die marischen somatischen Phraseologismen in zwei Gruppen eingeteilt: Phraseologismen mit der Struktur einer Wortverbindung, z.B. вуйым пўгнрташ 'sich erniedrigen (= den Kopf beugen)', йолым виктараш 'seine Schritte lenken (= Füße lenken)', Phraseologismen mit der Struktur eines Satzes, z.B. кид-йол нўлтеш 'guter Laune sein (= Hand-Fuß hebt sich)', шўм шўм олмышто огыл 'es ist j-m unruhig (= Herz ist nicht an Stelle des Herzens)'. Auch prädikative Wortverbindungen вуй йомаш 'ums Leben kommen (= der Kopf¹ verlieren)', мўшкыр пикаш 'schwanger werden (= der Bauch kleben)' haben gewöhnlich die Struktur des Satzes.

Die produktivsten Phraseologismen mit der Struktur einer Wortverbindung sind die verbalen Phraseologismen. Die verbalen Phraseologismen verfügen über die reichen grammatischen Formen, die mit Hilfe der Endungen den verbalen Komponente gebildet werden. Als Beispiel wird der Phraseologismus вуйым шияш 'klagen (= den Kopf schlagen)' angeführt. Aber nicht alle Phraseologismen können alle grammatischen Formen bekommen. Oft beobachtet man einige Beschränkungen im Gebrauch der grammatischen Formen. Es handelt sich dabei um folgende Beschränkungen:

1. Nicht alle Phraseologismen können positive und negative Formen haben. Einige werden nur in positiver Form, z.B. вуйым кочкаш 'j-n untergehen lassen (= den Kopf essen)', вуйым удырадаш 'verduzt sein (= den Kopf kratzen)', die anderen nur in negativer Form gebraucht. Bei manchen

¹ Im Marischen steht in der prädikativen Wortverbindung das Objekt im Nominativ.

Phraseologismen bilden positive und negative Form eines und desselben Phraseologismus verschiedene Bedeutungen.

2. Einige Phraseologismen haben nicht alle Zeitformen, z.B. БУЙЫМ КУШАН УЖАШ 'sich überheben (= den Kopf oben sehen)' wird nur im Präsens oder Futurum gebraucht.

3. Die Phraseologismen werden auch im Modusgebrauch beschränkt. Z.B. Optativ ist für die verbalen marischen Phraseologismen nicht typisch.

4. Für einige Phraseologismen ist nur eine bestimmte Person kennzeichnend, z.B. ПАРЯТЫМ НУЛАЛАТ 'sehr schön (= die Finger leckst)'.

Zu den Besonderheiten der marischen verbalen Phraseologismen gehören auch spezifische syntaktische Verbindungen des Phraseologismus zu den anderen Satzgliedern.

СЛОЖНЫЕ СУБСТАНТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЭРЗЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

В мордовских языках словосочетания представляют собою структурно-замкнутые синтаксические единицы, образующиеся в результате грамматического объединения не менее чем двух полнозначных слов. В своем изложении мы будем исходить из признания простых словосочетаний, состоящих из двух знаменательных слов, и сложных, состоящих более чем из двух знаменательных слов. Необходимо отметить, что послеложные конструкции входят в структуру словосочетания в качестве его компонентов. В таких случаях словосочетание состоит из трех частей, но оно включается в число простых словосочетаний, так как послелоги не являются знаменательными словами. Управляя чаще косвенными падежами имен, послелоги служат для соединения их с другими компонентами словосочетания по способу примыкания. Например, эрз. эчке чувто удало¹ 'за толстым деревом', чопода менеленть лангсо 'на темном небе-том', мазый цёра марто 'с красивым парнем', кенкш удало кунсолома 'подслушивание за дверью', ки лангсо оймсема 'отдых в пути /досл.: на дороге/',² ялга марто вастома 'встреча с другом'. Послелоги удало 'за', лангсо 'на', марто 'с' сопровождают существительные чувто 'дерево', менеленть 'небо', цёра 'парень', кенкш 'дверь', ки 'дорога', ялга 'друг'. В первых трех словосочетаниях послелоги управляют главным словом. В последних трех словосочетаниях они относятся к зависимому слову, образуя определительные конструкции с зависимым существительным с послелогом. Для мордовских языков характерно постпозитивное употребление послелогов. В таких случаях они играют роль служебных слов, управляя тем словом, к которому они непосредственно относятся. Вставка между ними третьего слова не допускается, так как определение к управляемому слову ставится перед ним. Место послелога в мордовских языках прочно фиксировано. Совершенно иная картина получает-

¹ Одной чертой будем выделять главное слово, а двумя - зависимые.

² В дальнейшем сокращение /досл.:/ будет заменено знаком / = /.

ся при переносе послелога в препозитивную позицию. Его перенос на место перед управляемым словом полностью изменяет значение как послелога, так и всего словосочетания. Это происходит по той простой причине, что послелоги в мордовских языках еще не утратили семантической связи с теми словами, от которых они произошли, т.е. они могут употребляться и как слова с лексическим значением. Эти важные, специфические для мордовских языков моменты необходимо помнить при анализе тех или иных сочетаний слов. Например, пире удало 'за огородом', но удало пире 'дальний огород'; кинь трокс 'через дорогу', но трокс ки 'поперечная дорога'; ведь ланга 'по воде', но ланга ведь 'выступившая на поверхность вода'. Во всех первых случаях послелоги являются служебными словами, во вторых — знаменательными словами с определенным лексическим значением.

Мы ставим перед собой задачу проанализировать сложные субстантивные словосочетания³. Данная проблема до сих пор мало изучена в мордовском языкознании. Правда, М.Н. Коляденков (1959: 100–104) в свое время коснулся этого трудного вопроса. Однако в его вышеупомянутой монографии, во-первых, даже нет специальной главы, посвященной этой теме. Сложные словосочетания рассматриваются им как бы мимоходом в разделе "Свободные синтаксические словосочетания подчинительного типа", более развернуто в связи с порядком слов в мордовских языках и частично в разделе "Примыкание". Во-вторых, отсутствует последовательность в подходе к данной проблеме, т.е. сначала он пишет о сложных словосочетаниях, в которых определяемое слово связано одновременно с несколькими определителями, выражающими не только однородные, но и неоднородные отношения. Такие словосочетания М.Н. Коляденков (1959: 101) называет определительными словосочетаниями подчинительного типа /1/. Потом он упоминает об определительных словосочетаниях сочинительного типа, выражающих однородные отношения /2/. Далее

³ Простые словосочетания подробно и последовательно были уже рассмотрены, в частности, в работах М.Н. Коляденкова (1959: 54–98) и В.М. Туркиной (1972: 144–205). На простых именных словосочетаниях останавливается А.П. Феоктистов (1962: 212–215; 1963) в связи с анализом способов выражения притяжательных значений в мордовских языках. Н.Ф. Цыганов (1964: 179–191) устанавливает сферы употребления имени в абсолютной форме по выраженным им отношениям и значениям. Отдельные случаи соотносительности сложных слов и абсолютной формы в рамках субстантивных словосочетаний тонко подмечены Д.В. Бубрихом (1947: 9–13).

отмечается наличие определенных словосочетаний сочинительного типа, выражающих неоднородные отношения /3/. И, наконец, указывает еще на один тип словосочетаний – смешанный, где часть определителей находится между собой в отношениях сочинения, а другая – в отношениях подчинения, т.е. наблюдаются как однородные, так и неоднородные определения /4/. В-третьих, нет четкости в дифференциации разных типов словосочетаний. Например, возникает вопрос, какая принципиальная разница между первым /I/ и четвертым /4/ типом? Было бы правильное, на наш взгляд, объединить их в один тип, ибо они имеют аналогичную структуру, т.е. могут распространяться как однородными, так и неоднородными определениями. Неясно, почему автор относит третий тип к сочинительному, хотя сам же недвусмысленно утверждает, что между компонентами словосочетания нет и не может быть свободы размещения перед определяемыми словами, так как в силу своей неоднородности эти компоненты могут вступать в подчинительные отношения между собой и изменять весь первоначальный смысл высказывания. Поэтому между ними существует лишь строгий порядок слов. Исходя из этого их нельзя называть сочинительным типом, ибо сочинение как таковое полностью отсутствует.

Как известно, сложные словосочетания возникают в результате распространения простых. Они выражают то же, что и простые, но в более конкретизированном, расчлененном виде. Например: поких кудось 'большой дом-этот', но минек тетянь поких кудось 'большой дом нашего отца (= нашего отца большой дом-этот)'. В первом случае перед нами простое определительное словосочетание, состоящее из двух компонентов: определения и определяемого слова; во втором – сложное словосочетание, потому что непосредственное определение поких 'большой' распространено, т.е. имеет при себе свое пояснительное слово – определение тетянь 'отца', которое стоит теперь уже перед своим определяемым словом поких. В свою очередь определение тетянь имеет свое определяющее слово минек 'наш', которое локализуется в препозиции по отношению к своему теперь уже определяемому слову тетянь. Из этого примера мы видим, что простые словосочетания, распространяясь, образуют сложные, состоящие из трех и более слов, где первое определяющее слово имеет свои определения, и определяемое слово, таким образом, может определяться одновременно не одним, а несколькими определителями, выражающими при этом не только однородные,

но и неоднородные отношения. Однако усложнение словосочетания не может выходить за рамки так называемых непредикативных сочетаний слов.

Сложные словосочетания при значительном их разнообразии могут быть сведены к трем основным типам: 1) атрибутивные словосочетания с однородными определениями (поясняющими членами); 2) атрибутивные словосочетания с неоднородными определениями; 3) цепные атрибутивные словосочетания.

1. АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С ОДНОРОДНЫМИ ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ

К данному типу относятся такие словосочетания, в которых зависимые компоненты качественно равноценны между собой в семантическом и синтаксическом отношении. Все однородные определения, с одной стороны, сочинены между собой, а, с другой, подчинены одному главному (ведущему) слову, образуя определенное семантическое единство. Определения однородны, если они, видоизменяя, усиливая или уточняя друг друга, выделяют при этом исключительно однородные признаки того или иного предмета. Однородные определения, располагаясь в позиции, обычно бывают выражены одинаковыми частями речи и отвечают на один и тот же вопрос. Например: тополенъ, умарьксэнь, чукшторовксонь чувтынь 'тополевые; яблоневые, смородиновые деревца' (все определения показывают один и тот же признак – породу (вид) саженцев и выражены одной и той же частью речи – генитивоподобными прилагательными); сэрей, мазый цёра 'высокий, красивый парень' (определения дают качественную оценку лицу и выражены качественными прилагательными); якстере, пиже, сэнь ды ашо конёв 'красная, зеленая, синяя и белая бумага' (предмет определяется со стороны цвета); понань, коцтонь ды парсеень палят 'шерстяные, полотняные и шелковые рубашки' (все определения показывают материал, из которого сделана вещь, и выражены относительными прилагательными); нилешка, ветешка кудот 'около четырех, пяти домов' (предмет определяется со стороны количества); то пи́земе, то лов чи 'то дождливый, то снежный день' (главное слово определяется двумя определениями, выраженными существительными в абсолютной форме и соединенными разделительным союзом то ... то). Количество однородных поясняющих членов практически не ограничено. Эти примеры показывают, что во всех словосочетаниях однородные определения не подчинены

друг другу, т.е. они не зависят друг от друга грамматически, а являются свободными синтаксическими образованиями. Эти свободные словосочетания можно легко дробить на отдельные компоненты. Каждый из компонентов словосочетания обладает своим лексико-грамматическим значением и может вступать в самостоятельные синтаксические отношения с другими словами. Этим они отличаются от синтаксически неразложимых единиц. Характерными признаками рассматриваемых нами словосочетаний являются качественная равноценность определений, и, следовательно, равноправность отношений между ними, основанная на принципе сочинения. Связующей силой в них выступают сочинительные союзы и интонация перечисления. Определители словосочетаний располагаются перед определяемыми словами по нормам мордовских языков без всякого морфологического изменения. Определяющие слова однородны, порядок слов между ними абсолютно свободный. Перемещение слов не влияет на смысл словосочетания. Например: в словосочетании пек вадря, превей тейтерька 'очень хорошая, умная девчужка' при перестановке определений превей, пек вадря тейтерька 'умная, очень хорошая девчужка' семантическое значение полностью сохраняется, изменяется только стилистическая окрашенность: происходит усиление, особое подчеркивание качественных сторон какого-то определенного лица. Для соединения таких определений часто употребляются сочинительные союзы.

II. АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ С НЕОДНОРОДНЫМИ ОПРЕДЕЛЕНИЯМИ

Если в словосочетании одно определение выражает более общее понятие, а другое — его частный случай, то они не являются однородными. Несколько определений, относящихся к одному и тому же определяемому слову, но семантически и синтаксически неравноправных, называются неоднородными определениями. Они не могут соединяться друг с другом союзами. Неоднородные определения часто выражаются различными частями речи. Например: Кавонест лангсо серой од костюм (Радаев: 46). 'На обоих серые новые костюмы'. Определения 'серой', од 'новый' отвечают на один и тот же вопрос (какие?), и оба относятся к одному определяемому слову костюм 'костюмы', характеризуя его с разных сторон: со стороны цвета (серой) и со стороны качества (од). Кшнинь покш ортатненъ вакссо машина-

тнень вастынзе дежурной командир (Прохоров: 3). 'Около железных больших ворот встретил машины дежурный командир'. Оба определения кшннй 'железный' и поки 'большой' относятся к одному определяемому слову ортатнень 'ворота', характеризую его со стороны материала, из которого сделан предмет, и со стороны размера. "Эх, тезень бу поки ошонь инжеть озавтнемс, аздан мезекс маряволь тенст те ёвксонь уголднесь!" – эсь пачканзо арсезевсь Тимофей Николаевич (Эркай: 19) 'Эх, посадить бы сюда гостей из большого города, не знаю, чем бы показался им этот сказочный уголок! – подумал про себя Тимофей Николаевич'. В этом предложении два атрибутивных словосочетания с неоднородными пояснительными членами: поки ошонь инжеть 'гости из большого города (= большого города гости)' и те ёвксонь уголднесь 'этот сказочный уголок (= этот сказочный уголок-этот)'. Все определения неоднородны, так как характеризуют определяемое существительное по разным признакам. В первом случае определения выражены качественным прилагательным поки 'большой' и существительным в генитиве ошонь 'города', во втором – указательным местоимением те 'этот' и генитивовоподобным прилагательным ёвксонь 'сказочный'.

Решая вопрос о типе сложного словосочетания (наличие однородных или неоднородных определений), следует учитывать прежде всего смысловое содержание сочетающихся компонентов. Не менее важна структура словосочетания, ибо определения, входящие в его состав, синтаксически неравноценны. Если однородные определения располагаются внутри словосочетания свободно, то неоднородные не допускают никакой перестановки, ибо от этого полностью искажается первоначальный смысл. В тех случаях, когда в составе неоднородных определений наличествуют слова, обозначающие качественную оценку, они, как правило, ставятся непосредственно перед определяемым словом. Приведем для сравнения несколько примеров: тартунь мазый цёра 'тартуский красивый парень', но мазый тартунь цёра 'парень из красивого города Тарту (= красивого /города/ Тарту парень)'; тетянь чувтонь од кудо 'отцов (-ский) деревянный новый дом', но тетянь од чувтонь кудо 'отцов из свежесрубленного дерева дом'. Так определение од 'новый', примкнув к слову чувтонь 'деревянный', передает качественный признак того слова, перед которым оно стоит непосредственно. Абсолютно невозможен вариант од тетянь чувтонь кудо 'нового отца деревянный дом'. Эти примеры показывают, что качественное

прилагательное всегда определяет лишь то слово, перед которым оно находится. Поэтому его перемещение изменяет содержание высказывания в том смысле, что генитивовоподобное прилагательное, перед которым располагается качественное прилагательное, осмысливается уже не как прилагательное, а как определяемое качественным прилагательным существительное в родительном падеже.

Таким образом, нарушение порядка слов "ведет к разрушению или изменению синтаксических отношений между словами и тем самым к разрушению или изменению смысла высказывания" (М.Н. Коляденков 1959:103). Исключение составляет абсолютная форма существительного, где, в частности, качественное определение располагается не перед определяемым существительным непосредственно, а перед существительным в абсолютной форме, определяя, таким образом, всю конструкцию в целом. Это происходит по той причине, что абсолютная форма существительного представляет собой промежуточную, не до конца оформившуюся ступень между примыканием и словосложением. Подробнее см. у М.Н. Коляденкова (1959:81-84). Количество поясняющих членов в данном типе словосочетаний довольно ограничено. Подобные словосочетания не могут допускать распространения больше одного синтаксического звена, т.е. неоднородные определения образуют одну, тесно связанную по смыслу и структуре синтаксическую единицу. Если эта синтаксическая единица распространяется и образует еще одно звено, то такое словосочетание будет относиться уже к третьему типу словосочетаний, условно названному цепным.

III. ЦЕПНЫЕ АТРИБУТИВНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ

К этому типу относятся такие словосочетания, в составе которых одна часть определителей может находиться между собой в отношениях сочинения, а другая - в отношениях подчинения или только последовательного подчинения нескольких определителей. М.Н. Коляденков подразделяет такие словосочетания на два типа: смешанный и словосочетания подчинительного типа, хотя по структуре они мало чем отличаются друг от друга. Поэтому более целесообразно объединить их в один тип и называть цепными словосочетаниями. Например: Мордовской, Марийской и Удмуртской АССР — нъ писателънъ союзтне 'союзы писателей Мордовской, Марийской и Удмуртской АССР (Мордов-

ской, Марийской и Удмуртской АССР писателей союзы — эти)'; Границянтъ маласо антиця минек дивизиянтне солмавсть бойо (Прохоров: 8) 'Наши дивизии, находящиеся у границы, вступили в бой'; Сон дивсеэз вансэ Сёма лангс, когда те доманесь пингензэ перть эри истямо сёвныця ды коронь а кирдия аванть марто (Абрамов: 140) 'Он с удивлением смотрел на Семена, как этот человек всю свою жизнь живет с такой сварливой и несдержанной женщиной'. В первом примере определительное словосочетание Мордовской, Марийской ды Удмуртской АССР-нь писателень 'писателей Мордовской, Марийской и Удмуртской АССР' относится к определяемому слову союзтне 'союзы — эти' и располагается перед ним. (Сравните русский перевод, в котором главное слово находится перед своим определяющим словосочетанием). Однако непосредственным, прямым определителем слова союзтне является определитель писателень 'писателей', который, в свою очередь, является определяемым словом для определения АССР-нь, имеющего при себе целый ряд однородных определений мордовской, марийской ды удмуртской, связанных сочинением. Аналогичным образом обстоят дела в других примерах, где каждое предыдущее слово является определением последующего, подчиненным (или сочиненным, в зависимости от структуры словосочетания) последующему как определитель определяемому, а все определители вместе взятые служат определением для главного (стержневого) слова, которое само уже не является определителем для какого-либо другого слова. Последовательное соединение (нанизывание) целого ряда зависимых друг от друга слов (звеньев), образующих замкнутую в структурно-семантическом отношении синтаксическую единицу, будем условно называть цепными атрибутивными словосочетаниями. В этих сложных по структуре словосочетаниях возникают длинные ряды всевозможных, большей частью генитивных определений, нередко в сопровождении поясняющих членов. Например: Сонзэ покштыякнокш значениязо (съездэнтъ) сөнъсэ, что максы минек масторсо коммунизмэнь материально-технической базанть седе тов бойкасто строямонь весеме ёндо народной, алкукс ленинской од программа (Сятко: 3) 'Его (съезда) величайшее значение в том, что он дает нашей стране действительно всенародную ленинскую новую программу более ускоренного строительства материально-технической базы коммунизма'. В этом предложении определением к стержневому слову программа служит целая цепь подчиненных и частично сочиненных друг с другом

слов коммунизм материально-технической базанть седе тов бойкасто строямонь весеме ёндо народной, алкукс ленинской од. По правилам мордовских языков непосредственным определением к определяемому слову, т.е. определением первой ступени, является слово од 'новый', выраженное качественным прилагательным; перед ним располагаются однородные определения, выраженные относительными прилагательными ленинской и народной, которые имеют при себе свои пояснительные слова алкукс 'действительно' и весеме ёндо 'всесторонний (= со всех сторон)' - назовем всю эту группу слов определением второй ступени; далее, перед группой слов с однородными определениями находится новое звено, доминирующим словом в котором является существительное в генитиве строямонь 'строительства', имеющее при себе комментирующие слова седе тов бойкасто 'до-сл: более вперед быстро', обозначим эту группу определением третьей ступени. Дальнейший анализ свидетельствует о наличии следующего определения, выраженного существительным в генитиве базанть 'базы-этой', которое подчинено в общей сложности стержневому слову программа, но этот зависимый член начинает играть роль главного слова по отношению к распространяющему его слову материально-технической, выраженному относительным прилагательным. Эта единица образует группу четвертой ступени. И, наконец, последнее определение в данном словосочетании коммунизм, выраженное существительным в генитиве, обозначим определением пятой ступени. Итак, перед нами - разложенное по звеньям, по отдельным ячейкам сложное определительное словосочетание, представляющее собой длинную неразрывную цепь последовательного подчинения определяющего определяемому, осложненную частично сочинением. Эти логически связанные, маленькие синтаксические единицы (звенья) образуют в своей совокупности сложную по структуре синтаксическую единицу, в которой все определители по нормам мордовских языков всегда локализируются перед своими определяемыми. Очень важно при анализе подобных конструкций выделять его составляющие звенья - ступени, которые содействуют образованию медленного, постепенно нарастающего накопления определенных уточняющих данных о тех или иных предметах и явлениях. Условно названные нами цепные атрибутивные словосочетания образуют, таким образом, самостоятельную синтаксическую единицу и должны занимать особое место в грамматике мордовских языков. Они имеют сложную структуру. Однако даже в

своей развернутой форме они не являются чем-то чуждым строю мордовского языка. В общей сложности, это явление особенно часто встречается в публицистике, реже художественной прозе и совсем не употребляется в живой разговорной речи. Писатели также стараются избегать такого рода определений и заменять их придаточными определительными предложениями. Статистика показала, что в публицистике цепные словосочетания составляют 11,4%, в художественной прозе — 1,1%, а придаточные предложения соответственно — 1,4% в публицистике и 4,3% в прозе. Эти цифры подтверждают, во-первых, жизнеспособность данных синтаксических единиц, во-вторых, сферу их широкого употребления. Данные сложные словосочетания органически включаются в строй предложения, содействуя образованию постепенного накопления определенных данных о тех или иных предметах. Многочисленность цепных атрибутивных словосочетаний и ограниченное количество придаточных определительных предложений объясняется, вероятно, тенденцией публицистического стиля к языковой экономии, к сокращению избыточности, что является наглядным свидетельством компактности высказывания на синтаксическом уровне. Вместо развернутых придаточных предложений используются сжатые, замкнутые синтаксические единицы, основанные на точности и однозначности передачи информации. В противоположность сказанному, для художественной прозы характерна многозначность, повторяемость, эмоциональность, выражающаяся многочисленными словосочетаниями с однородными и неоднородными определениями, а также развернутыми, комментирующими формами выражения мысли — придаточными определительными предложениями. Различие стилей речи обусловлено прежде всего особым характером и назначением сообщаемого в речи, а также более или менее выдержанным единством языковых средств, характеризующим как отдельное высказывание, так и целый ряд высказываний.

Л и т е р а т у р а

- Бубрих Д.В. 1947. Эзя-мордовская грамматика-минимум. Саранск.
- Коляденков М.Н. 1954. Грамматика мордовских (эзянского и мокшанского) языков, ч. II, синтаксис. Саранск.
1959. Структура простого предложения в мордовских языках. Предложение и его главные члены. Саранск.

- Туркина В.М. 1972. Субстантивные словосочетания с зависимым существительным в мордовских языках. - Вопросы мордовского языкознания. Труды, вып. 42, Саранск.
- Феокистов А.П. 1962. Примыкание как латентная форма выражения притяжательности в мордовских языках. - Труды, МНИИЯЛИЭ. т. 23, Саранск.
1963. Категория притяжательности в мордовских языках. Саранск.
- Цыганов Н.Ф. 1964. Абсолютная (внепадежная) форма. - Ученые записки МГУ, Саранск.

С о к р а щ е н и я

Абрамов = К. А б р а м о в, Эсеть канстось а маряви. Саранск, 1967; Прохоров = П. П р о х о р о в, Штабонь начальник. - Сятко 1975, № 1; Сятко 1971, № 4; Эркай = Н. Э р к а й, Деревня. - Сятко 1971, № 4.

A. J e g o r o v a
(Tartu)

ZUSAMMENGESETZTE SUBSTANTIVE WORTVERBINDUNGEN
IM ERSÄNISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Das Problem der zusammengesetzten substantiven Wortverbindungen ist im Ersänischen bis heute schlecht untersucht. Einzelne Artikel geben keine Klarheit über diese komplizierte Frage. Unserer Meinung nach ist es am besten, diese Wortverbindungen in 3 Typen zu verteilen: 1) zusammengesetzte Wortverbindungen mit gleichartigen Attributen; 2) zusammengesetzte Wortverbindungen mit ungleichartigen Attributen; 3) attributive Kettenwortverbindungen. Zum ersten Typ gehören solche Wortverbindungen, deren abhängige Komponenten in den semantischen und syntaktischen Beziehungen untereinander qualitativ gleichwertig sind. Alle gleichartigen Attribute sind miteinander beigeordnet, einerseits und einem Hauptwort untergeordnet, andererseits. Aber zusammen bildet diese Gruppe eine bestimmte semantische Einheit. Gleichartige Attribute betonen ausschließlich gleichartige Merkmale des zu bestimmenden Gegenstandes. Zum zweiten Typ gehören die Wortverbindungen, wo die Attribute semantisch und syntaktisch ungleichwertig sind. Solche Attribute bestimmen das Substantiv von verschiedenen Seiten, in verschiedenen Beziehungen, d.h. sie drücken ungleichartige Unterscheidungsmerkmale des Gegenstandes aus. Zum dritten Typ gehören sogenannte attributive Kettenwortverbindungen. Sie bestehen größtenteils sowohl aus gleichartigen als auch aus ungleichartigen Attributen, die sich aber zusammengekommen nur einem Hauptwort unterordnen. Solche Wortverbindungen bilden eine selbständige syntaktische Einheit. Besonders oft kommen sie in der Publizistik vor, seltener in der Prosa und fast nie in der Umgangssprache. Das klärt sich wahrscheinlich durch das Streben des publizistischen Stils nach der sprachlichen Sparsamkeit, nach der Verminderung der Überflüssigkeit auf der syntaktischen Ebene. Diese Konstruktion beruht in erster Linie auf der Genauigkeit und Eindeutigkeit der Übergabe der Information.

ОСНОВНЫЕ ПУТИ И ВРЕМЯ ПРОНИКНОВЕНИЯ МАДЬЯРИЗМОВ
В УКРАИНСКИЕ ГОВОРЫ ЗАКАРПАТЬЯ

Лексические мадьяризмы проникали в украинские говоры Закарпаття как устным, так и книжным путем. Устным путем проникло преобладающее большинство венгерских заимствований, среди которых выделяются два основных типа.

К первому типу относятся лексические мадьяризмы, вошедшие в украинские говоры Закарпаття в результате повседневных непосредственных языковых, экономических и культурных сношений украинцев и венгров. Это преимущественно венгерские заимствования, обозначающие названия предметов, действий, признаков, связанных с бытом людей, их внешними и физическими особенностями, сельским хозяйством, народной метрологией, животноводством, растительным миром и др. Например: бу́тор 'мебель' < венг. bútor¹, та́лош 'полка для посуды' < tálas, карсыйк 'стул со спинкой' < karszék, фййб́вка 'ящик в кухонном шкафу, в столе' < fiók, бййли́ш 'подклад-ка' < bélés, хебалб́вка 'носовой платок' < zsebbevaló, вал-па́нта 'бретелька на женской сорочке' < vállpánt, пб́нд'бла 'халат' < pongyola, ф́ат'ол 'прозрачное покрывало, которым прикрывают мертвого в гробу' < fátyol; саб́ив 'портной' < szabó, гайта́ш 'украшение на женском платье в виде сборок' < hajtas, ро́йты 'бахрома' < rojt, вошолу́в 'утюг' < vasaló, ке́фа 'щетка для чистки одежды, обуви и т.п.' < kefe, та́лпа 'подошва обуви' < talp, лабса́ры 'кожаные голенища' < lábcsár; во́йверив 'маслобойка - ручное приспособление, сосуд для собивания масла из сметаны' < vajverő, феде́вка 'крышка закрывать горшки и кастрюли' < fedő, пала́чінтош 'сковорода' < palacsintos, ресел́ив 'терка' < reszelő, тй́вчир 'лейка' < tölcsér, валі́в 'корыто, кормушка, поилка' < váló, го́рдів 'бочка' < hordó, д'алі́в 'шинковка' < gyalu; де-веш 'мясной суп' < leves, гу́л'аш 'суп-гуляш' < gulyás, го́м-

¹ Когда венгерское соответствие совпадает с предыдущим украинским мадьяризмом, то его значение не дается.

ббвцы 'галушка с начинкой в форме колобка' < gombóc, марташ 'подлива' < mártás, пшкóвта 'бисквит' < piskóta, ти́йе 'чай' < tea, кавіл 'кофе с молоком' < kávé, фінóмний 'нежный, изящный' < finom, кйй'ешный 'чуткий, уязвимый' < kényes, ке́дешный 'милий' < kedves, ре́ндешный 'порядочный, честный' < rendes, га́мйшний 'фальшивый, хитрый' < hamis, ча́мпашный 'кривоногий' < csámpás, бе́'ар 'сильный отважный человек' < betűár, би́а́нға 'бродяга, лентяй, дебошир' < bitang, бановáти 'печалиться, жалеть, грустить' < bán, ирде́мловáти 'заслуживать, быть достойным' < érdemel, енге́довáти 'сделать уступку, разрешить' < enged; тенге́рица 'кукуруза' < tengeri, дога́н 'табак' < dohány, марга́рипа 'кормовая свекла' < marhagépa, ма́жа 'центнер' < mázsa, и́ц'а 'мера спиртных напитков, равная 0,8 литра' < icse, го́лд 'земельная мера - 0,57 га' < hold; йбвсаг 'скот, скотина' < jószág, чиків 'жеребенок' < csikó, чйвца́р 'жеребец' < csödcőr, маради́к 'остаток отары овец' < maradék, йу́гас 'овчар, чабан' < juhász, мийса́рош 'мясник' < mészáros, арва́чка 'трехцветная фиалка' < árvácska, йобйа 'фиалка душистая' < ibolya, пипоч 'дикий мак' < pipacs, сэкфу 'гвоздика' < szegfű, орго́на 'сирень' < orgona, фу́тóвка 'один из цветов, быстро разрастающихся по изгороди, внешним стенам дома и т.д.' < futóvirág и другие.

Подобным образом проникали мадьяризмы в разговорную речь украинцев Закарпатья и в результате непосредственных торговых связей, в частности, через куплю и продажу лошадей, волов, коров. Известно, что главными поставщиками лошадей и волов в Закарпатье были прославленные венгерские коневоды и воловоды. Поэтому и не удивительно, что среди лексики украинских говоров Закарпатья, связанной с животноводством и в особенности с кличками лошадей, коров, волов, имеется большое количество мадьяризов. Например: адда́мáш 'магарыч' < áldomás, ва́шар 'рынок, базар' < vásár, сйла́й 'спокойная корова' < szilaj; клички животных: Бйкййа, Бейла, Бонди, Вйлма, Вйлмош, Йу́лйшка, Котййа, Лопй, Магда, Мо́нцййа, Пйт'о, Полй, Рбвжййа, Фанййа, Шандор, Шон'й и другие.²

² По подсчетам П.П. Ч у ч к и в украинских говорах Закарпатья насчитывается около 60% кличек волов и лошадей венгерского происхождения (см. его статью "О венгерских антропонимах и зоонимах в украинских говорах Закарпатья". - Вопросы финно-угорского языкознания. Москва, 1966, стр. 170-171).

Лексические мадьяризмы первого типа широко вошли в речь украинского населения Закарпаття. Значительная часть этих слов еще и сейчас входит в активный словарный запас старшего поколения, и на собственной украинской диалектной почве от них образован ряд производных форм.

Продолжительные добрососедские культурные отношения между украинцами Закарпаття и венгерским населением способствовали также распространению венгерских песен и различных мелодий среди украинцев и, наоборот, распространению украинских песен, сказок, легенд, поговорок и пословиц среди венгерского населения.³

Ко второму типу заимствований относятся венгерские заимствования, которые также проникали устным путем, но не в столь непринужденной непосредственной беседе простых людей между собой, а в результате официального общения украинского населения Закарпаття с чиновниками и служащими различных государственных учреждений, учебных заведений, во время службы в армии и т.д. Известно, что налоги с населения собирали в основном венгры и значительно реже украинцы, также хорошо владевшие венгерским языком. Описывая имущество крестьянина и собирая налоги, чиновники называли соответствующие предметы и понятия официально на венгерском языке. Чтобы правильно ответить на заданный вопрос, крестьянин вынужден был повторить название этой реалии, отмечая, имеется она или нет. Постепенно отдельные венгерские наименования закрепились в языке украинских крестьян, хотя для их обозначения у украинцев существовали и свои традиционные названия. Например: гóтар < határ и межá, телек < telek и обьст'а, хосéн < haszon и корис'т'. Нельзя, конечно, не учитывать и того факта, что при составлении урбарий и самих вопросов в основу была взята разговорная речь крестьян, в лексической основе которой уже были венгерские заимствования (например, слово хосéн и другие).

Через государственные учреждения проникали прежде всего слова, связанные с социально-политическим устройством, а

³ Подробнее об этом см. B a r t ó k Béla, *Népzenénk és szomszéd népek zeneje*, Budapest, 1952, стр. 14-16; Sz é m á n J., *Matyás király a Magyarországi rutén népmondákban*. - *Etnographia* XXII. Budapest, 1911, стр. 236-240; O r t u t a y Gyula, *Rákóczi két népe*. Budapest, 1940, стр. 5-19.

также слова делового стиля, ибо, как известно, венгерский язык был в Закарпатье государственным языком. Среди этой группы лексики можно назвать следующие венгерские заимствования: валасмáн 'член комитета' < választmány, варошгáза 'городская ратуша' < városháza, совгабшрiв 'журат, уездный начальник' < szolgabíró, тона́чом 'советник' < tanácsos, кезеш 'поручитель, заложник' < kezes, понос 'жалоба' < rapasz, кирвин 'заявление' < kérvény, побтлийк 'добавка, добавочная плата' < pótlék, газбир 'квартирная плата, аренда' < házbér, гáтролик 'процент' < hátralék, о́дб 'налог, дань' < adó и другие.

Через школу также проникали венгерские заимствования. Среди них можно назвать следующие: вiзгá 'экзамен' < vizsga, но́плбв 'ученический дневник' < napló, то́ндiй 'плата за обучение' < tandíj, ти́нта 'чернила' < tinta, фештики 'цветные карандаши' < festék и ряд других.

Служба в австро-венгерской армии также способствовала проникновению в язык украинского населения Закарпатья целого ряда венгерских заимствований, связанных с воинской повинностью. Например: катуна́ 'солдат' < katona, го́днол 'лейтенант' < hadnagy, сáзодом 'капитан' < százados, рiйодбв 'тревога' < riadó, поронч 'приказ' < parancs, ад'iв 'пушка' < ágyú, лийгн'омаш 'ударная воздушная волна от взрыва бомбы' < légnyuomás, собоччáг 'отпуск' < szabadság, футаш 'бегом (команда в армии)' < futás.

Устные заимствования второго типа, в отличие от заимствований первого типа, не укоренились глубоко в речи украинцев Закарпатья, и сейчас они почти полностью архаизировались.

Лексические мадьяризмы, проникавшие устным путем, входили в украинские говоры Закарпатья в разное время. Некоторые из них относятся еще к периоду начальных связей украинцев и венгров (XII-XIII вв.), другие — к более позднему периоду. При этом проникновение мадьяризмов проходило как непосредственно, так и через посредство других языков (румынского, словацкого).

Вторым основным путем проникновения мадьяризмов был книжный, т.е. через переводную литературу, различные официальные государственные документы, военные предписания. Книжный путь заимствований вообще характерен для слов, обозначающих абстрактные понятия. Заимствования этого типа использо-

вадись говорящими очень редко. Часть из них вошла в закарпатские письменные памятники. Например: бизоншаг 'доказательство, свидетельство, удостовериться в чем - либо' < bi-zonyśág, бикешиг 'согласие' < békeśśég, готолом 'власть' < hatalom, жакман 'трофей, добыча, нажива' < zsákmanu, немзет 'нация' < nemzet, робшаг 'рабство' < rabság и другие.

Как устным, так и книжным путем проникали в украинские говоры Закарпатья мадьяризмы, связанные с развитием экономики, техники, культуры и науки. Для обозначения новых предметов и понятий существовали только венгерские наименования, а своих украинских названий не было. Пользуясь этими новыми предметами, украинцы Закарпатья начали усваивать и их венгерские наименования. Например: калап 'шляпа' < kalap, пон-д'бла 'халат' < pongyola, ч'жмы 'сапоги' < csizma, боганчі 'тяжелые ботинки' < bakanca, гѳмбѳвцы 'галушка с начинкой в форме колобка' < gombóc, попрікаш 'венгерское национальное второе мясное блюдо' < paprikás, гуркотивт'ув 'шприц для заполнения вычищенных кишок ливерным колбасным фаршем' < hurkatöltő, г'іршл'і 'ячневая крупа' < gersli и много других.

Лексические мадьяризмы не всегда приносят с собой новые понятия; иногда они используются в языке параллельно с другими словами, которые уже раньше выражали эти понятия, образуя синонимический ряд.

Выявления лексических параллелей между родственными и неродственными языками, как правильно отмечал М.И. Онышкевич,⁴ имеет значение не только для языкознания. Оно зачастую представляет интерес также с этнологической стороны, поскольку бросает яркий свет на качество и характер творений древней материальной культуры.

Среди лексических мадьяризмов украинских говоров Закарпатья можно выделить три группы синонимических пар:

1. Традиционное название (более древнее) и лексический мадьяризм. Последний в этом случае не является абсолютным синонимом, а используется говорящими для определенной дифференциации семантики существующих понятий. Например:

протѳс /прѳт'ѳс, прѳт'ѳс/ 'нижняя толстая балка в основании деревянных хат, изготовленная ручным способом' и талпа

⁴ М. И. О н ы ш к е в и ч. Словацько-українські мовні зв'язки. - Зб.: "Питання слов'янознавства". Львів, 1962, стр. 107.

'нижняя толстая балка в основании деревянных хат, изготовленная фабричным способом' < talp;

шкоба /скоба/ 'скоба, изготовленная самодельным способом' и капча 'скоба, изготовленная фабричным способом' < karocs;

решетка 'решетка на окнах, изготовленная из толстой проволоки' и рошти́л 'решетка на окнах, изготовленная из железа' < rostély;

кл'ітка 'небольшая деревянная клетка для кроликов' и кётре́ц 'проволочная клетка для кроликов более совершенной конструкции' < ketrec;

вішак 'вешалка с деревянными колышками' и фогаш 'вешалка более усовершенствованной конструкции с металлическими крючками' < fogas;

столи́на 'выдвижной ящик, изготовленный самодельным способом' и фійовка 'выдвижной ящик стола, шкафа лучшей конструкции, изготовленный фабричным способом' < fiók и т.д.

Довольно часто лексические параллели образуются и таким образом, что традиционная лексема осознается говорящими как общее название, а лексическим мадьяризмом обозначается конкретное понятие. Например:

пліт 'общее название для обозначения любой изгороди /плетеной из хвороста, решетчатой, металлической/' и рошти́л 'изгородь - решетка' < rostély или пала́нок 'изгородь из досок' < palánk;

столи́ц 'общее название для обозначения стула любой конструкции' и гокедлі́ 'табуретка' < hokedli;

служни́ц'а 'общее название для служанки, выполняющей любую работу у хозяев, т.е. не только в доме, но и на дворе, в хлеве и т.д.' и собо́йанка 'служанка, которая следила только за порядком в доме' < szobalányka и другие.

Лексические параллели могут возникать также с целью устранения омонимии традиционного слова. Так, например, для обозначения "верхней полосы на крашенных стенах хаты" использовалось название пру́т, которое имело еще и другое, первоначальное значение "срезанная с дерева или куста гибкая ветка". Чтобы избежать этого, для обозначения "верхней полосы на крашенных стенах хаты" начали употреблять лексический мадьяризм чик < csik, а за лексемой пру́т осталось ее первоначальное значение.

2. Вторую группу синонимических пар представляют мадья-

ризмы, из которых один относится к более старым заимствованиям, а другой – к сравнительно новым. Они тоже не являются абсолютными синонимами, а вносят определенный оттенок в семантику обозначаемых понятий. Например:

падимент 'пол в хате, изготовленный преимущественно из самодельных досок' < padiment и подлаш 'пол, изготовленный из покупных досок' < padlás;

форгата 'общее название для обозначения дверной ручки на металлическом замке двери дома' < forgató и кíлінч 'лучшей конструкции ручка на металлическом замке двери дома, изготовленная из меди' < kilincs;

кёфа 'общее название для обозначения любой щетки /для одежды, обуви, побелки хаты/' и меселівка 'щетка для побелки хаты' < meszelőkefe;

шкату́л'а 'шкатулка, изготовленная из любого материала /дерева, металла, фарфора/' < skatulya и до́ббз 'металлическая шкатулка с различными украшениями для хранения драгоценностей' < doboz;

шпор (vrót) 'железная или каменная плита' и фитү 'плита из жести' < fűtő и т.д.

3. Третью группу образуют синонимические пары, из которых одно название является более старым и обозначается иноязычным словом, а другое более новым и передается мадьяризмом. Например:

бл'аха 'общее название для обозначения любой жести' и ба́дог, ба́дога 'лучшего качества цинковая жесть' < bádóg;

га́нок 'полуоткрытое крыльцо вдоль дома' и то́рнац 'лучшей конструкции закрытое, застекленное крыльцо вдоль всей передней стены дома или части его' < tornács;

фа́рба 'общее название для любой краски /для побелки хат, для покраски одежды и т.д./' и фе́штийк 'краска для одежды' < festék;

шток 'этаж' и эмелет 'этаж' /новое название/ < emelet. В говорах южной части Иршавского, Мукачевского и Виноградовского районов названия шток и эмелет выступают абсолютными синонимами.

Абсолютными синонимами являются также лексические дубли-ты фа́брика и д'ар 'фабрика, завод' < gyár; решт и ро́бгаз 'торьяма' < gabház; шва́блики и д'у́фо 'спички' < gyufa и другие.

Иногда редкое название вытесняется более употребительным у соседей-венгров венгерским названием. Так, например,

числительное тыс'ача было известно украинцам Закарпатья, однако в их речи это слово употреблялось очень редко, ибо такими большими цифрами население не оперировало. Зато в беседе чиновников, интеллигенции крестьяне часто слышали для обозначения названия тыс'ача слово эзер, йзир' < ezer и переняли его. Лексема йзир' постепенно вытеснила на определенной языковой территории числительное тыс'ача. Часть венгерских заимствований могла проникать через венгерское народное творчество: босоркан'а 'ведьма, баба-яга, колдунья' < boszorkány, шаркан 'змея, дракон' < sárkány, тундирка 'русалка' < tündérke, таташ 'жрец, волшебный конь' < táltos и другие.

Естественно, лексическое влияние не было односторонним. Венгерское население Закарпатья также заимствовало целый ряд украинских слов в результате тесных культурно-бытовых связей с украинцами.⁶

Венгерские заимствования проникали в украинские говоры Закарпатья не только различными путями, но и в разные периоды.

При определении давности заимствований в лингвистическом плане принимались во внимание следующие моменты:

1. Данные исторической фонетики украинского и венгерского языков. Так, например, мадьяризмы хосен 'польза, выгода' < chaszon, хутар 'территория села' < chotar, ур'ук 'мера земельной площади, равная 24-25 холмам /1 холм - 0,57 га/' < ürük нельзя выводить из венгерских нынешних форм haszon, határ, örök. Они восходят к древневенгерскому периоду /XII-XIV вв./, когда древневенгерское ch еще не перешло в h, а гласный ü не изменился в ö.

2. Семантико-исторический критерий. Сравнение семантики слов контактирующих языков также может помочь определить время заимствования слова. Например, в украинских говорах Закарпатья распространен мадьяризм илет со значением 'богато накрытый стол'. В современном венгерском языке слово élet в

⁶ Подробнее об украинизмах в венгерских говорах Закарпатья см.: П.М. Л и з а н е ц ь, Угорсько-українські міжмовні контакти, стр. 35-40; Его же, До питання про українізм в угорській мові. - Тези доповідей до XX наукової конференції. Ужгород, 1966, стр. 26-32; Об украинизмах в венгерских говорах Закарпатья написана и канд. диссертация Ковтюка С.И.

этом значении уже не употребляется, однако в древневенгерском языке оно было широко известно. Поэтому можно сделать вывод, что эта лексема заимствована украинским языком сравнительно давно. Родственная форма илиш 'урожай, зерновой налог с урожая' < élés фиксируется украинскими письменными памятниками уже с 1444 года.

3. Данные письменных памятников. Этот критерий при определении древности заимствований является наиболее надежным, однако и он имеет ряд существенных недостатков. Письменные памятники, как правило, опаздывают, то есть та или другая лексема могла быть заимствована значительно раньше, нежели ее зафиксировали памятники. И, кроме того, первые украинские письменные памятники относятся лишь к концу XIV и началу XV веков. Приведем несколько примеров из памятников:

XV ст.: вицишпань, мештерь, немешь, орекь, бантовати, бирув, варошъ, газда, келчюгъ, понослужати, поргар, салаш, хотар, хам, херцегъ, хитлен, хусар, чизма ...

XVI ст.: алч, бетуг, бировати, безоватися, бичоловати, валтовати, валчагъ, гамешно, гаталомъ, инькедовати, келтовати, ковдошъ, ломпашъ, марга, мянтовати, ошкода ...

XVII ст.: авадъ, вкарать, алдомашъ, арсагъ, байловати, баторшагъ, бикешигъ, битанка, бонтовати, валастовати, валовшый, вармеде, видязловати, гатерь, гирешный, гяба, годнадъ, гарадич, доганъ, доломанъ, езерь, иношъ, ишпанъ, йовсагъ, кедвешный, кертъ, киваншагъ, кимловъ, кинчъ, корбачъ, немзеть, рач, серинча, толмачъ, федверъ, форашъ, шарканъ, шоръ ...

XVIII ст.: алашъ, бртокъ, ваговъ, вадашъ, валтовъ, вашаръ, гайовъ, галасъ, галаштувъ, геверный, гинтувъ, гордовъ, геренда, дерешъ, дюлишъ, ирташъ, иця, катуна, маркадикъ, можаръ, написамъ, напош, пустошагъ, рабшагъ, сохташъ, телекъ... Почти все эти заимствования и многие другие фиксируются и письменными памятниками XIX в.

О древности ряда заимствований свидетельствует их широкое использование в сказках, пословицах, песнях и фразеологизмах украинского населения Закарпатья, а также их повсеместное распространение.

P. N. L i z a n e c
(Ushgorod)

DIE WEGE UND ZEIT DER EINDRINGUNG DER HUNGARISMEN IN DIE UKRAINISCHEN MUNDARTEN TRANSKARPATENS

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die lexikalischen Hungarismen drangen in die ukrainischen Mundarten Transkarpatens auf zwei Hauptwegen: auf dem mündlichen und dem schriftlichen Wege. Mündlich durchdrang die überwiegende Mehrheit der ungarischen Entlehnungen, die Benennungen von Gegenständen, Handlungen, Merkmalen bezeichnen, die mit dem Alltag der Menschen, mit ihren äusseren und inneren Besonderheiten, mit Landwirtschaft, Volksmeteorologie, Glauben, Sitten und Bräuchen, Viehzucht, Anbau von Nutzpflanzen und dgl. verbunden sind. Durch die Bücher drang ein unbedeutender Teil der Hungarismen ein, grösstenteils durch die Übersetzungsliteratur, verschiedene offizielle staatliche Dokumente, Militärvorschriften.

Die lexikalischen Hungarismen bringen nicht immer neue Begriffe mit, sondern sie werden in der Sprache parallel mit anderen Wörtern gebraucht, die schon früher dieselben Begriffe bezeichneten, indem sie auf diese Weise eine synonymische Reihe bilden. Wir scheiden drei Typen von synonymischen Wortpaaren aus: 1) die traditionelle Benennung (sie ist älter) und der lexikalische Hungarismus (vergleichsmässig neuerer Herkunft); 2) zwei lexikalische Hungarismen, von denen eine ältere Entlehnung darstellt; 3) das Fremdwort (eine ältere Entlehnung) und der lexikalische Hungarismus (vergleichsmässig eine neuere Entlehnung).

Die Hungarismen drangen in die ukrainischen Mundarten Transkarpatens nicht nur auf verschiedene Weise, sondern auch zu verschiedenen Zeitperioden ein. Die einen von ihnen reichen noch bis zur Zeitperiode der anfänglichen Beziehungen der Vorfahren der Ukrainer und der Ungarn (XII-XIII Jh.), die anderen aber in eine spätere Zeitperiode zurück. Im Artikel wird eine Reihe von Hungarismen in einer Folge

laut Jahrhunderten angeführt, die in den ukrainischen Schriftdenkmälern von 15. bis zum 18. Jh. fixiert sind. Bei der Zeitbestimmung ihrer Entlehnung wurden folgende linguistische Momente in Betracht gezogen: 1. Angaben über die historische Phonetik der ukrainischen und der ungarischen Sprache; 2. Das semantisch-historische Kriterium und 3. Angaben über die Schriftdenkmäler.

УВУЛЯРНЫЕ СОГЛАСНЫЕ В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

Известно, что в фонетических системах северносамодийских и южносамодийских языков (единственным живым представителем которых является теперь селькупский) наблюдаются значительные расхождения. Одной из специфических черт, отличающих звуковые составы северносамодийских языков и селькупского, оказывается наличие в последнем целой группы увулярных согласных. Под увулярными согласными понимаются звуки, артикулируемые язычком (увулой) с примыкающей частью мягкого неба, с одной стороны, и выпуклым задним участком спинки языка — с другой. В целом артикуляция селькупских увулярных совпадает с артикуляцией соответствующих звуков в тюркских и енисейских языках. Увулярные согласные противопоставляются заднеязычным согласным, артикулируемым задним участком спинки языка и мягким небом около границы мягкого и твердого неба. Термин "увулярный" здесь рассматривается как равнозначный термину "глубоко-заднеязычный", употреблявшемуся Г.Н. Прокофьевым, и предпочитается по причине его компактности.

В первом научном описании звукового состава самодийских языков (включая остяко-самоедский = селькупский), сделанном М.А. Кастреном в середине прошлого века, увулярные не выделялись в качестве особой категории согласных. Правда, М.А. Кастрен различал все-таки две разновидности селькупского к: одна из них совпадает с аналогичным звуком северных самоедских языков (имеется в виду заднеязычный к), другая более "глубокая, гуттуральная", напоминает соответствующий звук тюркских языков (т.е. явно подразумевается увулярный к). В отношении подобных согласных другого южносамодийского языка — камасинского — М.А. Кастреном были сделаны аналогичные замечания (Castrén 1854: § 13). Однако в целом М.А. Кастрен считал разницу между двумя указанными вариантами несущественной, зависящей от "твердой" или "мягкой" природы последующего гласного, и обозначал, исходя из этого оба варианта одним знаком. Таким образом, в транскрипции М.А. Кастрена слились в одном знаке и заднеязычный к, и увулярный к.

(здесь для обозначения глухого увулярного смычного предпочи-
тается знак k, а не q, чтобы более единообразно отразить всю
группу увулярных). Равным образом, транскрипция М.А. Кастре-
на не дифференцирует заднеязычный g и увулярный g (Castrén
1854: § 14).

В работах К. Доннера (см., например, Donner), отлича-
ющихся большой точностью передачи звукового состава описывае-
мых им языков, разное звучание селькупских заднеязычных и
увулярных нашло соответствующее отображение: транскрипцион-
ные знаки k и ḱ должны интерпретироваться как заднеязыч-
ный и увулярный согласные.

Советский исследователь самодейских языков Г.Н. Прокофье-
в также последовательно противопоставлял селькупские задне-
язычные и увулярные согласные, справедливо считая их отдель-
ными самостоятельными фонемами, а не комбинаторно обуслов-
ленными вариантами (Прокофьев 1935: 23-24). Аналогичного
взгляда придерживается и венгерский самоедолог П. Хайду (Haj-
dú 1968: 126-128). Авторы небольшой работы, специально по-
священной выявлению фонемного состава селькупского языка,
также четко дифференцируют заднеязычный k и увулярный ḱ,
полагая их отдельными фонемами (Черняк 1969: 66, 68). Не-
сколько противоречива позиция венгерского исследователя Л.
Сабо, однако и он описывает "палатовелярный" k (= заднеязыч-
ный) и "велярный" q (= увулярный) как отдельные единицы сис-
темы, по крайней мере, на уровне звуков (Szabó 1966: 298 и
сл.).

Традиция Томской лингвистической школы, сформировавшейся
еще в начале 50-х годов под руководством известного совет-
ского языковеда, лауреата Государственной премии СССР профес-
сора А.П. Дульзона, в отношении фиксирования звукового сос-
тава многочисленных селькупских диалектов и говоров придер-
живается последовательного противопоставления заднеязычных и
увулярных согласных. Транскрипция, применяемая в полевых ис-
следованиях и в местных публикациях, основана на русском ал-
фавите с добавлением ряда знаков латинского и греческого ал-
фавитов; в ней, например, заднеязычный k отражается как K,
а увулярный ḱ - как ḱ. В настоящей статье будет применяться
финно-угорская транскрипция.

Увулярные согласные наличествуют во всех без исключения
диалектах и говорах селькупского языка, хотя в некоторых ди-
алектных подразделениях отдельные варианты увулярных мало-

употребительны или не встречаются совсем. В целом зафиксированы следующие варианты увулярных: к, г, г, х, к, г, п. Дистрибутивный анализ показывает, что все перечисленные звуки являются позиционно-комбинаторными вариантами одной фонемы /к/. Ниже дается описание каждого увулярного согласного на собранном автором в пяти лингвистических экспедициях 1967-1971 гг. материале среднеобского диалекта чумылькупов, в котором представлены все эти звуки. Для сравнения привлекаются данные по другим диалектам селькупского языка, в основном из опубликованных источников (из-за ограниченного объема статьи материал не может быть подан более полно), причем транскрипционная система источника сохранена.

Основной вариант фонемы /к/ представляет собой глухой увулярный смычно-варывной звук. Увулярный к и заднеязычный к могут замещать друг друга в некоторых словах, произносимых одним и тем же информантом. Подобные колебания в произношении должны рассматриваться как факультативно-индивидуальные варианты. Непоследовательность в употреблении к и к характерна для всех диалектов современного селькупского языка, отражена она и в опубликованном словаре тазовского диалекта (Erdélyi 1969: 87-88, 92-94, 97 и др.). Вероятнее всего колебание между к и к возникло под влиянием артикуляционной базы русского языка.

Согласный к - один из наиболее распространенных звуков, по частотности употребления (0,0313), он занимает 7-е место среди согласных и 10-е - вообще (частотность высчитывалась на 10 выборках текста по 1000 звуков каждая). Вероятностная оценка частотности к при 95% надежности дает 24-38 случаев его употребления в каждом из произвольно выбранных отрезков речи чумылькупов размером в 1000 звуков. Частотность к в других селькупских диалектах, например, в тазовском, должна быть потенциально выше, поскольку там к чаще употребляется в составе грамматических показателей.

Согласный к встречается во всех положениях в слове, преимущественно в анлауте, реже - в середине слова и в ограниченном количестве слов - в ауслауте. Отмечено, что употребление к обычно перед гласными а, о, у, е, тогда как перед гласными переднего ряда мы находим к значительно реже:

а) в начале слова: кав 'полог, полотнище' - ср. кар 'Segel' (? = кар), совпадает с кар 'Blut' (? = кар) (С.В.:

II4); qam 'полог' (Erdélyi: 59); kondugu 'спать' - ср. kondak (C.W.: 271), qontogo 'спать, лечь' (Erdélyi: 76); kup "человек" - ср. kup (kop) 'Mensch' (C.W.: 127), qup, gum 'человек' (Erdélyi: 81), cuumel-qup 'Selkup' (Szabó: 299); ke 'гора' - ср. kê 'Berg, Hügel' (C.W.: 116), qe, qe 'гора' (Erdélyi: 66); kättugu 'бить' - ср. kêtar, kättam и др. 'schlagen' (C.W.: 272), qättigo 'ударить, бить, расшибить' (Erdélyi: 65); köt 'бок, сторона' - ср. kô 'Seite, Rippe' (C.W.: 121), qô : qôqit 'на стороне, сбоку, около' (Erdélyi: 79), qôti 'ребро' (Erdélyi: 80);

б) в середине слова: akal 'узда, вожжа' - ср. akai и др. 'Zaum' (C.W.: 98), aqqa' и др. 'вожжа, узда' (Erdélyi: 16); takugu 'гнать' - ср. tákap 'fortfahren, abfahren' (C.W.: 144), täqqigo, täqigo 'гнать' (Erdélyi: 245); paqelgu 'выкопать, выдолбить' - ср. paktaq и др. 'graben' (C.W.: 162-163), paqqiälčimpi 'копать' (Erdélyi: 174); nöklaq 'гладко'; epkenniD 'сдавил он'; čikel 'голый'; в этом положении согласный k встречается в составе суффикса местного падежа (ср. Беккер: 77-78; Кузьмина: 75): matket 'дома, в доме', šotket 'в лесу', otket 'в воде' и т.п., однако чаще показатель местного падежа оформляется с другими увулярными, о чем см. ниже;

в) в конце слова: pok 'сеть' - ср. pok 'Netz' (C.W.: 166), poqqi 'невод, сеть' (Erdélyi: 190); paq 'рукоятка, черенок' - ср. paq 'Schaft (an Messer, Art)', paqqi 'ручка, рукоятка, топориче' (Erdélyi: 174); naq 'грязь, ил' - ср. mak 'Schlamm' (C.W.: 141); paq 'лось' - ср. peak и др. 'Elenthier' (C.W.: 164), päqqi 'лось' (Erdélyi: 180); čuk 'букашка, червячок' - ср. čuk 'Wurm' (C.W.: 137), tuk 'червяк, гусеница' (Erdélyi: 277); čask 'орех' - ср. setqi, setki 'шишка, орех' (Erdélyi: 207), xwačqa, xwešk и др. 'Nuß' (Dulson: 39-40).

Согласный g - звонкий увулярный смычно-взрывной звук, частотность его - 0,0025. Он встречается обычно в середине слова в интервокальном положении; в начале и в конце слова g встречается редко, только в потоке речи в вокальном или сонорном окружении. Независимо от положения в слове g является звуком вторичного происхождения (из k). Наряду с полновзвонким g в указанных условиях может встречаться частично звонкий (полузвонкий) ḡ. Звуки g и ḡ как варианты фонемы / k / противопоставляются звукам g и ḡ - вариантам задне-

язычной фонемы /g/, хотя в некоторых словах между ними наблюдаются колебания. Примеры употребления g и G:

təna gup/Gup 'этот человек' - ср. в изолированном произношении kup 'человек'; аналогично: nālgup/nālGup 'женщина' - ср. nāl'gup 'женщина' (Erdélyi: I6I); amdel-gup/Gup 'царь' - ср. ontāl qor (Erdélyi: 76), также amdego 'царь, князь' - ср. amdal-gok 'Kaiser' (C. W.: IOI), aamdəyo 'Zar' (Szabó: 297); manan kwādegi gom/Gom āundeʒit 'у меня левое ухо не слышит' - ср. kom 'мое ухо', ko 'Ohr' (C.W.: 117), kō, qo 'ухо', olā kōn mōri ūntičikap 'nur mit den Ohren hörte ich es' (Erdélyi: 97); iggetku/iGgetku 'икнуть' - ср. ikwannak 'я икнул'; āgonḁak/āGonḁak 'не спал я' - ср. kondak 'спал я', ija kōnta 'das Kind schläft' (Erdélyi: 76-77).

Согласный ɣ - звонкий увулярный целевой звук, совпадающий по артикуляции и звучанию с соответствующим согласным кетского языка (Дульзон: 47). Частотность - 0,0071. Употребление ɣ фонетически обусловлено: он встречается либо в интервокальном положении, либо в соседстве с сонорными. По происхождению этот согласный вторичен, он замещает звуки k, g; отмечены единичные случаи чередования звонкого ɣ и глухого χ, типа šax/saχ 'соль' (< šak), а также ɣ и гортанного смычного ʔ в середине и конце слова: paχ ~ paʔ 'нож' (< pak) - ср. paɣi, paɣ 'Messer' (C. W.: I63), paɣi, paɣi 'нож' (Erdélyi: I76); taɣet/taʔet 'летом' (< taket) - ср. tagi и др. 'Sommer' (C. W.: I44), taɣit и др. 'летом' (Erdélyi: 25I); подобное чередование отмечено в кетском языке (Дульзон: 48). Увулярный ɣ необходимо отличать от заднеязычного ɣ̠, хотя иногда эти звуки могут взаимозаменяться.

В анлауте ɣ не зафиксирован, обычно он встречается в середине слова и изредка в конце:

а) в середине слова: šogor 'печь, очаг' - ср. šōkor, sogor, šōgor, soɣol 'Ofen' (C. W.: I32, I59), šoɣal 'чувал, печь' (Erdélyi: 222), šogor 'Ofen' (Szabó: 298); loɣa 'лисица' - ср. logá, loká и др. 'Fuchs' (C. W.: I3I), loɣa 'лисица' (Erdélyi: II9); kwāɣer 'осетр' - ср. kuegar, kuekar и др. (C. W.: I23), qeqir 'осетр' (Erdélyi: 67); kāɣel 'большой палец' - ср. kākal, kāgal (C.W.: I11); koɣar 'нашел я' - ср. koɣar, koar 'ich sehe' (Erdélyi: 74); в формах местного падежа (ср. Беккер: 77-78; Кузьмина: 75): maɣet paɣenut 'над нашим домом', paɣerɣet 'на оборке', tuɣet 'на пуговице', kaɣerɣet 'под горой' - ср. karrāqit 'внизу'

(Erdélyi: 86);

б) в конце слова: lőz 'оса' - ср. logé, loke и др. 'We-spre' (С. W.: I31); ház 'черный' - ср. sága, hág и др. 'schwarz' (С. W.: I28, I56), ság и др. 'черный' (Erdélyi: 204); narq 'красный' - ср. marg 'roth' (С. W.: I41), narqi, närqi 'красный' (Erdélyi: I60); korg 'медведь' - ср. korg и др. 'Bär' (С. W.: II9), qorqi 'медведь' (Erdélyi: 78); moq 'спина' - ср. mog, mok и др. 'Rücken' (С. W.: I74), moqal 'спина, хребет' (Erdélyi: 140).

Согласный ʃ - звонкий увулярный вибрانت; в начале слова этот звук не отмечен, в середине слова ʃ употребляется только в интервокальном положении, замещая согласные k, g, g, преимущественно в составе показателей местного, отложительного, дательного-направительного падежей как неопределенного, так и личного склонений (ср. Кузьмина: 1969: 74, 75; Беккер 1969: 77-78; Черняк 1969: 67; Прокофьева 1966: 400-401). В конце слова ʃ также встречается довольно часто, причем всегда после гласного. Качество начального звука в последующем слове ни в коей мере не влияет на употребление конечного ʃ. В конце слова ʃ регулярно выступает в качестве показателя 3 л. дв. числа глаголов безобъектного спряжения (ср. Прокофьева 1966: 406, 408-409), в суффиксе сравнительной степени -laʃ (ср. Прокофьева 1966: 403), в предикативных формах имени в 3 л. дв. числа (ср. Прокофьева 1966: 402), а также в некоторых других формах. Частотность этого согласного довольно высока - 0,008. Примеры употребления:

а) в середине слова: teʃettugu 'отбить' - ср. kettugu 'бить'; kibaʃur 'ребенок' - ср. kiba 'маленький' + kup 'человек'; taʃeʃrugu 'погонять' - ср. taʃugu 'гнать'; kaiʃet 'где', podlaʃet 'в годы', roʃot 'на улице', andoʃot 'в лодке', köʃot 'возле, около'; edeʃek 'в мою деревню', paʃarend 'моей старухе', awoʃenut 'к нашей матери'; üdeʃendo 'с вечера', paraʃondo 'с верха', paraʃendo 'со времени', edeʃendo 'из деревни', kozaʃendo 'из сумки';

б) в конце слова: ház 'черный'; töʃaʃ 'они двое пришли' - ср. töʃaʃ '(sie) kamen (beide) an' (Szabó: 298); war-giʃ 'жили они двое', kwa-deʃraʃ 'добывают ~', andalbaʃ 'радуются ~', wa-zaʃ 'поднялись ~', übeʃaʃ 'отправились ~', ēniʃaʃ 'были бы ~'; argollaʃ 'подальше в сторону', kellaʃ 'посильнее', cellaʃ 'побыстрее', ʃallaʃ 'получше'; logaʃ 'они двое - лисы', or-ge-jaʃ 'они двое - сильные', ta-

beštjaŕ 'они вдвоем'.

Интересна структура форм типа šimnaŕeŕ, naŋaŕeŕ, означающих, соответственно, 'братья они двое вместе', 'сестры они двое вместе', которые строятся из корня šimna 'брат', naŋa 'сестра' + se (< sä ~ se) - показатель орудно-совместного падежа (не xe ~ he ~ je, более обычные в диалекте чумлыкпупов) + ŕ (показатель дв. числа); таким же образом построена форма āra raŕaŕeŕ 'старик со старухой', регулярно встречающаяся в сказках.

Звук ŋ - увулярный смычный носовой сонант, который необходимо отличать от заднеязычного ŋ. В северных самодийских языках, где широко распространен заднеязычный ŋ, увулярного ŋ нет. В северносамодийских языках ŋ может начинать слово, в селькупском же ни ŋ, ни ŋ в начале слова не употребляются. В середине слова ŋ встречается обычно на стыке морфем, где его появление обусловлено ассимиляцией k перед сонорными, например:

tannilžalžugu 'распутать' (tak + nilžalžugu), poŋm 'моя сеть' (poŋ + m), poŋmut 'из сети' (poŋ + mut + te), poŋmut 'наша сеть' (poŋ + mut), poŋlap 'сети (вин. пад.)' (poŋ + la + p).

В исходе слова ŋ также всегда бывает вторичного происхождения, поскольку возникает вследствие ассимилятивных явлений, охватывающих конечный k перед сонорным или сочетанием "гласный + сонорный" последующего слова, например:

paŋ ŋinga 'лось стоит' - ср. paŋ 'лось' в изолированном произношении; kwel paŋ aŋa 'березовый черенок упал' - ср. paŋ 'черенок, рукоятка'.

В других диалектах селькупского языка ŋ может выступать независимо от фонетического окружения и, таким образом, быть одним из характерных признаков диалекта (Dulson: 1968: 39).

Рассмотренный материал дает возможность установить общую тенденцию в развитии селькупского k - различные степени ослабления артикуляционной напряженности: а) озвончение k > g > g; б) спирализация k > χ ~ ç ~ ç (увулярный вибрант правомерно рассматривать как особый случай частичной спирализации k); в) соноризация k > ŋ. В этом отношении развитие увулярного k относительно с развитием всей группы селькупских шумных смычных.

Факт наличия в селькупских диалектах разных наборов увулярных звуков, развившихся из k, может быть интерпретирован

исторически. С этой точки зрения, из двух основных наречий селькупского языка – северного (тазовско-байшенского) и южного (нарымского) – первый представляется более архаичным. В группе нарымских диалектов (диалекты чумьлькупов, шешкупов, сюсюкумов и тийкумов) наибольшее развитие в рассмотренном аспекте прошел диалект чумьлькупов. Остальные диалекты нарымской группы являются промежуточными между диалектом чумьлькупов и диалектом собственно селькупов.

Попытаемся теперь выявить общесамодийский источник, из которого развился селькупский к. Предположительно, таким источником мог послужить прасамодийский заднеязычный *к, реконструируемый на основе рассмотрения закономерных звуковых соответствий селькупскому к в северносамодийских языках:

qelʲ 'рыба' – нен. halla, энецк. kaŋ, иганас. koŋ;

qæ 'береза' – соответственно ho, koa, kjo;

qo 'ухо' – ha, kō, kou;

moqal 'спина' – maha, maha, meku;

šmDʲ-qo 'сидеть' – namdō-š, ado-š, nomtū-šæ (Терешенко: 371-372).

Общесамодийский *к в селькупском развивался двумя путями: а) остался заднеязычным к; б) перешел в увулярный к в результате сдвига артикуляции назад. Причины и конкретные условия такого перехода предстоит выяснить в дальнейших исследованиях. Здесь же можно заметить, что в принципе явление сдвига артикуляции назад отнюдь не уникально для селькупского: в истории многих языков (в том числе и самодийских) наблюдалось смещение фокуса артикуляции, например, при переходе g > h.

Развитию прасамодийского *к в селькупский к могло способствовать влияние артикуляционной базы языков, находившихся в непосредственном контакте с селькупским: тюркских и енисейских (по крайней мере, кетского).

К р а т к и е в ы в о д ы

1. Селькупский язык в сравнении с северносамодийскими характеризуется наличием целого ряда увулярных звуков.

2. Увулярные согласные, имеющиеся во всех селькупских диалектах (хотя и в разной мере), являются комбинаторно-позиционными вариантами одной фонемы – / к /; они представляют собой разные степени реализации тенденции к общему ослабле-

нию артикуляционной напряженности в селькупском языке.

3. Увулярная фонема / к / четко противопоставляется заднеязычной фонеме / к /; случаи колебаний между / к / и / к / являются факультативно-индивидуальными вариантами, появление которых обусловлено, скорее всего, влиянием артикуляционной базы русского языка.

4. Разные степени ослабления общеселькупского к дают возможность исторической интерпретации диалектных различий: тазовское наречие (диалект селькупов) представляется более архаичным, чем нарымское наречие; в нарымском наречии наибольшее развитие получил диалект чумылькупов, а диалекты сюсюкумов, шешкупов и тыйкумов являют собой переходное звено.

5. В общесамодийском плане к нужно признать специфическим южносамодийским (или, по крайней мере, селькупским) явлением. Закономерные соответствия в звуковом составе селькупского и северносамодийских языков позволяют реконструировать прасамодийский заднеязычный *к. Развитие селькупского к < *к могло быть поддержано влиянием тюркских и енисейских языков.

Л и т е р а т у р а

- Беккер Э.Г. 1969. Формы и функции местного падежа в селькупском языке. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Дульзон А.П. 1968. Кетский язык. Томск.
- Кузьмина А.И. 1969. К вопросу о склонении в селькупском языке. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.
- Прокофьев Г.Н. 1935. Селькупская (остяко-самоедская) грамматика. Ленинград.
- Прокофьева Е.Д. 1966. Селькупский язык. — Языки народов СССР. III. Москва.
- Терещенко Н.М. 1966. Самодийские языки. — Языки народов СССР. III. Москва.
- Черняк М.И., Титова Л.П., Апсит Н.Н. 1969. К вопросу о фонологической системе согласных селькупского языка. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск.

- Castrén, M.A. 1854. Grammatik der samojedischen Sprachen.
St. Petersburg.
- C. W. = Castrén, M.A. 1855. Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. St. Petersburg.
- Donner, K. 1900. Über die anlautenden labialen spiranten und verschlusslaute im samojedischen und uralischen. Helsingfors (= MSFOu 49).
- Dulson, A. 1971. Über die räumliche Gliederung des Sölkupischen in ihrem Verhältnis zu den alten Volkstumsgruppen.
- CÖV VII.
- Erdélyi, I. 1969. Selkupisches Wörterverzeichnis. Budapest.
- Hajdú, P. 1968. Chrestomathia Samoiedica. Budapest.
- Szabó, L. 1966. Die Laute des Tym-Dialekts des Selkupischen.
- CÖV II.

DIE UVULAREN KONSONANTEN IM SELKUPISCHEN

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Vergleich zu den nordsamojedischen Sprachen kennzeichnet sich das Selkupische durch das Vorhandensein einer Reihe von uvularen Lauten.

Die uvularen Konsonanten, die in allen selkupischen Mundarten in verschiedenem Maße vertreten sind, sind kombinatorische Positionsvarianten ein und desselben Phonems /k/. Sie verkörpern verschiedene Stufen der Tendenz zur Abschwächung der Artikulationsspannung im Selkupischen.

Das uvulare Phonem /k/ wird folgerichtig dem Hinterzungenlaut /k/ gegenübergestellt. Die Schwankungen im Gebrauch des k und des k sind fakultativ-individuelle Varianten und könnten durch den Einfluß der Artikulationsbasis des Russischen erklärt werden.

Verschiedene Stufen der Abschwächung der Artikulation des selkupischen k ermöglichen es, die mundartlichen Unterschiede historisch zu interpretieren: der Tas-Dialekt scheint archaischer zu sein als der Narymer. Im Narymer-Dialekt hat die Mundart von Tschumylkupa eine größere Entwicklung bekommen. Die Mundarten von Süsükumen, Schöschkupa und Tükumen bilden eine Übergangsgruppe.

Das Gesagte erlaubt, das k als einen nur für die südsamojedischen Sprachen (wenigstens - für das Selkupische) typischen Laut zu betrachten. Durch die gesetzmäßigen interselkupischen lautlichen Dialektentsprechungen und die intersamojedischen Lautentsprechungen läßt sich der ursamojedische Hinterzungenlaut *k rekonstruieren. Der Einfluß der türkischen und jenesseischen Nachbarsprachen hätte auch zur Entwicklung des selkupischen k < *k beitragen können.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЭСТОНСКИМИ ЛЕКСИЧЕСКИМИ
КАЛЬКАМИ В РУССКИХ ГОВОРАХ

1. Старожильческое население рыбацких деревень юго-западного Причудья — как эстонское, так и русское — в своем большинстве двуязычно¹. Ситуация двуязычия, сложившаяся в результате длительных этнических контактов неродственных групп населения, явилась той благоприятной средой, в которой в течение многих десятилетий происходило глубокое структурное взаимовлияние разных языковых систем.

Как подмечено исследователями, люди, свободно владеющие двумя языками, переносят приемы одного языка в другой². В диалектах, где сдерживающая роль нормы не так значительна, это явление представлено наиболее ярко.

В отмеченном районе слабая разграниченность функциональных сфер эстонского и русского языков, попеременное пользование то одним, то другим (иногда в одних и тех же ситуациях) способствовали развитию интерферентных явлений на всех уровнях контактирующих диалектных систем. На лексическом уровне процесс интерференции проявляется, как известно, в системе значений, в развитии различного рода структурно-семантических калек³.

Данная работа представляет собой некоторые наблюдения над лексическими и фразеологическими кальками с эстонского языка в русских говорах обозначенного района⁴.

2. Перед тем, как приступить к анализу материала, представляется целесообразным определить круг исходных понятий и

¹ Под двуязычием мы понимаем такое социальное явление, при котором определенный языковой коллектив традиционно пользуется двумя языками не только для общения с внешним миром, но и в кругу семьи.

² А. М е й е, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. Москва-Ленинград, 1938, стр. 123.

³ Л. И. Б а р а н н и к о в а, Сущность интерференции и специфика ее проявления. Проблемы двуязычия и многоязычия. Москва, 1972, стр. 93.

⁴ Для обследования привлекался материал русских и эстонских говоров деревень Melikoorma, Meegaralu и Pedasraa Тартуского района.

терминов, связанных с предметом исследования и не имеющих однозначного толкования в научной литературе. Так, под термином "интерференция" мы понимаем изменение в структуре или элементах структуры одного языка под влиянием другого⁵. Изменения такого рода заметнее всего обнаруживаются при взаимодействии неродственных языков⁶.

Лексическое калькирование рассматривается как воспроизведение иноязычного структурно-семантического или семантического образца средствами родного языка. Несмотря на то, что по своему происхождению кальки восходят к иноязычным источникам, кажется правомерным разграничивать калькирование и заимствование как качественно различные процессы⁷.

На основании того, каким способом производится калькирование, фактический материал позволяет выделить два типа лексических калек — словообразовательные и семантические — и фразеологические кальки. Словообразовательные или структурно-семантические кальки представляют собой однословные образования, воспроизводящие с большей или меньшей точностью одновременно структуру и семантику копируемого образца⁸. Семантические кальки — это слова или словосочетания, в которых калькируется лишь семантика чужого слова (или словосочетания)⁹. Под фразеологическими кальками понимаются фразеологические единицы, составляющие семантическое целое и образующиеся путем перевода иноязычных фразеологизмов или сложных слов¹⁰.

3. Словообразовательные кальки по соотношению со структурой иноязычного оригинала представлены двумя разновидностями. Одну из них составляют кальки, в которых относительно точно воспроизводится словообразовательная модель эстонского слова. Например, шкодить 'обучать, давать образование' <

⁵ Л.И. Баранникова, указ.раб., стр. 88.

⁶ О.С. Ахманова, О психолингвистике. Москва, 1957, стр. 38.

⁷ Л.П. Ефремов, Лексическое и фразеологическое калькирование. — Вопросы фразеологии. Труды Самаркандского ун-та. Новая серия, вып. 106, 1961, стр. 117-118; Н.М. Шанский, Лексикология современного русского языка. Москва, 1964, стр. 110-112 и др.

⁸ В.Н. Ярцева, Структурно-семантические кальки в условиях двуязычия. — Тезисы научной конференции, посвященной проблемам двуязычия и многоязычия. Москва, 1969, стр. 21.

⁹ Н.М. Шанский, указ.раб., стр. 105.

¹⁰ Л.П. Ефремов, указ.раб., стр. 119.

koolitama. В этой кальке наблюдается поморфемный перевод оригинала, ср. корневые морфемы школ- и kool(i)-, глагольные суффиксы -и- и -ta-, окончания инфинитива -ть и -ma. Глагол школить известен в русском разговорном языке в значении "внушать кому-нибудь строгие правила поведения, муштровывать"^{II}. В соседних русских говорах Латвии этот глагол употребляется в значении "наказывать"¹². В исследуемых говорах глагол школить в этих значениях не известен. Кроме того, он не образует коррелятивную пару по видовому противопоставлению¹³ (глагол школить 'муштровывать' имеет форму сов. вида - вышколить). Это лишний раз свидетельствует о принадлежности его к словообразовательным калькам, а не к семантическим.

В данную разновидность калек можно включить такие глаголы, как ядовить 'травить крыс, мышей' < mürgitama; протянуть 'продуть, простудиться' < разг. lābi tõmbama tuulega (меня после бани протянуло; не ходи с голой головой - протянет). Приставкой про-, как правило, передается префиксальное наречие lābi.

Вторая разновидность данного типа калек характеризуется большими расхождениями их структуры с оригиналом. В определенном смысле это свободное калькирование, при котором моделью словообразовательной кальки может служить производное слово, сложное слово и словосочетание¹⁴. Проиллюстрируем каждый из этих случаев. Калька школений 'имеющий образование, обучавшийся' передает эстонское причастие koolitatud. Расхождение в структуре этих слов составляют фактитивный суффикс -ta- в эстонском оригинале и наличие флексии в кальке. Сложное слово малоглухой 'человек с недостаточным слухом' восходит к эстонскому словосочетанию vāhe (~ veidi) kurt. Структурно эта калька ближе к местному vāhekuulija буквально 'малослышащий'.¹⁵

II С.И. О ж е г о в, Словарь русского языка. Москва, 1953, стр. 829.

12 М.Ф. С е м е н о в а, Материалы для словаря русских говоров Латвийской ССР, 6, изд. Латвийского гос.ун-та им. Петра Стучки. Рига, 1974, стр. 81.

13 Возможно, по аналогии с эстонскими глаголами, которые, как известно, не имеют форм вида.

14 Л.П. Е ф р е м о в, указ.раб., стр. 118.

15 Диалектные эстонские слова записаны автором от носителей местных эстонских говоров обозначенных деревень

Различие содержится в семантике второй части композита, хотя в целом значение оригинала калька передает. Возможно, это редкий случай так наз. варьирующего калькирования, при котором возникает некоторое видоизменение мотивированности, неполное ее воспроизведение¹⁶. В слове пятилапка 'якорь с пятью лапами' калькируется словосочетание viekāpeline ankur, буквально "пятилапный якорь". При полном структурно-семантическом соответствии компонентов пяти- и vie- калька представляет своего рода универбацию прилагательного -kāpeline (буквально "-лапный") и слова ankur 'якорь'.

В целом кальки словообразовательного типа в обследуемых говорах немногочисленны. Намного обильнее представлены семантические кальки.

4. При семантическом калькировании в исконное слово переносится новое значение из иноязычного оригинала. Основанием для возникновения семантической кальки является наличие общего номинативного значения в соответствующих словах калькирующего языка и языка-источника.¹⁷

По структурным признакам семантические кальки можно определить как однословные кальки (производные и производные) и кальки-словосочетания. В эстонском языке им соответствуют структуры различной сложности.

Рассмотрим некоторые однословные кальки. Например, вырезать 'кроить' < välja lõikama (сама вырезала себе блузку и брюки); клопы 'возбудители болезни печени у животных' < maksaalutikad, буквально "печеночные клопы"; цветы 'ледяные узоры на окнах' < jäälilled 'ледяные цветы'; нищий как прилагательное в значении "плохой, скверный, неудачный" < разг. sant в роли прилагательного со значением "скверный, плохой" (малец нищий ростом вышел, шерсть получилась нищего цвета). Слово sant в качестве существительного имеет прямое, номинативное значение "нищий", т.е. живущий подаянием; бедный, неимущий человек. Правильный 'настоящий, честный' < õige ~ õiglane (моя соседка такая неправильная; правильная лиса не пойдет в деревню) и др.

¹⁶ Л. П. Ефремов, Повторяющее и варьирующее словообразовательное калькирование. - Русское и зарубежное языкознание, вып. 3, Алма-Ата, 1970, стр. 12.

¹⁷ Н. М. Шанский, указ. раб., стр. 106.

Наибольшее распространение в говорах отмеченного района получили кальки-словосочетания. Употребление их вместо исконого однословного выражения – нередкое явление (о причинах этого явления см. ниже).

Значительная группа калек-словосочетаний образуется на базе эстонских сложных слов, компоненты которых передаются сочетанием существительного и согласуемого с ним прилагательного. Ср.: черная редька 'редька' < mustrõigas; свиный пастух 'свинопас' < seakarjane; края лодки 'борта' < paadiääred; стеклянный лед 'первый лед, ставший в тихую погоду' < klaasjääd; детские дети ~ детинные дети 'внуки' < lapselapsed; начало реки 'исток' < jõealgus; травяная мука 'мелко нарубленный вручную или машиной зеленый корм для скота' < rohujahu; болотные гуси 'разновидность диких гусей, живущих на болоте' < soohaned; озерные гуси 'разновидность диких гусей, обитающих на озерах' < järvehaned; заячьи глаза 'косоглазый' < jänese silmad.

С эстонскими словосочетаниями соотносятся кальки, часть которых копирует состав и структуру компонентов без изменений. Например: широкий снег 'рыхлый снег, идущий хлопьями' < lai lumi; крутой кот 'злой, шустрый, хорошо ловит мышей' < äge kass; земляная порода (скота) 'местная крестьянская' < maatõugu; белые волны 'волны с барашками, барашки' < valgedained; голые (сенокосы) 'малотравные' < paljad (heinamaad); крепко (говорит) 'громко' < kõvasti (räägib); час время, неделю время < tund aega, nädal aega.

Кальки, передающие состав оригинала с отклонениями в форме или месте компонентов: дояс с патронами 'патронташ' < padrunivöö; моховой зеленый цвет < samblaroheline värv; загнутый вверх нос 'курносый' < разг. nina ülespidi; смешанное (стадо) 'непородистое, неплеменное' < segatõuline (kari); смешанные (коровы, лошади) 'то же самое' < segatõugu (lehmad, hobused).

5. Фразеологические кальки копируют как эстонские сложные слова, так и лексические фразеологизмы. Ср.: старый паренъ ~ старый малец 'холостяк' < vanapoiss; скотный врач 'ветеринар' < loomaarst; прогонное молоко 'пропущенное через сепаратор молоко, пахта' < lõbjaetud piim.

Рассмотренные кальки мы относим к фразеологизмам на основании их семантической цельности. Все они представляют со-

бой покомпонентный перевод соответствующих эстонских словарных единиц. В качестве варьирующей фразеологической кальки можно назвать подать кличку 'объявить в церкви о предстоящем бракосочетании' < maha hõikama или hüüdma. Ср. noorpaar hüüti kirikus maha, prüutpaar hõigati k. m., буквально "молодых кликали в церкви".

Примером фразеологизированного предложения может служить компаративная единица пристал как слепой к тесту - пословный перевод эстонской фразы tikkus nagu pime taigna juurde.

К фразеологическим калькам примыкает такое устойчивое и прочно вошедшее в лексикон носителей русских говоров выражение, обозначающее возраст, как она 20 год старая, я семьдесят год старая, ребенок две недели старый. Эти образования полностью соответствуют эстонской модели ta on kakskümmend aastat vana.

Слово старый в составе данного выражения обозначает возраст вообще, а не известный его предел.

Отдельные фразеологические кальки несут печать терминологичности - скотный врач, прогонное молоко; в основном же это нейтральные в стилистическом отношении образования.

6. С точки зрения обусловленности развития эстонских кальк в русских говорах фактический материал позволяет выделить несколько групп.

6.1. Кальки, являющиеся обозначениями понятий, отсутствовавших в русском говоре. Это, в первую очередь, термины сельского хозяйства, местного уклада жизни. Русское население данной местности не имело земли, в силу чего довольно широко был распространен отход на заработки в крестьянские хозяйства эстонцев. В связи с этим могли возникнуть такие кальки, как земляная порода скота, прогонное молоко, годные сенокосы, смешанные коровы, клопы и др.

6.2. Кальки, возникшие в результате тесных производственных (рыболовство) и культурных контактов, заключения смешанных браков, - пятилапка, белые волны, края лодки, стеклянный лед, держат праздники, школить, старый малец, детские дети, подать кличку, пять год старый и под.

6.3. Своим возникновением и закреплением в говоре калька обязана тому, что она вносит дополнительный оттенок значения в семантический объект исконного слова; чаще это уточняющий или дифференцирующий оттенок. Например: моховой зеленый цвет, свиновый пастух /коровий пастух/, озерные гуси /болотные гу-

си, братний сын/ сестрин сын (в слове племянник это различие не выражено), неправильный человек.

6.4. Калька противопоставляется исконному слову прозрачностью своей семантики. В качестве исконного слова в этом случае обычно выступают заимствования, слова с немотивированным для настоящего времени значением или неактуальными в словоупотреблении данного языкового коллектива. Ср.: скотный врач - ветеринар, пояс с патронами - патронташ, загнутый вверх нос - курносый, ядовить - травить.

6.5. По сравнению с исконным словом калька имеет преимущество благодаря заложенной в ней экспрессивности или образности: заячьи глаза, цветы (ледяные узоры), ниций ростом или цветом, крутой кот, протянуло холодом, крепко говорит, пристал как слепой к тесту и др.

Вероятно, в отдельных случаях появлению кальки и закреплению ее в лексической системе говора способствовал целый комплекс причин.

7. В некоторых случаях можно наблюдать функционирование двух или более калек с одного и того же оригинала. Например, противоположный ветер и против-ветер 'встречный ветер' < vastutuul (поехали на лодке через, а против-ветер поднялся; противоположный ветер со снегом в лицо, едва дошли). Возможно, это две ступени в формировании новой кальки или результат языкового творчества двух различных групп населения. В принципе, в семантических кальках, как и в словообразовательных, может иметь место изменение первоначальной структуры.¹⁸ Во всяком случае, подобные явления свидетельствуют о том, что калькирование в данных говорах - это живой процесс.

Инновации-кальки, возникшие в результате общения разноречного населения, первоначально являются образованиями речевого плана. Известно, что исторически факт речи всегда предшествует факту языка.¹⁹ Однако при анализе диалектного материала бывает не всегда просто определить факты языка и речи, разграничить окказиональные и узусальные явления. Видимо, стабилизация речевых единиц, вызванных интерференцией, закрепление их в языковом коллективе как общеупотребительных

¹⁸ О.Е. О л ь ш а н с к и й, Процесс освоения калькированных слов в русском языке. - Язык и общество, вып. 3, изд. Саратовского университета, 1974, стр. 160.

¹⁹ Ф. де С о с с ю р, Курс общей лингвистики. Москва, 1933, стр. 42.

дает основание относить их в план языка.²⁰

8. Закрепление лексических калек в словаре заимствующего говора ведет к изменению набора лексических единиц при информации, расширению коммуникативных возможностей целого ряда слов. При этом подвергаются изменениям определенные участки лексико-семантической системы говора. Происходит модификация семантических микрополей: перегруппировка значений, дифференциация семантических признаков в исконных словах (напр. озерные и болотные гуси вместо дикие гуси с недифференцированным признаком). Внесение новых значений в исконные слова расширяет их полисемию (ср. старый: 1) определенный возраст; 2) возраст вообще — 2 года старый; 3) холостой — старый парень). В последних двух случаях указанное значение выступает во фразеологических оборотах. Возникают кальки-омонимы как результат распада многозначности слова (клопы 'возбудители болезни печени'). Благодаря калькам, расширяются валентные возможности слов (нищий рост, цвет; не терплю (ждать), не терплю (болеть) 'не могу' < ei kannata). Стремление к точности калькируемого образца создает в некоторых кальках известный плеоназм, излишнюю семантическую полноту (черная редька, час время ждали, год время).

Все эти явления, наряду с другими, не отмеченными здесь, составляют содержание понятия лексико-семантической интерференции.

9. Как отмечается в научной литературе, появление в русском языке калек финно-угорских слов и выражений относится к глубокой древности.²¹ Однако вопрос калькирования с финно-угорских языков разрабатывается в наши дни недостаточно.

В настоящее время изучение лексического калькирования на диалектном уровне приобретает особое значение не только в свете решения проблем взаимодействия языков и лексико-семантической интерференции, но и в плане общей лексикологии.

Ш. Балли в свое время заметил, что калька призвана дать тол-

²⁰ Д. И. Баранникова, О сущности интерференции и специфике ее проявления. — Тезисы научной конференции, посвященной проблеме двуязычия и многоязычия. Москва, 1969, стр. 20.

²¹

W. V e e n k e r, Die Frage des finnougri-schen Substrats in der russischen Sprache. Published by Indiana University. Bloomington, 1967, стр. 153-155.

чок лексикологическим исследованиям.²² Современный русский литературный язык не дает достаточно материала для всестороннего изучения процесса калькирования, так как, по мнению исследователей, в литературном языке двадцатого века образование калек выражено слабо.²³ Поэтому изучение калькирования на диалектном уровне приобретает особый интерес.

²² Ш. Б а л л и, Французская стилистика. Москва, 1961, стр. 71.

²³ Л. П. К р ы о и н, Иноязычные слова в современном русском языке. Москва, 1968, стр. 59.

V. M ü r k h e i n
(Tartu)

ON EXAMINATION OF LEXICAL TRANSLATION
LOANS FROM ESTONIAN IN RUSSIAN DIALECTS

S u m m a r y

Russian dialects of the south-western Peipsi region developed in the conditions of ethnic bilingualism. As the result of long and tight contacts between the Russian and Estonian languages noticeable structural changes have taken place in the system of Russian dialects. To prove that there are numerous structural-semantic translation loans from the Estonian language. The article discusses three types of translation loans: wordformational, semantic and phraseological.

From the viewpoint of the motivation of appearance of translation loans we may classify translation loans into several groups: 1) translation loans expressing notions that were not represented in the Russian language, 2) translation loans specifying the nuance of the meaning, 3) translation loans different as to their expressiveness, 4) translation loans with clearer semantics than the original words in Russian.

P. P a l m e o s
(Tartu)

KAASSÕNAD KARJALA DJORŽA MURRAKUS

Karjala keele Djorža murrakut kõneldakse Vene NFSV Kalinini oblasti Zubtsovi rajoonis Djorža jõekese ääres viies külakeses, kuhu karjalased on rännanud rohkem kui kolm sajandit tagasi. Tänapäeval moodustavad nad keelesaare vene elanikkonna hulgas.

Praegu on murrak hääbumas - kõik selle kõnelejad on kakskeelsed: nad räägivad nii karjala kui vene keelt. Karjala keelt oskavad ladusalt aga ainult vanemad inimesed, erandlikult ka mõni keskealine. Lapsed seda enam ei kõnele, kuigi nad mõnes peres sellest veel aru saavad. Niisiis on Djorža murrak tavakeeleks, mida kasutatakse üksnes koduses suhtlemises või oma külade piirides. Väljaspool räägitakse ikka vene keelt, ainult erandjuhtudel võib kuulda karjalagi keelt, kui näit. tahetakse arutada omavahelisi asju, nii et võõrad neist teada ei saaks.

Djorža murrak on kaua aega arenenud isoleerituna kõigist karjala murretest. Teiste Kalinini oblastis elavate karjalaste olemasolu küll teatakse, aga et nad asuvad rohkem kui 100 km kaugusel, pole nendega suhtlemist. Samuti pole Djorža-äärseisse küladesse ulatunud lühiealise karjala kirjakeele mõju, kuigi 1930-ndail aastail õpetati paari õppeaasta jooksul kohalikus algkoolis karjala keeltki. Vanakeste jutu järgi olnud aga kirjakeel siinsest murrakust täiesti erinev, nii et põhjustanud arusaamatusigi. Õpetajannad olnud küll karjalased, aga ei osanud Djorža murrakut, mis oli juba ammu niivõrd omanäoliseks kujunenud, et teiste murrete põhjal loodud kirjakeelt pole tahetud emakeeleks tunnistada. Sellepärast ei olegi lastevanemate soovil koolis enam karjala keelt õpetatud.

Süünes omapärasel killukeses leidub jooni, mida teistes karjala murdes ei tunda. Sügavat mõju on sellele avaldanud ümbritsev vene keel, kuid ometi on siin säilinud palju põlist karjalapärasest või läänemeresoomelistki.

Võtkem allpool lähema vaatluse alla üks võrdlemisi piiratud peatükk murraku grammatikast - kaassõnad. Ainestik on kogutud lühiajalistel ekspeditsioonidel üheksa suve jooksul (1965 - 1973). Teemat tervikuna ei ole varem käsitletud, küll on V.-R. Kreinin 1969. a. kirjutanud diplomitöö "Post-ja prepositsioonid ning adverbid karjala keeles (kaliinini murdes)".

Nagu eesti keeles või üldse läänemeresoome keeltes väljendavad ka karjala Djorža murrakus kaassõnad koos käändsõnadega mitmesuguseid suhteid. Iseseisvat leksikaalset tähendust neil tavaliselt ei ole, sest nad märgivad üksnes sõnade seost lauses. Niisiis on nende peamine ülesanne s ü n - t a k t i l i n e , harva täidavad nad ka m o r f o - l o o g i l i s i ülesandeid - koos nimi-, ase-, arvsõnadega kasutatakse neid vahel käändefunktsioonide väljendamiseks või käänete rõhutamiseks ja täpsustamiseks. Niiviisi saavad ees- ja tagasõnad kontekstis grammatilise tähenduse. Valdav osa kaassõnu tähistab ruumisuhteid, neile järgnevad arvuliselt ajasuhteid märkivad kaassõnad.

R u u m i s u h t e i d , s.o. koos noomeniga suunda või kohta väljendavatel kaassõnadel on omakorda mitmeid tähendusvarjundeid: ühed märgivad ruumisuhteid antud eseme piirides, teised väljaspool neid, kolmandad tähistavad neid suhteid nii sees- kui väljaspool eseme piire, neljandad väljendavad liikumise teed jne.

Enamik Djorža murraku kaassõnu on p o s t p o s i t - s i o o n i d , mida kasutatakse genitiiviga. Tunduvalt vähem on p r e p o s i t s i o o n e , mis esinevad peamiselt partitiiviga. Leidub ka teiste käänetega seostuvaid kaassõnu, kuid ainult üksikuid.

K a a s s õ n a d g e n i t i i v i g a

1. G e n i t i i v i g a kasutatavad p o s t p o - s i t s i o o n i d on järgmised: ad 'alt', añ 'all, al-

la', aloh 'jooksul, vältel', iäs 'ees', keš '-kesi', keššes 'seas, hulgas', keššešt 'vahelt', kohaš 'kohal, vastas', kohtah 'kohale, vastu', näh '-st, pärast', perih 'taha' peris 'taga', pił ~ piäl 'peal, peale; otsas, ot-sa', pild ~ piäld 'pealt', piäh 'taha', piäs 'otsas', pualeh 'poole', pualej 'pool, poole', tagud 'tagant', tagukš ~ tavukš ~ tawkš 'taha', tagun 'taga', tokku 'pä-rast'.

Esitatud tagasõnad väljendavad ühes käändsõnaga enamas-ti r u u m i s u h t e i d . Näit. šilman ađ uroš kočaht 'silla alt hüppas mees', hīren ađ panem šammađ 'palgi al-la paneme sammalt', eij o žen verdu muađ, mi on muan ađ 'ei ole sedavõrd maa peal, kui on maa all', heboñ käwlōw perťin iäs varžzeŋken 'mära käib maja ees varsakesega', tämän nardan keššes veššel on eliä 'selle rahva hulgas on tore elada', kirvhen šai vüän keššešt 'ta sai kirve vöö vahelt', reppän kiwgun kohaš 'räppen on ahju kohal', aštuv veřjin kohtah 'tuleb väravate kohale', leivän đoim tan-hun perih 'leiva viskasime karjaaia taha', tanhun peris kažvaw kartošk 'karjaaia taga kasvab kartul', hiän istuč pluwgan pil 'ta istus adra peale', tüt istuw skiram pil 'tütar istub kuhja otsas', kivlōin piäl pannah hřet 'ki-vid peale pannakse palgid', poigan kočaht koivun pild 'poisike hüppas kase otsast maha', vel'tet kačtah kuwžem piäld 'vennad vaatavad kuuse otsast', lehmäi maid on kiäl'en piäs 'lehmäl on piim keele otsas', hiän lēks kümnen viršan piäh 'ta läks kümne versta taha', gařhvan pualej oľlah pustrit 'Galahova (küla) pool on jäätmaad', hüä kočhettih stol'an tagud 'nad hüppasid laua tagant', lākkim konuvan tagukš mañčikkah 'läheme kraavi taha maasikale', külän tagun ruwč 'küla taga on oja'.

A j a s u h t e i d väljendavad nimisõna genitiiviga tagasõnad aloh 'jooksul' ja pualeh 'poole'. Näit. hedťin aloh äijän kezrit 'nädala jooksul ketrad palju', sügžün pualeh päivät liännäh paremmat 'sügise poole on pöevad pa-remad'.

Arvsõna genitiiviga seostuv keš 'kesi' tähistab h u l - k a või m ä ä r a . Näit. lähem hüppimäh kaheŋ keš 'hak-kame jooksma kahekesi'.

Põhjuslike suhteid väljendavad käändsõna genitiiviga näh '-st, pärast' ja tokku 'pärast'. Näit. tuatot i muamot howkettih mein näh 'isad ja emad läksid meeletuks meie pärast', živattu pidim tuahen tokku 'karilooma pidasime sõnniku pärast'.

Mõni tagasõna võib tähistada muudki, nagu näit. piļ 'peale', mis teatavas kontekstis väljendab isikut, kellele tegevus suunatud: uk šilandličcōw miwm piļ 'taat vihastab minu peale', toin toizem piļ kačhettih 'nad vaatasid teineteise peale'.

2. Genitiiviga seostub ainult üks prepositsioon - ülč 'piki, mööda'. Näit. ülč joven 'piki jõge', aeļow poiņrask üļč külān kaiken päivān 'sõidab poisike mööda küla kogu päeva'.

Kaassõnad partitiiviga

1. Enamikku prepositsioone kasutatakse partitiiviga. Need on järgmised: čeres 'pärast, järel', ennen 'enne', keškeh 'vahela', keššēļ 'keset', keššēļd 'keskelt', krōm 'peale, välja arvatud, paitsi', mest ~ vmešt 'asemel', pered 'enne', pošļ 'pärast', protif 'vastu', šiļ puaļ ~ šiļ puļ 'teispool', tāļ puaļ 'siinpool'.

Osalt väljendavad needki ruumisuhteid. Näit. šeizat keškeh šeiņi i kravattī 'pani seisma seina ja voodi vahela', luakšim keššēļ jogi veņkzi 'loopisime keset jõge pärjakesi', kolmešt koh virtettih, molemmist piālōist i keššēļd külī 'kolmest kohast süütasid, mõlemast otsast ja keskelt', semnōvskoi šiļ puaļ jogi 'Semnovskoi on teisel pool jõge', šiļ puļ čertu 'sealpool joont', tāļ puaļ jogi, miš 'kävēļlāh lehmāt' 'siinpool jõge, kus käivad lehmad'.

Osa prepositsioone partitiiviga märgib ka aja suhteid. Näit. čeres vīt pāivi lāhet kodih 'viie päeva pärast lähete koju', nel̄ külū ol̄ nowvois'ennen eiž-māist voinu 'neli sauna oli Nouvois enne esimest sõda', pered roštud on suamoi lūhūt pāēv 'enne jõulu on kõige lühem päev', veješ hūpellāh lapšet, a pošļ vet cīpkat 'lapsed jooksevad vees, aga pärast vett on kuresaapad'.

Välistavas, eksklusiivses tähenduses ka-

sutatakse venelaenulist prepositsiooni kròm 'peale, välja arvatud'. Näit. ken možiw oñ kròm šiwñ bednoid poëgu 'kes võib olla peale su vaese poja'.

Partitiiviga seostuvad ka venelaenulised mest ~ vmest 'asemel' ja protif 'vastu'. Näit. annettih kiven mest leibi 'andsid kivi leiva asemel', hiñ lãks vmest tũtti 'ta läks tütre asemel', protif tãd elãndi 'selle elu vastu'.

Tavaliselt esineb p a r t i t i i v i g a veel prepositsioon jãl'geh 'pärast', kuid harva võib see ette tulla ka g e n i t i i v i g a, väljendades mõlemal juhul a j a s u h t e i d. Näit. jãl'geh voinu ñi mid ei jãñũn heil 'pärast sõda ei jäänud neil midagi'. Samuti genitiiviga: jãl'geh koymannen kërãn kãtkittih akan 'pärast kolmandat korda nad matsid eide'.

2. P a r t i t i i v i g a kasutatakse p o s t - p o s i t s i o o n e mũtten ~ mũten ~ mũt 'piki, mööda; järgi, kohaselt' ja vaššẽn ~ vaš 'vastu' ning vaštah 'vastu'.

Esiteks tähistavad need r u u m i s u h t e i d: tũt aštũw dorgu mũtten i itkõw 'tüdruk tuleb teed mööda ja nutab', gõr ei kãvel pẽdu mũten, a kãwlõw nardu mũt 'mure ei käi mööda põldu, vaid käib mööda inimesi', ka kun kirvhel kun andaw piãd vaššẽn 'vaat kui kirvega kui annab vastu pead', huwhantah kãzlõi vaš 'nad lõovad vastu käsi'.

mũtten ~ mũten ~ mũt 'järgi' märgib ka v i i s i - s u h t e i d: šimũn kuin kučtah tuattu mũten 'kuidas sind kutsutakse isa järgi?', ñe ušt šĩ mĩm et tunnuš iãnd mũt 'kas sa mind tõesti ei tunne hääle järgi?', čẽrdu mũt paimentah 'kordamööda karjatatakse'.

A j a s u h t e i d väljendavad vaššẽn ~ vaš 'vastu' partitiiviga: šuvavattan pũhpãivi vaššẽn ei kezrãt 'laupäeval vastu pühapäeva ei kedratud', brih ruad roštud vaš 'noormees tegi vastu jõulu'.

O t s t a r b e s u h t e i d tähistavad vaššẽn ~ vaš 'järele, vastu' ja vaštah 'järele, vastu', väljendades ühes partitiiviga seda, mida minnakse tooma, hankima. Näit. lãks tũtešt vaššẽn 'läks tüdrukukese järele', ãn heboñ

omaš, lähen haŋgu vaš 'anna oma hobune, lähen puude järe-
rele', tämpin lähen kaŋru vaš 'täna lähen kaeru tooma',

K a a s s õ n a d s i s e k o h a k ä ä n e t e g a

1. I l l a t i i v i g a esinevad p o s t p o s i t s i o o n i d šuatēn ~ šuattēn ~ šuten ~ šut' ~ šuah ~ šua ~ šuh ~ šuw ~ šu 'saadik, -ni' ja varoin 'jaoks', millest viimane väljendab o t s t a r v e t, esimesed r u u m i - l i s t ja a j a l i s t p i i r i. Näit. tām ruad miwh varoin jūgihk 'see töö on minu jaoks raskevõitu', ŋaŋg kudmizēh varoin 'lõng on kudumiseks', tāh šuatēn 'sellest saadik', tuŋow jogēh šuttēn 'tuleb jõeni', lūm ol' vaččah šuah 'lumi oli kõhuni', kaŋmoih šua viž virštu 'kalmistuni on viis versta', školah šuten elin külās 'kooli(aja)ni elasin külas', pualeh ūah šu kārattih 'poole õõni tantsiti'.

Ruumi ja ajasuhete algust ja lõppu väljendatakse sõnaühendiga, milles esimene on elatiivis, teine illatiivis + postpositatsioon: hūā ruattih huamnekšešt iŋdah šuw ~ šut' nad 'töötasid hommikust õhtuni'. Ent sel puhul võib tagasõna esineda ka mõlema käändega samaaegselt: pogreŋvašt šuttēn moskuh šuttēn šad kahekšanklūmmend virštu 'Pogorelojest Moskvani on 180 versta', roštušt šuttēn muajuh šu 'jõulust maini'.

Tavaliselt i l l a t i i v i g a kasutatakse veel tagasõna pāin 'pool, poole' ruumi- ja ajasuhete väljendamiseks, kuid see esineb ka e l a t i i v i g a tähenduses 'poolt'. Näit. ruwččah pāin poŋost 'oja pool on põl-lutükk', šūgžūh pāin päivāt liānnāh lūhemmāt 'sügise poole on päevad lühemad', tūtešt pāin müädmaijāt, a brihan goštjat olŋah hiākanž 'tüdruku poolt on "kaasaminejad", aga noormehe külalised on pulmarahvas'.

2. Ainult e l a t i i v i g a seostub p o s t p o s i t s i o o n šūin 'eest, pärast', mis märgib põhjust. Näit. tūten kassašt šūin brih makšaw tūtšöl 'tüdruku patsi eest noormees maksab tüdrukule', tām urhošt šūin on hīlūt 'see süsi on mehe pärast'.

E l a t i i v i g a kasutatakse järgmisi kaassõnu,

mis võivad olla nii post-, kui preposit-sioonid: piälič 'pealt üle', poik 'põiki üle', širič 'mööda, üle', ümbär 'ümber'. Kõik need kaassõnad märgivad prolatiivseid ruumisuhteid. Näit. kočittih piälič jaamoist, šit piälič kážlõist 'hüpati üle jalgade, siis üle käte', luakšittih šelläst piälič kiwguj 'visati üle selja ahjule', pidāw ruwčašt poik proidi 'peab üle oja minema', aštuim poik jovešt 'tulime üle jõe', hüpluw rēb širič täšt tützešt 'jookseb rebane mööda sellest tüdrukust', ajellah i külist širič 'sõidavad ka küladest mööda', akašt ümbär kävelläh gornišnat 'eide ümber käivad toatüdrukud', i ümbär mapšist lähēm hüppimäh 'ja laste ümber hakkame jooksmas'.

Elatiiviga esineb harilikult ka lāb 'läbi', mis väljendab liikumise teed, kuid seda kasutatakse a ja -suhete tähistamiseks postpositsioonina isegi nominatiiviga. Näit. pidāw laški škiägāšt lāb 'peab laskma läbi ukselingi', lūpštāh lāb kolčešt venčalnoist 'lūpstakse läbi laulatussõrmuse', tūt itkōw üt lāb 'tütar nutab ööd läbi'.

Kaassõnad väliskohakäänetega

1. Väliskohakäänetega - adessiiv-alla-tiivi ja ablatiiviga esineb ruumisuhteid väljendav jällešt 'järele, järele' enamasti tagasõnana, harva eessõnana. Näit. hiän hüplōw lehmil jällešt 'ta jookseb lehmade järele', läkä jällešt hänel hüppimäh 'hakkas talle järele jooksmas', brihand jällešt astuw šuapkan noštai 'noormehe järele tuleb mütsitõstja (pulmas)'.

2. Adessiiv-alla-tiiviga kasutatakse veel tagasõna kohaš 'vastas' ja eessõna keškeh 'vahele' ruumisuhete väljendamiseks. Näit. perčil kohaš kažvaw koiw 'maja vastas kasvab kask' šeizat skamzen keškeh riädlõil 'pani pingikese ridade vahele'.

3. Samuti väljendab ruumisuhteid tagasõna rewnaš 'kõrval', mis seostub adessiiv-alla-tiivi ja genitiiviga. Näit. bajar hänel rewnaš vanh

'mäisnik tema kõrval vana', tütten perün rewnas 'tütarlaps maja kõrval'.

K a a s s õ n a d a b e s s i i v i j a k o m i t a t i i v i g a

1. A b e s s i i v i g a esineb prepositsioon ilman 'ilma', tugevdades ja rõhutades selle tähendust. Näit. ilman izännät i kod' on tühi 'ilma peremeheta on majagi tühi'.

2. K o m i t a t i i v i g a kasutatakse prepositsiooni ühes 'ühes', mis tugevdab ja rõhutab selle tähendust. Näit. lapset lähtittih ühes buaborken mañčikkah 'lapsed läksid ühes vanaemaga maasikale'.

Niisiis kasutatakse Djorža murrakus kaassõnu kõige rohkem genitiivi ja partitiiviga, harvem illatiivi, elatiivi ja adessiiv-allatiiviga. Peale nende esineb nominatiivi, ablatiivi, abessiivi ja komitatiiviga iga käändega ainult üks kaassõna. Mõni kaassõna seostub ka kahe käändega. Ainuski kaassõna ei esine aga inessiivi, aproksimatiivi ega egres-iiviga.

Olgu märgitud, et elatiivi, adessiiv-allatiivi ja ablatiiviga seostuvate kaassõnade puhul tuleb alati silmas pida-da, kas vastav sõna kuulub noomeni või verbi juurde, s. t. kas meil on tegemist kaassõna või adverbiga. Võrreldes sel-leks näit. kaht lauset: určut hüpättih emčül'd jällešt 'isased jooksid emase järel' ja owd' läks iälpäin, a tütär jällešt muamondah 'Oudi läks eespool, aga tütar järel oma emal'. Esimeses lauses on jällešt ilmselt tagasõna abla-tiiviga, teises aga määrsõna.

Olgu tähendatud, et ruumisuhteid väljendavate kaassõna-de hulgas ei leidu vene laene. Küll võidakse aga ruumi- või mistahes suhteid tähistada vene keelest üle võetud preposit-siooniliste sõnaühenditega. Nimelt esineb murrakus kakskeel-susest tingitud vene prepositsioonide, mis on üle võetud koos vastava nimisõnaga, nagu näit. čerez dörž liänöw o'lek-sandrofk 'üle Djorža on Aleksandrovka', on hänel' d'la pamat 'on tal mälestuseks', üksin i elän do šijo- vrema 'üksinda elangi kuni selle ajani', na nebe võmbel 'taevas on viker-kaar', nügün ožen na piñsī 'nüüd olen pensionil', kučum

enämään kariakš pa prozvišt, fomil'jat ollah pa rušk 'kut-
sune enamasti karja keeli hüüdnime järgi, perekonnanimed on
vene keeli', lapšet kane.šn ei ol s višim s abrazava-ni-
jam, a s šerednem ollah kaikin šub 'lapsed muidugi ei
 ole kõrgema haridusega, aga kesk(haridusega) on kõik', tütär
ruadaw v detšadu. 'tütär töötab lasteaias'.

P o s t p o s i t s i o o n i d e b a a s i l t e k k i n u d k ä ä n d e d

Djorža murrak on ikka olnud üksnes kõnekeel, seepärast peab selle tagasõnade käsitlemisel eriti hoolikalt jälgima hääldamist. Nimelt häälduvad postpositioonid lauses harilikult ilma rõhuta, moodustades noomeniga ühe foneetilise sõna. See nn. enkliis, mis esineb ka eesti keeles¹, on murrakus lausefoneetiliselt väga oluline. Mõned kõnekeeles esinevad postpositioonid, mida kasutatakse alati ühe ja sama noomeni käändevormiga, alluvad järkjärgult reale foneetistele muutustele ja liituvad selle käändevormiga niivõrd tihedalt, et lakkavad olemast iseseisvad sõnad, muutudes käändelõppudeks.² Et postpositioonid on võinud muutuda käändelõppudeks, on soome-ugri keeltes üldtuntud tõsiasi. Rohkesti on seesuguseid tagasõnadest kujunenud käändelõppe ungari keeles, kus nende tekkimist võib jälgida kirjakeele vanemates mälestistes.³ Sama nähtust on konstateeritud ka permikomis.⁴ Eriti kergesti toimub seesugune muutus juhtudel, kui kirjakeel puudub või pole veel formeerunud.

¹ P. A r i s t e, Eesti keele foneetika. Õpik Ajaloo-Keelteaduskonna keeleosakondade üliõpilastele. Kolmas trükk. Tartu 1968, lk. 121.

² З. М. Д у б р о в и н а, Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках. - Вестник Ленинградского университета № 14. Серия истории, языка и литературы. Выпуск 3. Ленинград, 1956, lk. 72.

³ К. Е. М а ж т и н с к а я, К вопросу о категории падежа. - Вопросы грамматического строя. Москва, 1955, lk. 247.

⁴ К. R é d e i (Radanovics), Die Postpositionen im Syrischen unter Berücksichtigung des Wotjakischen. Budapest, 1962, lk. 207.

Vaadeldavas murrakus leidub kaks suhteliselt hilja kujunenud käännet, mille lõpud lähtuvad algselt genitiiviga kasutatud tagasõnadest. Need hilistekkinud käänded on aproksimatiiv ja komitatiiv.

1. A p r o k s i m a t i i v

Postpositsioonist luo 'juurde' või luona 'juures', mis on liitunud noomeni genitiivile, on moodustunud a p r o k s i m a t i i v . See väljendab juuresolemist ja juurde-tulemist. Aproksimatiivi lõpp on tagavokaalseis sõnades -llua ~ -llu ~ -lluh, -lua ~ -lu ~ -luh, eesvokaalseis -ll'üä ~ -ll'ü ~ -ll'üh, -l'üä ~ -l'ü ~ -l'üh. Algselt tagavokaalne luo on mугanenud murrakus esineva vokaalharmooniaga, millest johtuvad eesvokaalsed variandid. Käändelõpust on sageli kadunud -a või -ä, sest murrakule on omane tugev lühenemistendents, millest põhjustatud mitmesugused kuluvormid.⁵ Lõpu -h on arvatud oletatavasti pärinevat illatiivist.⁶ Djorža murrakus tuleb aga arvesse teinegi võimalus, nimelt praegu ainult sporaadiliselt ettetulev 3. isiku possessiivsufiks -h adessiiv-allatiivis: šanow tuatollah i muamollah 'ütleb oma isale ja emale'.⁷ Analoogiavõimalus on olemas, sest aproksimatiiv on mугanenud mainitud väliskohakäändega, vastates samuti nii kuhu- kui kus-küsimusele. Näit. huk tul' buabollua 'hunt tuli vanaema juurde', ruvettih käwmäh hänel'ü brihat 'hakkasid tema juures käima noormehed', issut šuwrelluh kuwželluh 'pani istuma suure kuuse juurde', aštuh muam miwlu 'tuleb ema minu juurde', lapšet ruvettih el'mäh naizellu ed urhollu 'lapsed hakkasid elama naise ja mehe juures'.

⁵ P. P a l m e o s , Hilistekkinud käänded karjala Djorža murrakus. - Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 72. Juhlakirja Aulis J. Joen kuusikymmenvuotispäiväksi 2.6.1973. Helsinki, 1973, lk. 279.

⁶ F. J. O i n a s , The Development of Some Postpositional Cases in Balto-Finnic Languages (= Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia 123). Helsinki, 1961, lk. 115.

⁷ P. P a l m e o s , op. cit., lk. 279.

2. K o m i t a t i i v

Ka praegune k o m i t a t i i v i lõpp -ken ~ -keē on lähtunud kunagisest tagasõnast kera '-ga'. Viimane pärineb kerta-sõna adessiivist ja allatiivist, mis lauserõhutus asendis toimunud ebareeglipärase rr > r muutuse teel on tekkinud varasemast kujust kerralla, kerralle, nagu on osutanud L. Kettunen⁸, kelle seisukohta hilisemad uurijad on enamasti aktsepteerinud.⁹ F. J. Oinas arvab kena-, ken-vormid olevat tekkinud kera- (kela-)vormist essiivi analoogia. Essiivi vormide kasutamise suhtes komitatiivi postpositatsioonides vrd. sm kansana, kansna, mukana '-ga'. kera (kela) > kena võib olla toetunud ka põhisõna n-i assimilatatsioonile mõjule.¹⁰

Komitatiiv väljendab kaasasolu, harvem vahendit või viisi. Näit. uk tul' küi'ält'ü tütrenken 'taat tuli küla juurde tütreaga', tul' izänd boranzedlu veičenken 'tuli peremees oinakese juurde noaga', šöi leibi mejenkeē 'sõi leiba meega'.

Komitatiiv esineb kogu kaliinini murde alal. Selle kohta paar näidet oblasti kirdeserval asetsevast Vesjegonski murrakust: * mučonke elä rīdele 'naisega ära riidle', elä vejä lüštüü juomariloijke 'ära pea sõprust joodikutega'. Harva ka: naizenkera 'naisega'.

⁸ L. K e t t u n e n , Suomen postpositatsioonista kera, keralla 'kanssa'. - Virittäjä 1922, lk. 104 - 105.

⁹ Y. H. T o i v o n e n , Suomen kielen etymologinen sanakirja I. Helsinki, 1955, sub kera; M. M. X a m j a - l ä y n e n , Об агглютинатах в вепском языке и в карельских говорах карельского языка. - Прибалтийско-финское языкознание. Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Выпуск XII. Петрозаводск, 1958, lk. 93; L. H a k u l i n e n , Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki, 1968, lk. 309.

¹⁰ F. J. O i n a s , op. cit., lk. 66.

* Kõik andmed Vesjegonski murraku kaassõnadest pärinevad K. V. M a n ž i n i l t , oma kodukandi murraku entusiastlikult talletajalt.

Aproksimatiiviga on lugu keerulisem. Harilikult kasutatakse selle tähenduses genitiivi tagasõnadega luoh ~ luo 'juurde' või luona ~ luo 'juures'. Näit. Vesjegonsk: mie tul'in tüttären luoh 'ma tulin tütre juurde'. Maksatihha: miän kü'än luona on kalmižo (Г. Н. Макаров, Образцы карельской речи. Москва - Ленинград, 1963, lk. 43) 'meie küla juures on kalmistu', muakkua tüö miwn luo üö (seals., lk. 52) 'magage te minu juures öö', Sperovo: vain tuli oven luoh (seals., lk. 147) 'tuli vaid ukse juurde'. Kuid tagasõnalise esinemuse kõrval leidub harvem ka enkliisi. Näit. Maksatihha: jäidih maguamah täi'üö buab^o zelluo (seals., lk. 52) 'jäid magama selle eide juurde'. Niisiis tuleb nentida, et see konstruktsioon hakkab nähtavasti käändeks kujunema kohati mujalgi kaliinini murde alal.

Djorža murrakus esineb üksnes käändevorme, kuigi G.N. Makarov oma tekstikogus on selleltki alalt märkinud nii aproksimatiivi kui postpositsiooni genitiiviga. Allakirjutanu on murrakus kuulnud ainult käändevorme. Isegi küsitlemisel pole keelejuhid hääldanud postpositsiooni, vaid ikka käändevormi.

Nende mõlema käände teket murrakus võiks võrrelda eesti kaasaütleva arenguga. Alles XVI sajandil esines tagasõna kaas: sen Issan kaas (Wanradt-Koell) (= sen isan kaas) 'selle isaga'. Sellest konstruktsioonist arenes paarsada aastat hiljem eriline käändesufiks¹¹, tänapäeva kaasaütleva lõpp.

M u i d p o s t p o s i t s i o o n i d e e r i a r e n g u i d

Ka mõningates muudes postpositsioonides esineb teatavaid muutusi. Nii on tavaliselt al 'alla, all' ja ald 'alt' genitiiviga tihedalt liitudes moodustanud ühe foneetilise sõna, kuigi mitte käändelõpuks kujunenud: istučettih kuwžen al 'nad istusid kuuse alla', kiven al ol' vėž 'kivi all oli vesi', kāž uid stogan ald 'kass läks laua alt ära'.

Samuti moodustavad noomeni genitiiviga ühe foneetilise sõna tagasõnad pił ~ piäl 'peale, peal' ja pił'd ~ piäl'd 'pealt', Ent peale selle on neis ä enamasti kadunud: nowž

¹¹ A. S a a r e s t e , Kaunis emakeel. Lund, 1952, lk. 80.

brih kuwžem pił 'noormees ronis kuuse otsa', istah hüä hua-
vam pił 'nad istuvad haava otsas', lett'iw ak kuwžem piłd
 'lendab eit kuuse otsast'. Harvemini: tüänd hänen kezrimäh
kaévon piäl 'saatis ta ketrama kaevu peale', kačtah kuwžem
piälđ 'vaatavad kuuse otsast'.

Sama on toimunud partitiiviga esinevas tagasõnas mütten
 ~ müten ~ müt 'mööda, piki': dorgu mütten 'teed mööda',
lapšet hüpell'äh bruidroi müt 'lapsed jooksevad mööda loike'.

Rõhutust hääldamisest tingitud muutuste tõttu esineb
 kõige rohkem variante illatiiviga kasutatavas tagasõnas
šuat'en ~ šuateš ~ šut'ten ~ šuten ~ šuat' ~ šut', šuah ~ šua ~
šu ~ šuw ~ šu 'saadik, -ni': täh šu ~ täh šua ~ täh šuat'en
voit šanu 'selleni (siiani) võib ütelda', meččäh šuten 'met-
 sani', idah šut' 'õhtuni', tundih škovah šuh 'tulid koo-
 limajani', redu poľv'ih šuah 'pori põlvist saadik'.

Neis kulunud vormides on enamasti kadunud diftongi jä-
 relkomponent a või ä, kuid on võinud toimuda muidki hää-
 likumuutusi, nagu šuat'en ~ šut'ten ja mütten ~ müten pa-
 ralleelvormides šut ja müt, milles on kadunud sõnalõpu-
 line -n ja seejärel e. Viimane häälikumuutus on tabanud ka
 tagasõnu keš '-kesi' ja vaš 'vastu'. Lühenenud vormide
 tekke eelduseks on nende sage kasutamine lauserõhutus asen-
 dis. Erakordselt suur frekvents põhjustab järelikult hääli-
 kulist kulumist.¹²

Märgitagu, et niisuguseid lausefoneetilisi muutusi ei
 ole toimunud mitte ainult postpositsioonides, vaid ka teis-
 tes tihti esinevais sõnades, mis satuvad hääldamisel rõhu-
 tusse asendisse.

Prepositsioonid on ikka rõhulised, seepärast pole nad
 ka allunud nii tunduvalle muutustele, välja arvatud ainus
 liitsõnaline eessõna šił' puav 'teispool', mille teisest
 komponendist võib vahel kaduda diftongi -a: šił' pu.

E r i n e v a t j a ü h i s t t e i s t e s o o m e - u g r i k e e l t e g a

Teatavasti võime läänemeresoome keelte postpositsiooni-
 de hulgas konstateerida mõningaid käändevorme. Nii leidub

¹² E. I t k o n e n , Kieli ja sen tutkimus. Helsinki,
 1966, lk. 205.

eesti keeles rida kolmes sise- või väliskohakäändes esinevaid tagasõnu, nagu sisse, sees, seest; keskele, keskel, keskelt jne. Tagasõnade esinemine kohakäändeis johtub nende päritolust. Teatavasti on postpositsioonid algselt lähtunud nimisõnadest. Ka nende käändevormid pärinevad ajast, kui nad olid alles nimisõnu ja deklioneerusid. Järelikult on nimisõnade kohakäänded abstrahbeerunud tagasõnadeks. Nõnda võib öelda, et mõningail kaassõnadel esineb defektiivset deklinatsiooni, mis mitmes läänemeresoome keeles ilmneb kolmes kohakäändes. Ka Djorža murrak ei ole kaassõnade suhtes erand, kuid siin piirdub nende deklinatsioon ainult kahe, harva kolme kohakäändega. Osalt on selle põhjuseks seik, et karjala keeles on küll kolm sisekoha-, kuid üksnes kaks väliskohakäänet: alaleütlev ja alalütlev on kokku langenud. Nii näit. esinevad sisekohakäändeis järgmised kaassõnad:

a) illatiivis, inessiivis, elatiivis: keškeh 'vahela', keššeš, 'seas, hulgas', keššešt 'vahelt';

b) illatiivis ja inessiivis: kohtah 'vastu, kohale', kohaš 'kohal, vastas'; perih 'taha', periš 'taga': piäh 'taha, kaugusele', piäš 'otsas';

c) illatiivis ja elatiivis: jäl'geh 'pärast', jäl'lešt 'järele'.

Väliskohakäändeis - adessiiv-allatiivis ja ablatiivis on järgmised kaassõnad: keššel 'keset', keššeld 'keskelt' ja pil' ~ piäl 'peale, peal', pild ~ piäld 'pealt'.

Mõned postpositsioonid esinevad ka vanades üldkohakäänetes lokatiivses essiivis ja ablatiivses partitiivis, nagu näit. aļ 'all, alla' < *alna, ald 'alt' < *alta ja tagun 'taga' < taguana < *takāna, tagud 'tagant' < taguada < *takāta. Viimasest on olemas veel latiivses tähenduses translatiivgi: tagukš ~ tavukš ~ tawkš 'taha',

Kaassõnadeks on võinud kujuneda muudki käändevormid, milles nimisõna on kaotanud oma esialgse leksikaalse tähenduse. Esitatagu allpool ülevaade murraku kaassõnadest üksikute käänete järgi.

N o m i n a t i i v esineb kaassõnades lāb 'läbi', poik 'põiki üle' ja ūmbär 'ümber'.

G e n i t i i v - prepositsioonides ennen 'enne' ja iľman 'ilma'.

P a r t i t i i v - tagasõnas tokku 'pärast, tõttu'.

I l l a t i i v - tagasõnades a j o h 'jooksul', p u a l e h 'poole' ja v a s t a h 'järele, vastu'.

I n e s s i i v esineb postpositsioonides i ä s s 'ees' ja r e w n a s s 'kõrval'.

A d e s s i i v - a l l a t i i v - ainult tagasõnas p u a l e h 'pool'.

P r o l a t i i v - kaassõnades p i ä l i c 'pealt üle' ja š i r i c 'mööda'.

I n s t r u k t i i v - postpositsioonides p ä i n 'pool, poole', š ü i n 'pärast, eest' ja v a r o i n 'jaaks'.

Nagu esitatud analüüsist selgub, võivad kaassõnadena esineda kõik käändevormid, välja arvatud hilistekkinud ap-
roksimatiiv, egressiiv ja komitatiiv.

Adverbid ja kaassõnad on soome-ugri keeltes päritolult hilisemad kui teised sõnaliigid. Soome keele adverbide ja post- ning prepositsioonide kohta on nenditud, et neid võib pidada algselt endistesse või tänapäevastesse noomeni- või verbiparadigmadesse kuulunud muutevormideks või siis laen-
sõnadeks.¹³ Sama kehtib Djorža murraku kaassõnade suhtes. Suurem osa neist on postpositsioonid, mis on vanemad kui pre-
positsioonid. Ent tagasõnad ei pärine ometi soome-ugri ajas-
tust, vaid on arenenud palju hiljem. Võib-olla ulatub ainult nende vanim kihistus osaliselt läänemeresoome algkeelde, kui-
gi tüved, millest nad on lähtunud, võivad olla vanemad. Suu-
remalt osalt on tänapäeva läänemeresoome keelte tagasõnad
kujunenud nende keelte eraldi elu ajal. Nad on lähtunud ha-
rilikult nimisõnadest, millele on liitunud käändelõpp. Nen-
de arenemiskäiku võib kujutleda järgmiselt: mõnd ruumimõis-
tet väljendava substantiivi käändevormi hakati kasutama ko-
hamääruse või muu suhte väljendamiseks. See substantiiv moo-
dustas teise sõnaga possessiivse seose.¹⁴ Näit. konstrukt-
sioonis k o j i n a l l 'maja all' on a l l algselt olnud põhiso-
na, substantiiv, millele on liitunud kohakäände lõpp, ja see
on tähistanud kohta. Selle ees oli genitiiv-atribuut:
k o s i n a l n a » k o j i n a l l a 'maja all oleval alal'. Postposit-

¹³ L. H a k u l i n e n , Suomen kielen rakenne ja
kehitys, lk. 63, 64.

¹⁴ K. R é d e i (Radanovics), op. cit., lk. 201.

sioon on niisiis arenenud seose algupärasest põhisõnast - substantiivi käändevormist, mille genitiiv-atribuut on olnud ees esinev substantiiv.¹⁵ Aja jooksul tuhmus põhisõna leksi-kaalne tähendus, vorm abstraherius, kaotas iseseisvuse ja muutus tagasõnaks, leksikaalse tähenduse omandas ees asetsev genitiiv-atribuut.

Alguses väljendasid genitiiv + postpositsioon ainult ruumisuhteid, seejärel hakkasid nad ka ajasuhteid tähistama. Alles hiljem lisandusid neile põhjust, otstarvet, viisi, määra jm. märkivad suhted. Ruumi- ja ajasuhteid tähistavaid tagasõnu on palju rohkem kui muid suhteid väljendavaid. See-
gi peaks osutama esimeste suhteliselt suuremale vanusele.

Kaassõnad moodustavad pika aja jooksul kujunenud süs-
teemi, mille üksikud lülid võivad olla arenenud eri aegadel ja eri viisil. Postpositsioonideks on muutunud peamiselt substantiivid, mis on tähendanud üldisi ruumiga seotud mõis-
teid.¹⁶

Heitkem allpool pilk Djorža murraku p o s t p o s i t-
s i o o n i d e p ä r i t o l u l e .

and 'alt', añ 'all, alla' tüvisõna on olnud ala
(< *ali). iäš 'ees' lähtub esi-sõna inessiivist < iessä
<< *eesnä. Murrakus ei esine tänapäeval kumbki iseseisva
sõnana, küll aga mujal karjala murdeis (vt. Karjalan kielen
sanakirja I, 1968: ala ja esi).

jällešt 'järel, järele' pärineb sõnast jälg 'jalg',
samuti ka prepositsioon jäl'geh 'pärast'.

keš '-kesi', keššeš 'sees, hulges', keššešt 'vahelt',
lähtub kaliinini murdeski esinevast sõnast keski 'keskkoht',
(Vesjegonsk). Samatüvelised on ka eesõnad koškeh 'vahele',
keššeì 'keset' ja keššeld 'keskelt'.

kohaš 'vastas', kohtah 'vastu, kohale' < kohta 'koht'.

mütten ~ müten ~ müt 'piki, mööda; järgi' pärineb va-
nast nimisõnatüvest, mille vasteid leidub enamikus soome-ug-
ri keeltes¹⁷ ja mis algselt on arvatavasti tähendanud 'mil-

¹⁵ E. I t k o n e n , Kieli ja sen tutkimus, lk. 230.

¹⁶ K. R é d e i (Radanovics), op. cit., lk. 206.

¹⁷ Y. H. T o i v o n e n , E. I t k o n e n , A. J. J o k i , Suomen kielen etymologinen sanakirja II. Helsinki, 1958, lk. 357, sub myö-.

legi selg, millegi taga olev osa.¹⁸

Mõned tagasõnad pärinevad *kehaosa* de ni -
metustest, nagu

piil ~ piäl 'peal, peale', pild ~ piälid 'peale', piäh
'taha, kaugusele', piäs 'otsas', päin 'pool, poole' ja
prepositsioon piälil 'pealt üle', mis kõik on lähtunud soome-ugri sõnast piä 'pea'.

perih 'taha', peris 'taga' põlvnevad genuiinsest sõnast perä, mis kaliinini murde alal esineb Vesjegonski murrakus, tähendades 'tagaosa, tagumik; köök'.

rewnas 'kõrval' lähtub sõnast reuna 'äär', mida on kahtlevalt peetud laenuks balti keeltest.¹⁹ Djorža murrakus tuntakse sõna vaid postpositsioonina või adverbina, Vesjegonskis ka adjektiivina reunalline 'naabruses olev'.

Igivanast tüvest pärinevad tagud 'tagant', tagukä ~ tavukä ~ tawkä 'taha' ja tagun 'taga', millele leidub vasteid kuni samojeedi keelteni.²⁰

poik 'põiki üle' on läänemeresoome algupära, vrd. näit. eesti põiki, põikama, soome poikki 'katki; põiki üle', poiketa jne.

süin 'pärast, eest' lähtub soome-ugri algupära sõnast süü, mille varasem tähendus on olnud 'kiud; puusüü; keere, viirg', hilisem 'põhjus, süü, viga'. Substantiiv esineb "Kalevalas" ja mitmel pool Karjalas²¹, Djorža murrakus tundmata.

V e r b i s t lähtunud tagasõnu on vähe.

näh 'pärast, -st' on algselt instruktiiv *nähden soome-ugri algupära verbist nändä 'näha', mis murrakus esineb kujul nägi 'näha'.

¹⁸ A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára II. H-Ó. Budapest, 1970, lk. 970, sub nőg.

¹⁹ E. I t k o n e n, A. J. J o k i, Suomen kielen etymologinen sanakirja III. Helsinki, 1962, lk. 775, sub reuna.

²⁰ P. A l v r e, Adverbide eesti taga - samojeedi *take- pronominaalsest päritolust. - ESA VIII. Tallinn, 1962, lk. 147 jj.

²¹ E. I t k o n e n, A. J. J o k i, Suomen kielen etymologinen sanakirja IV. Helsinki, 1969, lk. 1151, sub syv.

šuaten ~ šutten ~ šuten ~ šuah ~ šua ~ šuh ~ šuw ~ šu
'saadik, -ni' lähtuvad soomeugrilisest verbitüvest *saada,
murrakus šuwv 'sünnitada, saada' ja on algselt samuti in-
struktiiv.²²

Tundmatut algupära on tagasõna tokku 'pärast'.

P r e p o s i t s i o o n i d on tekkeldasa hilisemad
kui enamik postpositsioone, kuid nendegi hulgas leidub mõni
vana tüvi.

Djorža murrakus esinevad järgmised eessõnad: čeres 'pä-
rast, järel', ennen 'enne', ilman 'ilma', jäl'geh 'pärast',
keškeh 'vahele', keššel' 'keset', keššeld 'keskelt', krõn
'peale, paitsi', mest ~ vmest 'asemel', pered 'enne',
pos' 'pärast', protif 'vastu', šil'puu ~ šil' puu 'teisel
pool', täi' puu 'siinpool', ühes 'ühes', ülč 'piki'.

Vanimaid eessõnu on ennen 'enne', mis esineb kõigis
läänemeresoome keeltes ja lähtub *ensi-tüvest.

Samuti kõigis läänemeresoome keeltes leidub vasteid
eessõnale ilman 'ilma'. See on genitiiv või instruktii-
v põlisest soome-ugri sõnast ilma²³, mis esineb Vesjegonski
murrakuski tähenduses 'maailm'.

ühes 'ühes' lähtub arvsõnast üks 'üks', ülč 'piki'
aga nähtavasti *ülä- (üli-) sõna konsonanttüvest.

Postpositsioonidega samatüveliste eessõnade jäl'geh,
keškeh, keššel' ja keššeld päritolu kohta vt. ülalpool.

Prepositsioonid esinevad murrakus sageli ka adverbide-
na. Näit. ennen kežräim i kudoim koiš' 'enne ketrasime ja ku-
dusime kodus', jäl'geh tām vejūt pidāw kumat künnükšellū 'pä-
rast peab selle vee kallama künnise juurde', pidāw tām pañ
keškeh 'peab selle panema vahele', hiän läks šil'puu 'ta
läks sinnapoole'.

Arvatavasti ongi nad eessõnadeks muutunud määrsõnalise
vaheastme kaudu.

Esitatud prepositsioonide hulgas torkab silma kuus pä-
ritolult üsna hilist ja küllalt harva esinevat vene laensõ-
na, nende seas koguni paar tarbetut vastavate genuiinsete
sõnade kõrval.

²² F. J. O i n a s , op. cit., lk. 139.

²³ Y. H. T o i v o n e n , Suomen kielen etymologinen
sanakirja I. Helsinki, 1955, lk. 105, sub ilman.

Teatavasti peetakse soome-ugri ja altai keelte üheks tüpoloogiajooneks juba F.J. Wiedemannist peale postposititsioone,²⁴ mitte prepositsioone, mis on omased indoeuroopa keeltele, niisiis ka vene keelele. Läänemeresoome keeltes esineb nii post- kui prepositsioone, kuigi esimesi on tunduvalt rohkem. Nõnda on näiteks eesti keeles tagasõnu 121, eessõnu ainult 11, peale nende veel 13 sõna, mis võivad olla nii post- kui prepositsioonid. Djorža murrakus on suhe suuresti erinev: postposititsioone on 30, prepositsioone 16, neile lisaks 7 sõna, mis esinevad nii ees- kui tagasõnadena.

V e n e k e e l e m õ j u s t k a a s s õ n a d e k a s u t a m i s e l

Murraku prepositsioonide arv on kasvanud vene laensõnade näol. Postpositatsioonide hulgas need puuduvad. Karjala ja vene keel on süsteemilt erinevad, sellepärast on loomulik, et partikleid on võidud laenata eeskätt neil juhtudel, mil karjala murrakus endas oli juba olemas vastav mall: selles leidis eessõnu, mistõttu venelaenulised prepositsioonid lülitati kergesti omade eessõnade hulka ja neid hakati samuti tarvitama partitiiviga.

Siiski ei piirdu vene keele mõju murraku kaassõnades mitte üksnes otseste leksikaalsete laenudega ega venekeelsete prepositsiooniliste sõnaühenditega, vaid ilmneb ka tõlkeläenudena. F. Oinas on pühendanud kirjutise läänemeresoome keeltes leiduvaile vene tõlkeläenudele. Muuseas esitab ta selles postpositatsiooni müöten, möttö, müö, -me jne., mille kasutamises ta märgib vene prepositsiooni по eeskuju.²⁵ Ka Djorža murrakus võib sel puhul konstateerida vene keele mõju. Näit. šiim kuin kučtah tuattu müten? 'kuidas sind kutsu-

²⁴ P. A r i s t e , Ferdinand Johann Wiedemann. Tallinn, 1973, lk. 19, 20.

²⁵ F. O i n a s , Russian Calques in the Balto-Finnic Languages. - Indiana Slavic Studies. Volume I. A Collection of Studies by Members of the Faculty of Indiana University. Edited by M. Ginsburg and Joseph Thomas Shaw. Bloomington, Indiana, 1956, lk. 232-233.

takse isa järgi?' Vrd. kohalikus vene murrakus: как тебѣ завыт на аты? - iänd müt 'hääle järgi', vrd. vn на го-ласу.

Ent vene keele semantiline mõju ilmneb murrakus veel teistegi kaassõnade kasutamises. Püüdmata probleemi kogu ulatuses käsitleda, esitatagu siinkohal vaid mõningaid näi-teid.

Postpositsiooni tagukä ~ tavukä ~ tawkä kasutatakse nimisõna genitiiviga väljendamaks isikut, kellele mehele minnakse, samuti kui vene prepositsiooni за. Näit. тоізеи tagukä en an, a lähēt, kenen tagukä mi annan 'teisele ma ei anna, aga lähed, kellele ma annan'. Vrd. vn за друго-ва не аддам, а пайдѣшь за каво я аддам - vanhan tavukä ~ tawkä annettih hänen 'vanale (mehele) nad andsid ta'. Vrd. vn за стараво дали еѣ.

Nähtavasti vene keele mõjul esineb murrakus tagasõna näh '-st' genitiiviga. Näit. kenen näh šičä duvmaičēt? 'kellest sa mõtled?' Vrd. vn про каво ты думаешь? - hiän šuačow pais' ičen näh 'ta armastab rääkida endast'. Vrd. kohalikus vene murrakus он любит гаварить про себя. Tõsi küll, vene keeles kasutatakse prepositsiooni про akusatiiviga, kuid elusolendeid tähendavate sõnade akusatiivi sarnasus genitiiviga ongi vist loonud võimaluse postpositsiooni näh kasutamiseks genitiiviga. Ootuspärane olnuks sellega seoses illatiiv, nagu see esinebki Vesjegonski murrakus: oli šijä paginia hänen näh 'oli palju juttu temast'. Ka soome keeles esineb karjala sõna etümoloogiline vaste nähden illatiiviga.

Ajasuhete väljendamiseks seostub murrakus prepositsioon jäl'geh 'pärast' tavaliselt nimisõna partitiiviga (jäl'geh voinu 'pärast sõda'), harva kasutatakse seda aga ka genitiiviga: jäl'geh koymannen keran kät kittih akan 'pärast kolmandat korda nad matsid eide'. Teistest karjala murretest on andmeid üksnes genitiiviga kasutatava tagasõna ja partitiiviga eessõna kohta. Soome keeles esineb selle vaste jälkeen genitiivse post- ja prepositsioonina. Djorža murraku eessõna genitiivse reksiooni puhul tuleb aga arvesse just vene prepositsiooni после eeskjuju. Vrd. kohalikus murrakus: после третьева раза пахаранили старуху.

Postpositsioon piļ ~ piāl' 'peal, peale'. vōib nimisōna genitiiviga tähendada ka 'otsas, otsa', näit. vellet istah kuwžem pil 'vennad istuvad kuuse otsas', kondi nowž huavam pil 'karu ronis haava otsa'. Vrd. vn. prepositsiooni на lauseis братья сидят на ёлке, медведь лез на асину.

Samuti on tagasōna pild ~ piāld 'pealt' tähenduse 'otsast' saanud genitiiviga esineva vene prepositsiooni с eeskujul. Näit. vellet kačtah kuwžem pild 'vennad vaatavad kuuse otsast', lettiv ak kuwžem piāld 'lendab eit kuuse otsast'. Vrd. vn. братья смотрят с ёлки, летит старуха с ёлки. Vahel haruharva vōib samas tähenduses kuulda ilmselt algupärasemat väljendust heittic kuwželd 'tuli kuuse otsast maha'. Semantilise tõlkelaenuga vene keelest on tegemist ka järgmisel juhtumil: brihoil ei šu ottu ristī hānen pild 'noormehed ei saa võtta risti tema seljast'. Vrd. vn. у парней нельзя снять крест с него.

Prepositsioon ülč 'piki, mööda' esineb murrakus genitiiviga ilmselt vene prepositsiooni вдоль eeskujul: ülč dorgan 'piki teed', mū gulaičem ülc külān 'me jalutame mööda küla'. Vrd. vn. вдоль дороги, мы гуляем вдоль деревни. Ootuspärane oluks selle eessōna kasutamine vahest partitiiviga nagu Vesjegonski murrakus: miaslencana čuratah hebozilla ülcī külā 'vastlanädalal sõidetakse hobustega mööda küla'.

Niisiis on karjala keele Djorža murraku kaassōnade hulgas postpositsioonid arvuliselt ülekaalus võrreldes prepositsioonidega. Silmatorkava seigana tuleb aga mainida soomeugri keeltele iseloomulike kolmesuunaliste tagasōnade vähesust. Mõnevõrra rohkem on säilinud kahesuunalisi postpositsioone. Leksikaalseid vene laene leidub üksnes prepositsioonide hulgas, postpositsioonide seas neid pole. Tagasōnade hulgas esineb aga mõningaid tõlkelaene vene keelest.

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ В ДЬЁРЖАНСКОМ ГОВОРЕ
КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Р е з ю м е

В статье рассматриваются предлоги и послелог в дьёржанском говоре карельского языка. Этим говором ныне пользуется старшее поколение небольшого языкового островка в Зубцовском районе Калининской области РСФСР.

Большая часть послелогов употребляется с родительным падежом. Предлогов встречается меньше, и они требуют главным образом винительного падежа. Лишь единичные предлоги и послелог употребляются с другими падежами. Из-за энклизы, свойственной говору, произошел ряд фонетических изменений синтаксического типа, что вызвало появление двух новых падежных форм: апроксиматива и комитатива. Они образовались от послелогов, которые первоначально употреблялись с родительным падежом.

По происхождению послелог являются более древними. В большинстве они образовались от имен существительных, к которым присоединились падежные окончания. Сначала конструкции "родительный падеж + послелог" выражали лишь пространственные отношения. В числе послелогов имеются падежные формы, но вообще послелогов, употребляемых во всех трех местных падежах, мало.

В говоре насчитывается 30 послелогов, 16 предлогов и 7 таких слов, которые могут выступать как в качестве предлогов, так и послелогов. В течение многих поколений карелы жили в тесном соприкосновении с русскими. На говоре сказывается сильное влияние русского языка. 6 предлогов заимствованы из русского языка. В числе послелогов лексических заимствований не наблюдается, но встречаются некоторые кальки.

СУФФИКСАЛЬНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ ИМЕН
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДИАЛЕКТАХ ЭРЗЯНСКОГО ЯЗЫКА

Словообразовательный способ объединяет ряд словообразовательных типов, сходных по формальным свойствам. В эрзянских говорах и диалектах имена существительные характеризуются своеобразием словообразования как в отношении способов, так и в отношении деривационных суффиксов и характерных для этой части речи словообразовательных значений.

В сфере имени существительного производные слова создаются следующими способами: 1) морфологическим, 2) синтаксическим, 3) лексико-семантическим, 4) морфолого-синтаксическим.

В эрзянском диалектном ареале выделяются следующие словообразовательные суффиксы имен существительных: -кс, -кш, -вкс (-фкс), -ма (-ме, -мо, -му), -ка, (-ко, -ку), -ке (-ки, -кя), -го (-гу, -га), -ге (-ги, -гя), -т (-т'), -в, (-н), -ина (-р'ина), -ан (-ган), -кай (-гай), -буе (-бие), -ар, -онка, -се (-се), -чи, -пел', -шка, -мга, -не (-ня, -не), -ке (-кя), -ге (-га), -нге.

По продуктивности перечисленные выше суффиксы можно разделить на: 1) создающие продуктивные словообразовательные типы, 2) непродуктивные суффиксы (т.е. не создающие продуктивные словообразовательные типы).

1. Суффикс -кс

В эрзянских диалектах, как и литературном языке, значение этого суффикса разнообразно. Он может сочетаться с производящими основами имен существительных и глаголов.

С помощью суффикса -кс от основ имен существительных и прилагательных образуются новые производные, означающие:

1) предмет, являющийся носителем, источником другого предмета, обозначенного производящей основой: чев "лучина" - чев-кс "полена для лучины", ки "дорога" - ки-кс "полоса, черта", мастор "земля" - мастор-кс (нап.) "пол", с'ормав "морщинистый" - с'ормав-кс (взм.) "морщинистый", шчы "острый" - шчы-кс-т

(с. зап.) "колики", чапамо "кислый" - чапа-кс "тесто" и др.

Данное словообразовательное значение суффикса особенно хорошо прослеживается в производных, обозначающих названия плодовых и некоторых дикорастущих деревьев и кустарников. Ср., например: чевге "калина" - чевге-кс (саб.) "калина (дерево)", пиз'ол "рябина" - пиз'ол-кс (мокл.) "рябина (дерево)", дамар' "черемуха" - дамар'кс (коб.) "черемуха (дерево)", комул'а "хмель" - комул'а-кс (саб.) "хмель (растение)", вишн'а "вишня" - вишн'а-кс "вишня (дерево)" и др. Суффикс -кс с указанным словообразовательным значением является характерным для многих эрзянских говоров, в том числе и для говоров литературного типа.

В части говоров, распространенных в основном на территории Атяшевского и Ардатовского районов (Мордовская АССР), значение предмета, являющегося носителем, источником другого предмета и проявляющегося в названиях деревьев, выражается другим суффиксом, образующим в этих говорах продуктивный словообразовательный тип. Таковым является суффикс -ина (-р'ина): умар' "яблоко" - умар'ина (кирж.) "яблоня", пиз'ол "рябина" - пиз'ол-ина (тар.) "рябина (дерево)", чевгед' "калина" - чевгед'-ина (кирж.) "калина (дерево)". Из суффикса -ина путем переразложения основы возник суффикс -р'ина. Образцом для него послужили слова-названия плодовых деревьев, имеющих в исходе согласный р. Ср. умар' - умар'-ина, л'омз'ор - л'омз'ор-ина, но груша - груша-р'ина (кирж.) "груша (дерево)", вишн'а - вишн'а-р'ина (пил.) "вишня (дерево)", пешт'е "орех" - пешт'е-р'ина "орешник".

В отдельных эрзянских говорах производные основы от названий плодов оформляются суффиксом -кт. Ср., например: пиз'ол - пиз'ол-кт (перм.) "рябина (дерево)", пешт'е - пеш-кт' "орешник", чавге - чавге-кт (перм.) "калина (дерево)", л'омз'ор - л'омз'ор-кт (перм.) "черемуха (дерево)" и др.

В говорах шокшинского куста (Мордовская АССР) продуктивным типом в рассматриваемой группе производных является суффикс -кс, осложненный дополнительным незначащим элементом -на, который вместе с последним образовал суффикс -ксна: пешт'е - пешт'е-ксна "орешник", инз'ей - инз'ей-ксна "малинник", чивз'ел' - чивгед'-ксна "калина (дерево)", комол'а - комол'а-ксна "хмель (дерево)" и др.

Образование производных от названий плодов показывает, что разделенность эрзянского языка на говоры и диалекты

способствует возникновению однородных и однозначных суффиксов. Важно подчеркнуть, что в словотворчестве говоры имеют свои специфические особенности. Так, например, в результате обособленного развития некоторых эрзянских говоров в них не выработался словообразовательный тип для выражения словообразовательного значения, возникшего в производных от названия плодов и деревьев. Имеется немало эрзянских говоров, в которых значение, обозначенное нами пунктом I, реализуется посредством аналитических образований, обязательным компонентом которых в одних говорах является слово чувто "дерево", в других говорах — ундо "дерево": умар' чувта (найм., гос.), умар' ундо (атл.) "яблоня", ламар' чуфта (пов.), л'омз'ор чуфта (гос.) "черемуха", чйвге чувто (пурк.) "калина-дерево".

В некоторых эрзянских говорах слово сад выступает в качестве обязательного компонента в аналитических образованиях и таким образом становится названием единичного предмета. Ср. вишня — вишн'а сад "вишня-дерево", пиз'ол — пиз'ол сад (ард., срс.) "рябина-дерево", топол' — топол' зад (ст. ард.) "тополь-дерево", офт умар' — офтумар' зад (ст. ард.) "шиповник-дерево" и др.

2) Другим значением суффикса -кс является обозначение предмета, предназначенного для того, что означает производящая основа. Отметим, что данное словообразовательное значение во всех эрзянских говорах, в том числе и говорах литературного типа, выражается одним и тем же суффиксом, т.е. суффиксом -кс без синонимических вариантов. Приведем ряд примеров: йам "суп, каша" — йам-кс "пшено, крупа", сур "палец" — сур-кс "браслет", "перстень"; ал "низ" — ал-кс "поселье", "основание"; шт'ир'е "веретено" — шт'ир'алкс (сим.) "часть прялки", с'иве "ворот" — с'иви-кс (фед.) "хомут", чама "лицо" — чама-кс (пурк.) "сетка для лица", сал "соль" — салдыр-кс "солонка", ланго "поверхность" — ланга-кс (срс.) "чересседелник" и др.

При помощи этого суффикса образуются и имена существительные от основ существительных со значением предмета, находящегося в пространстве, в смежном с тем, что означает мотивирующая основа: пел' "половина" — пел'-кс (фед.), ср. с'ед'ей пел'кс "самый младший брат"; пел'-кс (срс.) "осколок", потмо — потма-кс "дно", пил'е "ухо" — пил'е-кс "серьга", ланго "поверхность" — ланга-кс (с. зап.) "наволочка,

оболочка", ланга-кс (ерем.) "сливки"; йала (рынд.) "муж сестры" - йала-кс "младшая сестра" и др.

Имена существительные по степени участия их как производящих основ в словообразовательном типе, реализующемся суффиксом -кс, по-разному используются в словопроизводстве. Имеется немало существительных, которые совершенно не вовлекаются в современный словообразовательный процесс в качестве производных основ. Причина этого явления заключается в семантике производящих основ и в характере словообразовательных связей суффикса -кс, формирующего производное слово. Потенциальные возможности возникновения производных с этим суффиксом от именных основ ограничены. Мотивирующие основы для производных с указанным суффиксом выборочны. Мы можем назвать лишь одну небольшую в количественном отношении лексико-семантическую группу слов - названия плодов культурных и некоторых дикорастущих деревьев, с которой суффикс -кс образует производный тип, остальные же имена существительные и прилагательные ограниченно могут выступать в качестве производящих основ.

Суффикс -кс образует имена существительные и от глагольных основ. Участие этого суффикса в образовании производных отглагольных основ занимает в диалектах эзянского языка довольно заметное место. С его помощью образуются имена существительные, обозначающие: а) результат действия (результативность). Данное словообразовательное значение обнаруживается в многочисленных производных типа пор'-кс (с. зап.) "жвачка" - пор'е "жевать", памор'-кс "крошка" - памор'е "крошиться", пуром-кс (с. зап.), пром-кс (коз.) "сбор, собрание" - пуромо, промо "собирать", йов-кс (моксил.), йод-кс (шуг.) "сказка" - йов "сказать", с'увор'-кс "мозоль" - с'увор'е "стариться", д'яв-кс (моксил.) "детеныш" - д'ив "вывести" и др.;

б) назначение предмета (предназначенность). Данное словообразовательное значение проявляется лишь в отдельных производных типа въл'-кс (моксил.) "крышка, покрывало" - въл'- "покрывать", тр'ам-кс "домашнее животное" - тр'а "кормить, воспитывать", пет'-кс (фед.) "приправа" - пед'а "пропелит", мен'-кс, ср. орма мен'кс (сим.) "лекарство", тават-кс "крышка" (варм.) - тавад "крыть";

в) производителя действия. Образования с этим значением

мало продуктивны, так как их употребление ограничено несколькими глагольными основами: пала-кс "крапива" - пала- "гореть", пупи-кс "шиповник" - пупа- "уколоть" и др.;

г) отвлеченное действие. Ограниченность этого словообразовательного типа вытекает из ограниченности круга соответствующих глагольных производящих основ: вис'кс "стыд, стыдливость" - визд'- "стыдиться", кен'ар-кс "печаль" - кен'ард- "печалить", нуз'а-кс "лень, лентяй" - нуз'а "лениться".

Необходимо отметить, что в производных от глагольных основ суффикс -кс может быть осложнен в-овым элементом. Осложнение -кс происходит обычно в тех случаях, если основа глагола оканчивается на гласный а. При этих основах перед суффиксом -кс появляется интерфиксальный элемент в, создающий вместе с последующим суффиксом формант -вкс, который может чередоваться с -вт / -ф или -х: пир'а-вкс (пир'а-вт), пир'а-х "изгородь" - пир'а- "загородить"; сед'а-вкс (перм.) "пол" - сед'а- "стелить"; кер'а-вкс (взм.) "шрам" - кер'а- "рубить", кайа-вкс (кайавт), кайа-ф "выкидыш" - кайа- "сбросить, бросить", пупа-вкс (б.игн.), пупа-вт (с. зап.) - пупа- "уколоть" и др. Присоединяясь к глагольным основам, оканчивающимся на гласный а, суффикс -вкс (-вт, -х) образует существительные, обозначающие результат действия. Тип весьма продуктивен.

Имеется небольшая группа производных основ, присоединяясь к которым суффикс -вт (в некоторых говорах -х) образует имена существительные с оттенком значения старшинства по отношению к другим лицам: ат'а "старик" - ат'а-вт (ат'а-вто, ат'а-х) "свекор"; ава "женщина, мать" - ава-вт, ава-вто, ава-х "свекровь", пр'а "голова" - пр'а-вт, пр'а-х, пр'а-вт "глава, старшина". Тип малопродуктивный.

2. Суффикс -кш

Этот суффикс, по-видимому, родственен с суффиксом -кс. Однако слабопродуктивен и мало распространен. В говорах и диалектах эрзянского языка имеется несколько производных с этим суффиксом. Производящей основой при этом может быть имя существительное, прилагательное, глагол. Например: ат'а-кш "петух" (от ат'а "старик"), с'ел'му-кш-т "очки" (от с'ел'ме "глаз"), колба-кш в составном названии пр'а кол-

бакш (саб.) "маковка (головы)", ламба-кш (от ламбамо "сладкий") "глупец", йутка-кш (саб.) "ясли для корма" (от йутко "промежуток") пала-кш (с. зап.) "спорынья у проса" (от паломс "гореть"), лукш (черм.) "шелуха" (от лу-та "содирать"), кола-кш (с. зап.) "пожар" (от коламс "разбить"), мор-кш (перм.) "стол" (от морга "пространство в избе перед печью").

В некоторых существительных суффикс -кш вообще не вычленяется: пакш "клок волос", кен'кш "дверь", камакш "коренной зуб", эйкакш "дитя", ведр'екш "телка", пондакш "мохнатый", чомболкш (тар.) "ласка" и др. В отдельных говорах в некоторых из перечисленных слов вместо -кш выступает суффикс -ка, например: ведр'е-ка (жаб.) "телка", понда-ка "мохнатый". Вероятно, так же образованы слова кен'кш "дверь", камакш "коренной зуб", пакш "прядь волос, клок".

По происхождению суффикс -кс, а также близкий к нему по значению суффикс -кш, являются весьма древними. Соответствия данному суффиксу со значением предназначенности имеются во многих родственных языках. Ср., мар. -аш (-кш) - вочкаш "материал для кадушки" от вочко "кадушка, кадка", тувараш "материал для рубашки" от тувыр "рубашка", йалакш "штаны" от яла "нога", руакш "тесто" от ру "дрожжи" (Галкин, Ист., II, I8-I9); фин. -us: sormus (sormukse-) "кольцо" от sor-mi "палец" (Серебренников, Ист. перм., I45-I46); коми -ӧс: пуртӧс "ножны" от пурт "нож", шӧмӧс "квашня" от шом "закваска" (СКЯ, I57).

По предположению Б.А. Серебренникова, суффикс -кс (-кш) восходит к прауральскому суффиксу *-кс (-sk) со значением "предназначенный для чего-либо".

3. Суффикс -ма (-ме, -мо, -му)

Этот суффикс участвует обычно в образовании слов с отвлеченным и предметным значением от основ глагола. С отвлеченным значением: налкс'е - "играть" - налкс'и-ма (шуг.) "игра", ловно, читать - ловну-ма (низ.) 'чтение', мус'ке - "стирать" - мус'ке-ма "стирка", л'ед'е - "косить" - л'ед'е-ма "косьба", эр'а - "жить" - эр'а-му (ст. турд.) "жизнь", л'ис'е - "выйти" - л'ис'и-ма "восход, выход", ср. чил'ис'-ема "восток" и др. Часто результатом действия, обозначенным указанным суффиксом, является не отвлеченное понятие, а

вполне осязаемый, конкретный предмет. Так, например, значение конкретного предмета прослеживается в производных словах: пел'е - "сверлить" - пел'и-ма (мокшл.) "долото", кунда - "поймать" - кунда-му (отр.) "ручка", иза - "бороновать" - иза-ма (шуг.) "борова", ушто - "топить" - ушту-ма (мокшл.) "печка", нарда - "вытирать" - нардаму (лоб.) "полотенце", вид'е - "сеять" - вид'ме "семя", чалга - "наступить" - чалга-мо (перм.) "крыльцо", сода "знать" - сода-мо (б.мр.) "зять", с'улга "воткнуть" - с'улга-ма (шуг.) "запонка", сувт'е - "просеять" - сувт'и-м (перм.) "решето". Некоторые из подобных производных употребляются только во множественном числе: панжумат (мокшл.) "замок", чалгамот (б. мр.) "мялка", мус'кимат (пил.) "белье", кус'т'имат (шуг.) "лестница" и др. Отдельные отглагольные существительные с конкретным значением формально отличаются от названий действий, обозначенных этим же суффиксом. Например: вид'-ме "семя", но вид'ема "сев"; касмо "темя", но касмо "рост"; лис'ма "колодец", но лис'ема "выход"; сускомо "кусок", но сускума "грязня".

В результате переразложения основы в отдельных говорах выделяется суффикс -лма. Так, в существительных кувалма "длина", сталмо "тяжесть" согласный л относится к основе (ср. кувалгад - "удлиниться", стакалгад - "отяжелеть"), в существительных же йофталма (наск.) "сказание", покшолма (наск.) "размер", эчкелма (шуг.) "толщина" л входит в состав суффикса (ср. йофта - "сказать", эчке - "толстый").

Установлено, что суффикс -м + гласный восходит к праяуральскому суффиксу отглагольных имен существительных -т, который оставил глубокий след не только в эрзянском языке и его диалектах, но и в других финно-угорских языках. Ср. фин. -ма/-mä: elämä 'жизнь' от elää "жить", kuolema "смерть" от kuolla "умирать", voima "сила" от voida "мочь, быть в состоянии" (ГФЯ, 251), мар. -эм: руэм "вырубка" от руаш "рубить", корем "овраг" от кораш "чертить, бороздить", шолтем "варево" от шолташ "варить" (Галкин, Ист., П, 47), коми -ом: чижом "писание" от чижны "писать", чужом "лицо" от чужны "родиться" (СКЯ, 154); манс. -ум, -эм: марим "теснота" от мар - "стать тесным", "терпеть нужду", матум "старость" от мат - "состариться" (Ромбандеева, Манс., 72); венг. -м: álom "сон" (ср. aludni "спать"), öröm "радость" (ср. örülmi "радоваться"), villám "молния" от villanni "сверкнуть" (Майтинская, Словообр., 54).

4. Суффикс -ка

В эрзянском диалектном ареале данный суффикс занимает заметное место. С его помощью от основ имен существительных, прилагательных и глаголов производятся главным образом имена с предметным и признаковым значением. От именных основ образованы следующие слова с указанием в них на принадлежность предмета или лица к определенной группе предметов или лиц, названных мотивирующим словом, по их общему признаку: пот'е "грудь" - пот'ака "ребенок, долго не оставляющий грудь", ава "женщина" - авака "самка (о животных)", ат'а "старик" - ат'а-ка "самец (о животных)", ат'ака чуфта (дуб.) "боровик", т'ет'а "отец" - т'ет'а-ка "похожий на отца", бод'а "старик" - бод'а-ка "старик, обладающий признаком старика, принадлежащий к мужчинам старшего поколения".

По отдельным говорам весьма продуктивны образования с данным суффиксом, обозначающие предметы с конкретным значением и характерные тем признаком, который выражен мотивирующей основой: йакс'т'ер'е "красный" - йакс'т'ер'ка (ко-нак) "свекла", р'изан'а "кисло-сладкий" - р'изан'ка (перм.) "щавель", мазы "красивый" - мазы-ка (каб.) "красавица", пиже "зелень, зеленый" - пижа-ка (дуб.) "синица", раужо "черный" - рауж-ка (моксл.) "грязнуля", киска "собака" - кискан'-ка (дуб.) "щавель" и др.

От основ глагола образованы имена с предметным и отыменным значением: пед'а "процедить" - пед'а-ка (взм.) "цедилка", кадо "оставить" - кадай-ка (н. пьян.) "невеста, покинутая женихом", тур'е "драться" - тур'а-ка "драчун", с'ез'е "рвать, уйти" - с'ез'а-ка "сорока", удо "спать" - удомка-ка "сон", нал'и "налить" - нал'о-ка (саб.) "половник", вас'ка "жить в довольстве" - вас'кам-ка (иван.) "жизнь в довольстве", чара "вертеть" - чарам-ка "вертушка", лаз'и "лазить" - лаз'и-ка (срс.) "калитка", максо "дать" - максан'-ка (сабн.) "невеста" и др.

В образованиях типа вас'камка, удомка скорее приходится говорить не о суффиксе -ка, а о контаминации двух суффиксов -ма и -ка: удом-ка от удомака, йарсамка от йарсамака и др.

В отдельных случаях обнаруживается междиалектный вариантный ряд, состоящий из образований с суффиксом -ка и без него. Ср., например: модар'а (многие эрз. говоры) - модар'

-ка (дюрк.) "картофель", ц'отмар (многие эрз. говоры) - ц'отмар-ка (ерем.) "било", тоц'ила (мокшл.) - тоц'елка (низ.) "точило", тул'ака - тул'эвкс "поросенок". Зарегистрирован вариантный ряд, возникший на основе двух разных суффиксов при одной и той же мотивирующей основе. Один из суффиксов в данном ряду -ка: чин'жара-мү (ст. турд.) - чин'жар-ка (низ.) "подсолнух"; удома - удом-ка "сон", ц'ана-в - ц'ана-ка (куч.) "ласточка", оз'аз (мокшл.) - оз'а-ка (бмр.) "воробей". В небольшой группе слов суффикс -ка не вычленяется: чавка "галка", укска "оса", варака (куч.) "ворона".

5. Суффиксы -к (о, у, â), -г (о, у, â), -к (е, и, ä), -г (и, е, ä)

Данный суффикс малопродуктивный, хотя довольно распространенный. Он участвует в образовании имен существительных как от именных, так и от глагольных основ. Возникшие посредством этого суффикса новообразования имеют различные предметные значения. Вот несколько примеров, зарегистрированных нами в различных эрзянских диалектах: кед'-ге 'посуда' от кед' "рука", нул-ко (фед.) "слизь на глазах", нул-го (б. игн.) "гной" от нола- "скользкий"; с'ел'ге "волокну" от сел' "тонкая ниточка", кир'гаш-кс-т (нап.) "бусы" от кир'га "горло", пачал-го "сковорода" от пачал "низ блина" и др. В некоторых новообразованиях производящие основы лишены способности употребляться вне связи с названным выше деривационным суффиксом. Отдельные образования происходят от устаревших или утраченных основ: с'ил'ге "бородавка", ср. с'ил'д'е "кочка", понго "пазуха", грудь', ср. пов "пуговица"; т'инге "крытый ток", ср. т'ен'с'т' "метла", вадуга "ястреб", ср. вадүв "т.ж."; шекшага (нап.) "дятел", ср. шекшата "т.ж.".

От глагольных основ данный суффикс образует немногие существительные с различными предметными значениями. Тип непродуктивный. Примеры: йутку "промежуток, щель, проход" от йута- "пройти", раш-ко "развилка, разветвление (строится для навеса)" от раш-та "родиться, размножиться", нач-ко "сырость" от нач-то "намочить", кос'-ке "сушь" от кос'-т'а- "сушить", чир'-ке "дуга" от чир'е- "наклониться", л'ет'ке "сыро, сырость" от л'ет'ке- "стать сырым".

Суффикс -к ..., -г ..., как и суффикс -ка, восходят к

одному из древнейших суффиксов финно-угорского языка — основы, образующему имена от глаголов и имен. По мнению ряда исследователей, этот суффикс продолжает прауральский суффикс отыменных существительных -kk¹. На почве эрзянских диалектов рефлекс данного суффикса отразился в различных значениях, главным образом в значениях конкретно-предметных, а также подобия чему-либо и отношения к чему-либо. Имеются многочисленные параллели в родственных языках, ср. венг. ajak 'губа, губы', ср. aj "отверстие"; fark "хвост", ср. far "зад"; mellék "окрестность", ср. mell "грудь" (Майтинская, Словообр., 46); коми -öŕ (-эг, -ог): с'ибд'ög "то, что может зацепиться за сеть", например, кq-ряга в воде", ср. с'ибдыны "зацепиться"; н'амл'эг "жевок кудели", ср. н'амл'авны "разжевать" (Жилина и Бараксанов, Присык., 79); мар. -ак: чарак "подпорка", ср. чараш; лодак "ножны", ср. лодаш "делать зарубок" (СМЯ, 81).

6. Суффикс -т (-т')

Этот суффикс обнаруживается лишь в отдельных производных с предметным значением: кош-т "воздух", ср. кожо-д-о-мс "просохнуть", куш-т-а-мс "заплесневеть"; пуш-т "толокно", ср. пуж- "вянуть"; т'ер'-т' "путы" — т'ер'-а-мс (ерем.) "опутать"; с'ир'-т' (сыр'-т') "ясень", ср. сыр'-е-ме-мс "разгореться", сыр'-ь-кс (др.) "т.ж."; пул-т "сноп" от пуло "хвост"; печ'-т' "ломоть", ср. печ'-ке-мс "отрезать"; с'ол-т (мокш.) — з'ол-т (ал.) "пруд, запруда", ср. с'ол-г-о-ма "закрыть"; поч-т "мука", ср. почо-д-о-мс "посылать". В некоторых словах данный суффикс осложняется с-овым элементом, чередующимся с ц. Ср. коцт "хвост, полотно" от кода- "ткать", кан'с'т' "конопля", ср. кан'с'оро "конопляное семя", канцт "ноша", ср. кандо- "нести".

Суффикс -т (-т'), по-видимому, восходит к финно-угорскому tt ~ tv, который оставил заметные следы в отгла-

¹ T. Lehtisalo, Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe (= MSFOu LXVII). Helsinki, 1933, стр. 367, 380-383; К.Е. Майтинская, Словообразование имен в старо- и средне-венгерском языке. Москва, 1965, стр. 44-48; Б.А. Серебряников, Историческая морфология мордовских языков. Москва, 1963, стр. 68; Основы финно-угорского языкознания (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва, 1974, стр. 341-342.

гольных и отыменных производных почти во всех финно-угорских языках.²

7. Суффикс -в (-г)

Имеется всего несколько существительных с данным суффиксом. Они в основном обозначают предметы, обладающие тем, что выражает производящая основа. Тип непродуктивный. Новых существительных этот суффикс не образует. Примеры: т'е-в "дело", ср. т'ей- "делать"; ц'ок-о-в "соловей", мокш. ц'оф-к-с (с. зап.), чофкс (др.) от ц'ок- "звукоподражание", "щелкать", шукш-тор-о-в (атр.) "смородина", ср. шукштор (атр.) "клен", н'емел'а-в "бабочка" от мен'ел' "небо", ново-о- (но-рог) "жаворонок", ср. нор-.

В некоторых словах производящая основа не этимологизируется: вацув "ястреб", ср. вадуга (нап.) "т.ж."; ц'анав (ал.) "ласточка", ср. с'анака "т.ж."

Суффикс -в отражает следы общемордовского суффикса -г. В диалектах мокшанского языка данному суффиксу может соответствовать у³, ср. акшу "ива, ветла" от акша "белый". Общемордовский суффикс -г имеет непосредственное генетическое отношение к финно-угорскому -г-овому суффиксу, рефлекс которого обнаруживаются и в других финно-угорских языках.⁴

8. Суффикс -кай (-гай)

В диалектах эрзянского языка данный суффикс используется весьма активно для образования имен существительных, обозначающих предметы по их признаку или по производимому им действию. Мотивирующей основой могут быть имя существи-

² J. G u ö r k e. Die Wortbildungslehre des Uralischen. Tartu, 1934, стр. 13, 18; И.С. Г а л к и н, Историческая грамматика марийского языка. Морфология, ч. II. Йошкар-Ола, 1966, стр. 21, 87; К.Е. М а й т и н с к а я, Словообразование имен в старо- и средне-венгерском языке, стр. 79-83; Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), стр. 225, 275.

³ С.З. Д е в а е в, Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка. - ОМД, т. II. Саранск, 1963, стр. 335.

⁴ Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), стр. 346.

тельное, прилагательное и глагол. Примеры многочисленны: пед'а-гай (дюрк., ал.) "репейник" - пед'а- "пристать"; йакс'т'ер'-кай (дюрк.) "свекла" - йакс'т'ер'е "красный", сэн'-гай (доб.) "подснежник" - сэн' "синий", навыл'-кай (кеч.) "улитка" - наволо "скользкий", морай "певун" - мора- "петь", р'иза-кай (пов.) "щавель" - р'изан'а "кисло-сладкий", л'ен'-гай "худой человек" - л'ен'ге "лыко"; лак-шыр'-кай (шуг.) "колокольчик" - лакшыр "производить шум"; пижел'-кай (нап.) "синица" - пижела "зеленоватый" и др.

Этот же суффикс обнаруживается в производных словах пат'-кай "сестра мужа" - пат'а сестра"; мат'-кай (матш.) "тёща", мат' "мать"; бат'-кай (матш.) "тесть" - бата; сыр'-кай (матш.) "старшая сестра матери" - сыр'е "старший, старый".

По своей структуре рассматриваемый суффикс является сложным. Он состоит из -ка и -й. Элемент -ка, по-видимому, следует возводить к финно-угорскому -кк -овому суффиксу (ОФУЯ, стр. 341-342), а элемент -й, возможно, отражает рефлекс финно-угорского *j. Он может быть сопоставлен с фин. -j в составе дифтонгов: enoj (eno) "дядя с материнской стороны", ср. enā "большой"; саам. -j: jeana j "дядя с материнской стороны", ср. фин. eno "т.ж."; удм. -j: но-ной "мамочка", ср. ноно "т.ж." (ОФУЯ, 338).

9. Суффикс -буе (-бие)

Данный суффикс встречается лишь в отдельных говорах и сочетается с личными именами и фамилиями, придавая им значение совокупного единства, принадлежности группы лиц данному единству. Производящей основой при этом служит форма генетива основного склонения. Например: охр'иман'-буен' "из рода (семьи) Ефрема", мит'ан'-буен' "из рода (семьи) Дмитрия", настан'-буен' (сабн.) "из семьи, главой которой является Анастасия" и т.д.

Во многих других говорах этому суффиксу соответствует суффикс -инка, который указывает на принадлежность лица к определенной группе лиц по их общему признаку. Производящей основой при этом выступает форма номинатива основного склонения. Примеры: пот'акин'кан' "из рода (семьи) Потякиных", йаков-ын'кан' (шуг.) "из рода Яковых" и т.д.

Любопытным является тот факт, что суффикс -буе (-бие) обнаруживается и в качестве топоформанта в некоторых неофи-

циальных мордовских названиях населенных пунктов, расположенных на территории Мордовской АССР (Атяшевский и Ардатовский районы): Тарпосово (морд. Таразбу́йе), Старое Ардатово (морд. Ташто Орданбу́йе), Аржадеево (морд. Оржан'бийо) и др.

Суффикс -буе (-бие) восходит к самостоятельному слову пи́йо, которое встречается лишь в отдельных эрзянских говорах в виде лексического архаизма и обозначает "сын, мальчик", ср.: фин. poika "мальчик", "сын, детеныш" (ФРС, 367), коми пи "сын, мальчик" (КЕСКЯ, 221).

Ю. С у ф ф и к с -ар

Суффикс ограниченной и узкой сферы употребления, непродуктивный. Имеется всего несколько существительных с данным суффиксом. Они обозначают предметы, характеризующиеся тем признаком, который выражен в основе: ламбамо "сладкий" - ламбар' (с. зап.) "глупец"; нолго "слизь" - нолгар' (ал. "сопляк", чувто "дерево" - чувтар' (-ка) (арж.) "человек, не имеющий детей", тупар' (нар.) - "тупой" (от тупой "тупой"), лавгар' (алк.) "болтун".

II. С у ф ф и к с -ган

В диалектах эрзянского языка зафиксировано несколько образований с этим суффиксом, имеющим предметное значение с оттенком результата действия: т'ур'-ган (мокл.), т'ур'и-ган (н. пьян.) "драчун" от т'ур'е- "драться", с'ез'-ган (нап.) "сорока" от с'ез'е- "внезапно оторваться, уйти". Кроме этих образований, данный суффикс обнаруживается в составе слов, в которых мотивирующая основа этимологически непрозрачна: кар'ц'иган "ястреб", безган, безгун "стриж".

Происхождение суффикса -ган недостаточно ясно. Возможно, он проник из тюркских языков и имеет генетическую связь с тюркским -ган. По значению имена существительные, образованные посредством данного суффикса, в каждом из тюркских языков различны.⁵ Так, например, в азербайджанском языке суффикс -ган, являясь малопродуктивным, образует от основ глаголов имена существительные, обозначающие людей, животных или местность по их отношению к действию, выраженному производящей основой: чалагъан "коршун", суьрувшгъан "скользящее место".

⁵ См. G. J. Ramstedt, Einführung in die altaische Sprachwissenschaft II. Formenlehre (= MSFOu 104: 2). Helsinki, стр. 144, 221-222.

12. Суффикс -онка

В говорах эрзянского языка пока найдены два новообразования, произведенные с помощью суффикса -онка: д'апшонка (мокшл.) "картофельное пюре" (от лапша "мять, разминать, раздувать"), лапшонка (мокшл.) "лапшевник, приготовленный из крахмала". По-видимому, этот суффикс имеет непосредственное отношение к соответствующему русскому суффиксу.

13. Суффикс -с'е (-се)

Этот суффикс нами обнаружен только в пяти именах существительных: д'ембе-с'е (матш.) "обладающий теплотой, теплым" - д'ембе "теплый", пешк'е-се (во многих говорах) "беременная" - пешк'е "полный", кел'ме-с'е (ерем.) "обладающий холодом, холод" - кел'ме "холодный", пачалк-с'е (мокшл.) "блин" - пачалго "сковородка".

По-видимому, суффикс -с'е (-се) имеет непосредственную связь с суффиксом, образующим от наречных основ имена прилагательные: икел'-с'е 'передний' от икел'е "вперед", удал-с'е (удал-ц'е) "задний" от удало "зад" и др.

По происхождению суффикс -с'е (-се) является весьма древним. Его истоки уходят в финно-угорскую языковую общность. Его соответствия встречаются в ряде родственных языков, ср., например: мар. -се (-со, -сö): ола-с'е "городской" от ола "город", корны-со "дорожный" от корно "дорога" (Галкин, Ист., II, 52-53), венг. al ~ alsó: alsó "нижний" от al "нижняя часть", délso "южный" от dél "юг", előlső "передний" от elől "вперед" (Майтинская, Словообр., 92).

14. Суффикс -чи

Присоединяясь преимущественно к прилагательным (редко к существительным), он образует отыменные существительные со значением качества. Обнаруживается во всем эрзянском диалектном ареале: йорок-чи (пым.) "ловкость" - йорок "умелый", ц'олак-чи (гуз.) "неумение" - ц'олак "неумелый", ну-

з'акс-чи "лень" - нуз'акс "ленивый", коз'а-чи (шуг.) "богатство" - коз'а "богатый", пары-чи (шуг.) "богатство" - паро "хороший", чумбра-чи (мохил.) "здоровье" - чумбра "здоровый", ин'е-чи (во многих диалектах) "пасха" - ин'е "большой, великий".

Суффикс -чи восходит в самостоятельному слову чи "день, солнце".

15. Суффикс -пел'

Данный суффикс характерен для всего эрзянского диалектного ареала и образует имена существительные со значением объекта или предмета какого-либо действия от глагольных имен на -мо (-му, -ма). Тип продуктивный. Встречается во многих говорах и диалектах: уштума-пел' (черм.) "топливо" - уштума "топка", йарцамо-пел' (гуз.) "еда, пища" - йарцамо "кушанье", човур'амо-пел' (б. ягн.) "мешанина" - човур'амо "месить", лазнума-пел' (срс.) "орудие для колки", лазнума "колоть", с'улмамо-пел' (кельвяд.) "головной убор" - с'улмамо "связать" и др.

16. Суффикс -шка

Этот суффикс выделяется лишь в единичных существительных в отдельных говорах, территориально расположенных в разных точках эрзянского диалектного ареала. Ср. варша-шка "ветряная мельница" от варма "ветер", пел'умишка "долото" от пел'емс "сверлить".

Происхождение суффикса неясное. Возможно, он связан с словоизменительным (флективным) суффиксом -шка.

17. Суффикс -мга

Указанный суффикс является сложным. Он состоит из -м + га. М-овый элемент представляет собой суффикс имен действия, от которых посредством суффикса -га образуются имена существительные, имеющие значение "за (что-то), вместо (чего-то)": йахамга "за помол", ускум-га "за подвоз", морам-га "за пение", т'ейем-га "за деление" и др. Подобные образования весьма продуктивны в отдельных эрзянских говорах ниже-

пьянского диалекта⁶ и северо-западных говорах (Горьковская обл.)⁷.

18. Суффиксы субъективной
оценки -н'е (-н'я, -не), -ке (-кя),
-ге (-гя), -н'ге

Формы субъективной оценки имен существительных в эрзянском диалектном ареале отличаются той особенностью, что суффиксальным способом образуются слова, обозначающие малый размер или малую долю из большого множества однородных предметов, т.е. возникают лишь формы с уменьшительно-ласкательным или, реже, уменьшительно-уничижительным значением, а увеличительные и другие значения передаются синтаксическим способом.

Для имени существительного наиболее продуктивными суффиксами субъективной оценки являются -н'е (-н'я, -не), -ке (-кя), -ге (-гя), -н'ге.

Перечисленные суффиксы по значению идентичны, являются алломорфами. Их употребление обусловлено фонетическими условиями конечного гласного производящей основы: куды-н'е (куды-н'я) 'домик' - кудо 'дом', сур'и-н'е (сур'и-н'я) 'ниточка' - сур'е 'нитка', вал-не 'словечко' - вал 'слово', мекш-ке 'пчелка' - мекш 'пчела'. В некоторых говорах, в частности, в северо-западных (Горьковская обл.) алломорфа -ке, как и в литературном языке и во многих эрзянских говорах, выступает после глухих согласных, а алломорфа -ге после звонких (в других говорах в данном положении выступает алломорфа -н'е (-не), например: мекш-ке 'пчелка', пулт-ке 'снопик', ваз-ге (с. зап.), ваз-не (куз.) 'теленочек', мед'-ге (с. зап.), мед'-н'е (мошл.) 'медок'.

В отдельных северо-западных говорах⁸ алломорфа имеет очень широкое распространение, встречается после согласных,

⁶ Д.Т. Н а д ь к и н, Морфология нижнепьянского диалекта эрзя-мордовского языка. - ОМД, т. У. Саранск, 1968, стр. 34.

⁷ Г.И. Е р м у ш к и н, Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка. - ВМЯ. Труды Морд. НИИ. Вып. XXX. Саранск, 1967, стр. 123.

⁸ Там же.

кроме глухих парных, например: панар-ге (с. зап.), панар-не (коз.) "рубашечка", лаз-ге (с. зап.), лаз-не (мокл.) "дошечка", пой-ге (с. зап.), пей-н'а (шуг.) "зубок", вир'-ге (с. зап.), вир'-н'а (коб.) "лесок" и др.

В группе говоров, относимых к северо-западному диалектному ареалу (Горьковская обл.)⁹, в качестве суффикса субъективной оценки после любой основы употребляется -н'ге¹⁰, состоящий из двух суффиксов: -н'е и -ге: пил'е "ухо" - пил'-и-н'ге "ушко", пр'а "голова" - пр'и-нге "головка", вед' "вода" - вед'инге "водичка".

Сложный суффикс -н'ге, образуя продуктивный тип, обнаруживается и в некоторых мокшанских диалектах, в частности, он весьма активен в дракинском диалекте.¹¹ Ср. чуфта "дерев" - чуфтин'ге "деревце", куд "дом" - кудь-н'ге "домик", ц'ора "парень" - ц'орь-н'ге "паренек".

Суффиксы субъективной оценки в ряде случаев являются словообразовательными: кардын'е (ерм.) "хлев" от кардо "двор", пр'екин'а (шуг.): "пельмень" от пр'ака "пирог", д'евкске (атр.) "ягненок" от д'евкс "детеныш", ц'орынге "мальчик" от ц'ора "парень", пил'ген'ет' (буз.) "треноги" от пил'ге "нога".

В некоторых существительных производная основа вообще не этимологизируется: вигин'е (шуг.) "часть ткацкого станка", ц'окая'е (ерем.) "кочедык", парнее (куч.) "жеребенок" и др.

В отдельных говорах отмечены случаи, где существительное с суффиксом субъективной оценки имеет то же значение, что и образования без него, т.е. суффикс не вносит никаких изменений в имеющееся значение: каз'е - каз'н'е "подарок", ваз - ваз-не "теленек".

Суффикс -н'е (-н'а, -н'е) относится к группе именных суффиксов, восходящих к финно-угорскому языку-основе. Он является продолжателем финно-угорского именного суффикса п, который в современных родственных языках используется в разных значениях, в том числе в уменьшительно-ласкательном.

⁹ Г.И. Е р м у ш к и н, Имя существительное и глагол в северо-западных говорах эрзя-мордовского языка, стр. 123-124.

¹⁰ Там же.

¹¹ А.В. Я к у ш к и н, Дракинский диалект эрзя-мордовского языка в пределах Мордовской АССР. - ОМД, т. 3. Саранск, 1963, стр. 233.

В марийском языке этот суффикс восстанавливается в единичных словах, например, лепн'е "бабочка" (Галкин, Ист., П, 16), в финском языке эрзянскому -н'е соответствует -на, -nä: räñkinä "орешек, лесной орех" (Хакулинен, I., II4-II5). Параллели имеются также в пермских¹², мансийском и венгерском языках¹³.

Суффикс -ке (-ге) по происхождению также является финно-угорским. Он отражает следы финно-угорского уменьшительного суффикса. Т. Лехтисало возводит его к прауральскому суффиксу уменьшительных прилагательных -kk¹⁴. Его соответствия встречаются в дальнеродственных языках, вплоть до венгерского.¹⁵

С о к р а щ е н и я

Галкин, Ист., П. = И.С. Г а л к и н, Историческая грамматика марийского языка, ч. П. Йошкар-Ола, 1967; ГФЯ = Грамматика финского языка. Фонетика, морфология. Москва-Ленинград, 1958; Жилина и Бараксанов = Т.И. Ж и л и н а., Г.Г. Б а р а к с а н о в, Присытывкарский диалект и коми литературный язык. Москва, 1971; КЭСЯ = В.И. Л ы т к и н, Е.И. Г у л я е в, Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970; М а й т и н с к а я, Словообр. = К.Е. М а й т и н с к а я, Словообразование имен в старо- и средне-венгерском языке. Москва, 1965; ОФУЯ = Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва, 1974; Ромбандеева, Манс. = Е.И. Р о м б а н д е е в а, Мансийский (вогульский) язык. Москва, 1973; Серебrenников, Ист. перм. = Б.А. С е р е б р е н н и к о в, Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963; СКЯ = Современный коми язык. Учебник для высших учебных заведе-

¹² Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), стр. 346.

¹³ Там же, стр. 346; Б.А. С е р е б р е н н и к о в, Историческая морфология пермских языков. М., 1963, стр. 142.

¹⁴ T. L e h t i s a l o, Über die primären ururalischen Ableitungssuffixe, стр. 359.

¹⁵ Там же, стр. 359, 370,

ний. Сыктывкар, 1955; ФРС = Финско-русский словарь. Москва, 1965; Хакулинен, I = Л. Х а к у л и н е н, Развитие и структура Финского языка. Фонетика и морфология, ч. I. Москва, 1953.

ал. = говор села Алово Дубенского района Морд. АССР; ард. = говор села Ардатово Ардатовского района Морд. АССР; арш. = говор села Аряш Камышинского района Пенз. обл.; атр. = говор села Атрать Алатырского района Чув. АССР; б. иги. = Большеигнатовский диалект эрзя-мордовского языка Морд. АССР; б. мр. = говор села Большое Марсеево Чамзинского р-на Морд. АССР; варм. = говор села Вармазейка Атяшевского района Морд. АССР; дуб. = говор села Дубенки Дубенского района Морд. АССР; дюрк. = говор села Дюрки Атяшевского района Морд. АССР; ерем. = говор села Еремкино Ставропольского района Куйб. обл.; жаб. = говор села Жабино Ардатовского района Морд. АССР; кельвяд. = говор села Кельвядни Ардатовского района Морд. АССР; коб. = говор села Кобаево Дубенского района Морд. АССР; коз. = говор села Козловки Атяшевского района Морд. АССР; куз. = говор села Кузайкино Альметьевского района Тат. АССР; куч. = говор села Кученяево Ардатовского района Морд. АССР; лоб. = говор села Лобаски Атяшевского района Морд. АССР; матш. = говор села Матюшкино Ставропольского района Куйб. обл.; мокшл. = говор села Мокшалай Чамзинского района Морд. АССР; найм. = говор села Найманы Большеберезниковского района Морд. АССР; наск. = говоры на-скафтымской мордвы (Пенз. обл.); низ. = говор села Низовка Ардатовского района Морд. АССР; н. пьян. = нижепьянский диалект эрзя-мордовского языка (Горьк. обл.); отр. = говор села Отрадное Чамзинского района Морд. АССР; перм. = говор села Пермиси Большеберезниковского района Морд. АССР; пил. = говор села Пилесево Атяшевского района Морд. АССР; пов. = поводимовский диалект эрзя-мордовского языка (Морд. АССР); саб. = говор села Сабаево Кочкуровского района Морд. АССР; сабн. = говор села Сабанчеево Атяшевского района Морд. АССР; с. зап. = северо-западные говоры эрзя-мордовского языка (Горьк. обл.); сим. = говор села Симкино Большеберезниковского района Морд. АССР; срс. = говор села Сыреси Поречного района Чув. АССР; ст. турд. = старотурдаков-

ский диалект эрзя-мордовского языка (Морд. АССР); тар. = говор села Тарасово Атяшевского района Морд. АССР; фёд. = фёдоровский диалект эрзя-мордовского языка (Башк. АССР); черм. = говор села Черемшан Черемшанского района Тат. АССР.

D. V. C y g a n k i n
(Saransk)

DIE SUFFIXWORTBILDUNG DES SUBSTANTIVES
IN DEN DIALEKTEN DER ERSÄNISCHEN SPRACHE

Z u s a m m e n f a s s u n g

Im Artikel werden die Eigenarten der Suffixwortbildung des Substantives in den ersänischen Dialekten analysiert. Es werden solche Suffixe wie: -ks, -kš, -vks (-fks), -ma (-mé, -mo, -mu), -ka (-ko, -ku), -ke (-ki, -kč), -go (-gu, -ga), -ge (-gi, -gč), -t (-t'), -v (-y), -ina (-rina), -an (-gan), -kaj (-gaj), -buj (-bije), -ar, -onka, -še (-se), -tši, -pel', -ška, -mga, -ne (-nč), -ke (-kč), -ge (-gč), -nge ausgezeichnet. Der Autor teilt die angeführten Suffixe in zwei Typen: 1) produktive und 2) unproduktive. Die Natur der gegebenen Suffixe wird im historischen Plan beschrieben mit der Heranziehung der möglichen Entsprechungen aus vielen verwandten Sprachen.

M. V e i n b e r g a
(Tartu)

SOMAAATILISED FRASEOLOGISMID JA NENDE
VABASÕNALISED VASTED EESTI JA LÄTI KEELES

Käesolevas artiklis vaadeldakse somaatilisi fraseologisme, mis esinevad vabade sõnaühendite vastetena. Nii näiteks käsi laiutama võib esineda 1) vaba sõnaühendina, mis kirjeldab vastavat žesti, liigutust, ja 2) fraseologismina tähendusega 'võimaluste puudumist, võimetust tõendada':

"...ega mõista enam muud teha, kui käsi laiutada ja mainitud hädakisa ajakirjanduse kaudu maailma saata."

(O. Luts, Teosed. - Fõljetonid. Tallinn, 1957, lk. 26)

Vastav fraseologismide rühm on seni üleliiduliselt vähe uuritud. Ajakirja "Вопросы языкознания" kaudu on teada vaid L. Roizenzoni ja I. Abrametsi artikkel, kus esmakordselt laiemalt käsitletakse vene keele mainitud laadi fraseologisme.¹ Autorid jagavad need kolme rühma: fraseologismid, mis väljendavad 1) žeste ja miimikat, 2) rituaalseid toiminguid, 3) sümboolseid toiminguid.² Somaatilise fraseoloogia seisukohalt tuleb kõne alla just esimene rühm. Fraseoloogia kõrvutatavas analüüsis on see ka eriti tähtis: kuna nendele fraseologismidele vastavad vabad sõnaühendid, on teoreetiliselt mõeldav just siit leida kõige rohkem fraseoloogilisi vasteid kahes keeles.

Materjali esitamisel lähtutakse eesti keelest. Fraseologismid on rühmitatud tähestikuliselt somaatilise sõna järgi.

¹ Л. И. Р о й з е н з о н , И. В. А б р а м е ц , Совмещенная омонимия в сфере фразеологии. - Вопросы языкознания, 1969, № 2.

² Sealsamas, lk. 54.

H A M M A S

hambaid kiristama 'äärmise raevu või vihaseisundis viibima, jõuetut viha väljendama' ³

Senikaua kuni tööliste võim tugev oli, kiristasid nad /vanad võimumehed/ nurga taga hambaid, lähenev suur-tükimürin tegi neid aga julgeks,... (P. Kuusberg, Üks õõ. Tallinn, 1972, lk. 37)

griezt zobus

hambaid kokku suruma ~ pigistama 'ennast taltsutama, valule, vihale jms. vastu pidama'

Töörahal ei jäänud muud üle kui hambad kokku pigistada.⁴

sakost zobus

hambaid näitama 'avalikult vaenulik olema; ähvardama, vastu hakkama' ⁵

I s a . Mis sa varsti hambaid näitad? Meie tulime tütrega sind kuulama, et meie üh/t/e nõusse heidaksime. (P. Mannteuffel, Teosed. Tallinn, 1967, lk. 17)

Meus... Meus oli juba mullu sügisest mulla all! Jaa - marraskuu algul,... oli jälle kord taud käinud Tallinnale hambaid näitamas... (J. Kross, Kolme katku vahel. II. Tallinn, 1972, lk. 79)

zobus rādīt

H U U L

(endale) huulde /huule/ hammustama, huuli hammustama 'end vaikima sundima; end taltsutama, oma tundeid vms. mitte välja paista laskma' ⁶

³ F. V a k k , Suured ninad murdsid päid... (Pea ja selle osad rahvalike ütluste peeglis). Tallinn, 1970, lk.9.

⁴ Sealsamas, lk. 175.

⁵ Sealsamas, lk. 174.

⁶ Sealsamas.

"On alles muret siin pudipoes!" / terkab bussijuht
uhkelt ja napilt. / Vastus tahab vist tulla väga pikk, /
kuid konduktor hammustab huuli...?

iekost mēlē

J A L G

jalga taha panema 'nimme takistama, halba tegema'

Ei meeldi, kui inimene püüdleb kuhugi teisi arvesta-
mata või kaaslastele koguni jalga taha pannes. (Noorus
1972, nr. 5, lk. 642)

(aiz)likt ~ palikt kāju priekšā

jalge alla trampīma ~ tallama 'füüsiliselt või moraalset
hävītama; alandama'

Lõppude lõpuks võivad tema pingutused tühja joosta.
Ebameeldiva pöörde puhul trambitakse ta jalge alla.
(P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 150)

(ar) kājām (sa)mīt ~ (sa)mīdīt ~ sabradāt

jalule aitama 'raskusi ületada laskma'

Jannus arvas, et rakendatus aitaks Dagmari lõplikult
jalule, töö ja kohustused ei laseks tal kogu aeg Bennost
mõelda. (P. Kuusberg, Üks õõ. Tallinn, lk. 192)

Lätikeelne vaste otseselt puudub, ehkki "jalule saa-
mise", "jalul püsimise" jms. motiiv on üsna rikkalik ka lä-
ti fraseoloogias.

jalule tōusma 'materiaalselt kindlustatud saama'

jalul seisma 'materiaalselt kindlustatud olema'

"Harva saab sealt /laenukassast/ keegi abi, et jalule
tōusta, küll aga aidatakse paljusid jalul seista."
(O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 285)

Lätikeelseid tikt uz kājām, būt uz kājām kasutatakse
tavaliselt vaid fraseologismidena.

⁷F. V a k k, op. cit., lk. 242.

saba jalgade vahele tõmbama - vt. S A B A .

J U U S

juukseid katkuma 'meeleheidet väljendama'

Seda /hädasõnu/ kuulates muutusid isandad vihast ja hirmust meeletuks. Nad ei teadnud, mida teha, ja katkusid oma juukseid.⁸

Näide ei ole küll kõige tüüpilisem, kuid mitmuslik subjekt vist lubab seda tõesti arvata fraseologismide hulka.

plēst matus

K E E L

keelt näitama 'põlglikult suhtuma, halvakspanu väljendama, narritama vms.'⁹

Kui Teiste-Ats minule näitab keelt, / Siis pühib ta ise minema säält! / Ta seda teeb targasti, tunnistan ma, / sest nalja ei mõistaks ma temaga...¹⁰

See F. Vaka toodud näide paistab siiski olevat vaba sõnaühend: poisid tõesti narritades näitab keelt, kuid teises kontekstis võiks ta esineda fraseologismina.

rädit mēli

K U K A L

kukalt kratsima ~ sügama 'nõutu, kimbatuses, hämmeldunud olema'¹¹

...sõda tõstnud varumismõrvid väga kõrgeks, endale polevat õieti enam jätkunudki, kuidas uue lõikuseni ots otsaga välja tulla, selle üle kratsivad kukalt niihästi brigadir kui ka esimees. (P. Kuusberg, Uks õõ. Tallinn, 1972, lk. 214)

⁸ F. V a k k , op. cit., lk. 229.

⁹ Sealsamas, lk. 199.

¹⁰ Sealsamas.

¹¹ Sealsamas, lk. 258.

Mõned kuud hiljem aga sügasid tallimehed kukalt: tiirud olid /hobustel/ juba peaaegu täielikult kadunud.¹²

(pa)kasit pakausi

K U L M

kulmu ~ kulme kortsutama ~ kortsu tõmbama 'pahameelt väljendama; pahaseks, vihaseks saama' ¹³

Jaanus ... ei hüüdnud Tarapiitat kordagi nime pärast ja tõmbas kulmu kortsu, kui teised teda nimetasid.¹⁴

(sa)räukt uzacis ~ pieri

K Ö R V

kõrvu kikitama ~ kikki ajama (kikkis hoidma), kõravad kikkis /kuulama/ 'teraselt, tähelepanelikult kuulama või kuulatama jääma' ¹⁵

"Noh, nüüd ajasin mustri segi. Teid oma jutuga! Lapsed, mis teie siin kõrvu kikitate? Minge teise tuppa." (Edasi 1971, nr. 56, lk. 12)

Vahepeal on ka pesuloputaja kõravad kikki ajanud ja enne veel kui habemik saab vastata, kostab juba pumba juurest:

"Siin, siin, noorhärä." (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 117)

...ta... kõravad kikkis hoiab, et teise jutust ainustki sõna kaotsi ei läheks. (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 203).

Ka kodanlik valitsus ja tema agendid olnud jalul, kuulates kõravad kikkis, mis maal sünnib.¹⁶

(sa)spicēt ausis

¹² F. V a k k , op. cit., lk. 258.

¹³ Sealsamas, lk. 250.

¹⁴ Sealsamas.

¹⁵ Sealsamas, lk. 135.

¹⁶ Sealsamas.

kõrvu lonti laskma 'lõõdud meeleollu sattuma, tujul lange-
da laskma' ¹⁷

"Mina aga ütlen," arvas isa, "et just sealt /uudis-
maalt/ tulevad õiged mähed välja. Mõni ehk laseb alguses
kõrvad lonti, aga see läheb mõõda."¹⁸

Milenbahsi ja Endzelinsi sõnaraamatus märgitud (ja
F. Vaka poolt näitena väljatoodud) nokart, nolaist ausis ¹⁹
pole tänapäeva läti keeles enam nii tüüpiline.

kõrvad on lontis 'keegi on lõõdud, masendatud' ²⁰

"Nüüd on teil jah kõrvad lontis! Otsite süüdlast. Aga
ise ükski mängida ei oska!"²¹

K I S I

käega (käpaga) lööma ~ heitma (viskama) 'millestki loobuma;
mitte hoolima, ükskõikne olema, ükskõiksust väljendama'

a) fraseologism öeldise funktsioonis ilma laiendita:

Ehk... käidi ja kuulati üle, kus on Adam Pärtel...
Nähti ära, et punane pootsman /A. Pärtel/ on lendu läinud
/kadunud, põgenenud/, ja lõõdi käega. Sakslased võib-olla
lõõksidki käega, aga oma vihamehed! (P. Kuusberg, Üks öö.
Tallinn, 1972, lk. 198)

... kuni ühel hetkel kõik, millest pidin kirjutama,
hakkas minus nagu iseenesest helendama ja tuikama. ---
Nüüd pole ma enam õige ammu tundnud sellist kirkastumist.
Nüüd imbub minusse kõik nii tasakesi, närvesöövalt aegla-
selt, et ma lõõn enne käega, kui mõtt täis saab. (J. Tuulik,
Vana loss. Abruka lood. Tallinn, 1972, lk. 62)

¹⁷ F. V a k k , op. cit., lk. 141.

¹⁸ Sealsamas.

¹⁹ K. M ģ l e n b a c h s , Latviešu valodas vārduca.
Rediģējis, papildinājis un turpinājis J. Endzelīns. I-IV.
Rīga, 1923-1932. I, lk. 228.

²⁰ F. V a k k , op. cit., lk. 141.

²¹ Sealsamas.

Ma ei tea, kuidas suhtuvad minusse Roberti õed. Naeravad nad mind, põlgavad või vihkavad. Või lõõvad lihtsalt käega. Tõenäoliselt ei eksisteeri mind enam nende jaoks. (P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 28)

Auto jätsime rappa. Magnus tahtis mootori töökölbma-tuks munta, ... Juhanson lõi käega. Nüüd, kus tohtud varandused ... on vaenlase kätte jäänud, on lapsik ühe vana "Fordi"-loguga jännata. (P. Kuusberg, Üks õõ. Tallinn, 1972, lk. 9)

b) fraseologism öeldisena sihitismääruse laiendiga:

...lõid käega organiseeritud töölisliikumisele, ... (P. Kuusberg, Üks õõ. Tallinn, 1972, lk. 28)

Mõnigi kord oma tervisele vapralt käega lõõnud, kuulab naine arsti soovituselise noomitust: ... (Edasi 08.03.72., nr. 57, lk. 14)

Ta lõi kõigile käega ja ütles: ... (A. Valton, Luikede soo. Karussell. Tallinn, 1968, lk. 152)

Ainult kaks õpilast teevad õpetaja kasemaale muret. Nende tarvis pole ta leidnud veel õiget lähenemisnurka, ... Kuid ta pole neile ka käega lõõnud. (Edasi 19.01.72., nr. 15, lk. 25-6)

c) fraseologism sihitisena teise, tavaliselt võima-verbi juures:

Lõppude lõpuks võib ta käega lüüa ja hoopis kõrvale tõmbuda. Roland oli oma nukratel hetkedel mõelnud isegi teaduse mahajätmisest .. (P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 147)

atmest (mest) ar roku

käsi ~ kaht(e) kätt kokku lõõma 'üllatust, imestust väljendama'

".. Roosalinde peigmees, tuleb sõjast tagasi ja lõõb kahte kätt kokku - pruut ära." (O. Luts, Kevade. Tallinn, 1970, lk. 263)

"Pärast, mõne aja pärast, lõõb ta muidugi kahte kätt kokku ja küsib eneselt: "Armas aeg, kuda see ometi tuli,

et see asi nii kaugele läks?" (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 198)

sasist ~ sapemt rokas

käsi laiutama ~ laotama 'võimaluste puudumist, võimetust tõendama'

"Üits vanainemine tõi kah raha siia, aga pärast, kui välla võtma tulli, es oleki midagi võtta, papre olliva kadunuva, kiäki es tiia midagi, sideplika laiut kässi." (M. Traat, Kohvioad. "Loomingu" Raamatukogu 1974, nr. 8, lk. 35)

"Pagan, kui võtaks õige kätte ja pistaks kõik poisid kodu, laiutagu siis kõster käsi." (O. Luts, Kevade. Tallinn, 1970, lk. 296)

.. ega mõista enam muud teha kui käsi laiutada ja mainitud hädakisa ajakirjanduse kaudu maailma saata. (O. Luts, Teosed. - Fõljetonid. Tallinn, 1957, lk. 26)

(no)plätit rokas

käsi rüppe panema ~ laskma 'mitte midagi tegema, passiivselt millegi peale lootma'

Uue ootel ei lasta käsi rüppe. (Edasi 18.03.72., nr. 65, lk. 1)

"Heakene küll," arvab Toots, paberossi põlema pannes, "aga see võlakoozem ei jää sugugi kergemaks, kui sa käed rüppe paned ja hädatsed." (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 256)

Mis partei üksinda suudaks, kui rahvas käed rüppe laseks. (P. Kuusberg, Üks öö. Tallinn, 1972, lk. 135)

salikt (sapemt) rokas klēpi

käsi rüpes (süles) hoidma (käed rüpes istuma) 'mitte midagi tegema, passiivselt millegi peale lootma'

Ei, nõukogude võim ei tohtinud käsi rüpes hoida, kui klassivaenlased nurga tagant ausaid töötajaid varitsesid. (P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 21)

Pole siin /Käärikul/ aega puhkajalgi käed rüpes istu-

da, sportlastest rääkimata. (Edasi 18.03.72., nr. 65, lk. 4₃)

turēt rokas klēpī

kāsi vabaks saama 'ennast vabaks tegema, millestki lahti saama'

Siit /suvila remondist/ on tarvis käed vabaks saada,... (P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 64)

atbrīvot rokas

kātest ja jalgadest siduma 'kellegi tegutsemist piirama, kedagi tegutsemisvõimetuks tegema'

Niikaua kui teda kātest ja jalgadest seotakse,... siis ei parane midagi. (P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 147)

sasiet (saistīt) rokas (un kājas) ~ sasiet pie rokām un kājām

N I N A

pikka nina näitama ~ tegema 'kedagi narritama, petma, alt vedama' ²²

"Nāitas ... / Mammonale pikka nina!"²³

"Aga see /põgenemispiaan/ ei lähe ju mitte..." - "Läheb. Teeme teie tädile veidikese pikka nina."²⁴

(pa)rādīt garu degunu

N Ā G U

nāku vaatama 'antud asjast või olukorrast endale julgelt ja täpselt aru andma'

²² F. Vakk, op. cit., lk. 157.

²³ Sealsamas.

²⁴ Sealsamas.

Ärgem tehkem endale illusioone, vaadake faktidele näkk. (P. Kuusberg, Üks öö. Tallinn, 1972, lk. 9)

Lätikeelse fraseologismi kohta puuduvad andmed.

N Ä P P

näpuga näitama 'süüdistama'

Hermine Käärrik veeretab kogu süü teistele:... Teiste alaealiste vanemad näitavad näpuga Käärriku peale, ... (Edasi 13.10.71., nr. 241, lk. 2₄)

rädit ar pirkstu (pirkstiem) esineb eeskätt tähenduses 'häbistama, välja naerma'.

O T S A E S I N E

otsaesist kipra tõmbama ~ kortsutama ²⁵

(sa)raukt pieri ~ uzacis

P E A

pead longu ~ norgu laskma 'enesekindlust kaotama, kurbusele, meeleheitele jms. alla andma'

"Mine koju, õpi oma ülesandeid ja ära lase pead longu." (O. Luts, Kevade. Tallinn, 1970, lk. 90)

"... ärimees ei tohi kunagi pead longu lasta ... " (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 264)

nokārt galvu esineb eeskätt fraseologismina, nodurt (no-laist) galvu - vastupidi.

pea on norus 'keegi on enesekindluse kaotanud, kurb, õnnetu jms.'

"Miks on su pää nõnda norus?"²⁶

(Vt. lätikeelseid vasteid eelmise fraseologismi juures.)

²⁵ Vt. K U L M .

²⁶ F. V a k k , op. cit., lk. 46.

pead silitama ~ paitama 'kellegagi hästi ümber käima' (ta-
valiselt eitavalt)

Tallinna jäämisel põleks praegu tõenäoliselt tema
pead silitatud, nagu räägib Jannus. (P. Kuusberg, Üks öö.
Tallinn, 1972, lk. 99)

Major Kuslap (kitsilt): Pead seal /koonduslaagris/
arusaadavalt ei paitatud.²⁷

glaudit galvu

pead tõstma '(taas) elustuma, esile kerkima, (uuesti) en-
dast märku andma hakkama' ²⁸

Ja rõhutatud viletsus tõstab pöörd! ²⁹

Viimasel ajal oli pead tõstnud uus vägev marurahvuslu-
se laine...³⁰

(iz)slit galvu

pead vangutama 'oma mitterahulolu, teisipidi mõtlemist
väljendama'

Kumbki neist polnud kiirustanud perekonnaseisuaktide
büroosse minekuga. Dagmar ei hoolinud ei oma vanemaist, kes
niisuguse asja üle pead vangutasid,... (P. Kuusberg, Üks
öö. Tallinn, 1972, lk. 97)

grozit galvu

S A B A

saba jalgade vahele tõmbama 'araks muutuma, häbistada saa-
ma' ³¹

nolaist (ieraut) asti

saba peale astuma 'kellegagi temale ebameeldivalt talita-
ma'

²⁷ F. V a k k , op. cit., lk. 49.

²⁸ Sealsamas, lk. 50.

²⁹ Sealsamas.

³⁰ Sealsamas.

³¹ Sealsamas, lk. 13.

"Nojah, et kui sulle elus keegi korra saba peale astub, siis peab sellega leppima, aga kui..." (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 102)

Vastava lätikeelse fraseologismi kohta puuduvad andmed.

S I L M

silma vaatama 'millelgi väga lähedal olema'

"Soome ranna lähedal läksime karile... Siis ma vaatasin teist korda surmale silma..."³²

acis skatities

suuri silmi tegema 'imestama, üllatuma'

Kõster teeb suured silmad, kui ta kirikust välja tulles nii palju endisi koolipoisse näeb kirikuõues seisvat. (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 83)

ieplest acis

S Õ R M

sõrme (näppu) suu peale (suule) panema ~ suu peal hoidma 'vaikimist nõudma, vaikimisele sundima'³³

Balthasar tahtis oma võidurõõmsa uhkuse vastuses lauale lüüa, aga see väike kometitegemise-kurat, kes teda aeg-ajalt kiusamas käis, oli äkitselt platsis ja pani talle sõrme suule. Vastuse asemel retsiteeris ta puhtas maa-keeles: ... (J. Kroas, Kolme katku vahel. II. Tallinn, 1972, lk. 17)

Noh, olete sõbramees, ma ütlen teile ära, aga ... hoidke näpp suu peal. Seda peab nii salajas hoidma...!³⁴

pielikt (sev) pirkstu pie lüpām funktsioneerib eeskätt vaba sõnaühendina.

³² F. V a k k , op. cit., lk. 71.

³³ Sealsamas, lk. 126.

³⁴ Sealsamas.

S Ü L I

sülle jooksmata 'otse kellegi või millegi peale sattuma'

Mida rindele ligemale, seda kergemini võivad nad saks-laste sülle joosta, ... (P. Kuusberg, Uks öö. Tallinn, 1972, lk. 165)

ieskriet krütis 'vastu rinda /rinnutsi kokku/ jooksmata'

Õ L G

õlgu kehitama 'imestama, arusaamatust väljendama'

...küllap oli mängus asutuse esimene mees, esimese mehe asetäitja või sekretär. Need olid kõik arusaamatuses õlgu kehitanud, ... (P. Kuusberg, Uks öö. Tallinn, 1972, lk. 62)

(pa)raustit plecus

üle öla vaatama 'põlgust avaldama'

Agga et temmast mõnda luggo peti, sepärast läks ta uhkeks ja üllemeelseks, watas omma sõbrade peale üle ölla. (Mai Roos, "Loomingu" Raamatukogu 1971, nr. 33-35, lk. 164)

Lätikeelne vaste puudub.

Materjali võrdluse eesmärgiks oli kõigepealt välja selgitada, kuivõrd leidub vabasõnaühendilisi vasteid oma-vaile somaatilistele fraseologismidele samaväärseid teises keeles. Analüüs näitab, et peaaegu igal fraseologismil on "teisend" tõesti olemas. Mõnikord võib sama tähendus olla edasi antud mitte selle sama, vaid teise, funktsioonilt sarnase, kehaosa nimetusega. Vrd. näit. huulde hammustama ja iekost mēlē 'keelde hammustama', sülle jooksmata ja ieskriet krütis 'vastu rinda /rinnutsi kokku/ jooksmata'. Vaste puudumise puhul on aga mõneti võimalik läheneda võõra fraseologismi tähendusele analoogia põhjal. Nii näiteks on eesti ja läti keeles fraseologismid kāsi ~ kaht(e) kātt kokku lōōma ja kāsi laiutama ~ laotama, mis mõlemad väljendavad

inimese teatavat psüühilist seisundit. Samuti väljendab psüühilist seisundit - ahastust - läti fraseologism lauzīt rokas - "käsi murdma", millel eesti keeles ei ole vastet. Läti keelest lähtudes võiks veel välja tuua omapärase ereda fraseologismi aut kājas - "jalgu kinni panema" - tähendusega 'millekski valmistuma':

nakti zagļu virsnieks avis kājas sudraba āzi spert³⁵
('Öösel varaste pealik pannud jalad kinni /resp. kavatse-
nud/ hõbesokku varastada')

.. visi uz vīpu vien kājas aun, uz vecāko māsu ne, ..
(J. Janševskis, Mežvidus ļaudis. II. Rīgā, 1929, 10. lpp.)
('kõik /poisid/ ainult tema pärast /et teda naiseks võtta/
panevad jalad kinni, mitte vanema õe pärast')

Kokkulangevust siin ei saagi olla, kuna eesti keeles esineb hoopis teine väljendusviis. Sellised juhud aga on lausa erandlikud; käesoleva materjali hulgas on see ainus näide.

Mõneti on selgunud ka need tunnused, mille järgi vahet teha vaba sõnaühendi ja vastava fraseologismi vahel.³⁶ Võrreldes näiteks lauseid "Kellamees heidab pahuralt käega, viskab plotski otsa maha ja sülgab" (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 208) ning "Kunstniku suvila remondile käega lüüa pole tark, sealt võib teenida kopika" (P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 56), on ilmne, et esimesel juhul on tegu vaba sõnaühendiga, teisel aga - fraseologismiga. Kui vaba sõnaühendi kasuks räägivad määrus (pahuralt) ja üks teisele järgnev konkreetne tegevus heidab käega, viskab maha, sülgab), siis fraseologismile omakorda osutab nähtuse nimetusega väljendatud sihitismäärus (remondile). Seega on näha, et igal konkreetsel juhul tuleb eeskätt te- raselt jälgida fraseologismi (või vaba sõnaühendi verbi)

³⁵ K. M ũ l e n b a c h s, Latviešu valodas vārdnīca. Rediģējis, papildinājis un turpinājis J. Endzelīns. I-IV. Rīga, 1923 - 1932, II, lk. 187.

³⁶ Fraseologismide all käesolevas artiklis mõistetakse sõnaühendeid, mis esinevad lauses semantilise tervikuna (s.o. fraseologismi tähendus pole selle koostisosade summa) ja on esmakordsed (mingil määral on neile omane ekspressiivsus).

seost teiste sõnadega lauses, s.o. fraseologismi puhul tema ümbrust.³⁷

Vene nõukogude keeleteadlastest on esimestena ja laiemalt kirjutanud fraseologismide ümbrusest V.Žukov ja M. Tagijev, läti keeleteaduses on seda uurinud A. Laua. Ümbruse all mõistetakse kõiki neid sõnu, mis aitavad kaasa fraseologismi tähenduse realiseerimisele lauses ja on struktuuralselt seotud antud fraseologismiga.³⁸

Eelnevalt on analüüsitud verbaalseid fraseologisme. Tavaliselt nõuab aga isikulise tegumoe öeldise funktsioonias kasutatud verbaalne fraseologism aluse ümbrust. Seega tuleb sageli just subjekti ümbruse järgi otsustada, kas on tegu fraseologismiga või mitte. Esitatud materjalist on näha, et mitmusliku subjekti puhul fraseologism on ilmne, näit.:

...küllap oli mängus asutuse esimene mees, esimese mehe asetäitja või sekretär. Nad olid kõik arusaamatuses õlgu kehtinud, .. (P. Kuusberg, Üks öö. Tallinn, 1972, lk. 62)

Kõik kapitalistid kiristavad praegu hambaid. Kes satub marru..., kes näib vagune nagu lammast. ³⁹

Kuna analüüsitud üksused on somaatilised, siis fraseologismile osutab subjektina kasutatud nähtusenimetusi. Näit.:

Ei, nõukogude võim ei tohtinud käsi rüpes hoida, kui klassivaenlased nurga tagant ausaid töötajaid varitsesid. (P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 21)

pead tõstma võib fraseologismina esineda ainult nähtusega väljendatud subjekti puhul ("miski tõstab pead"):

Viimasel ajal oli pead tõstnud uus vägev marurahvusluse laine.⁴⁰

³⁷ Termin leidub ka F. Vaka monograafias (vt. näit. F. V a k k, op. cit., viide 365, lk. 280); vrd. vene "фразеологическое окружение".

³⁸ Vt. B. П. Ж у к о в, основные типы значений фразеологизмов. - Вопросы лексики и грамматики русского языка. Новгород, 1969, с. 41; A. L a u a, Apkaimes problēma frazeologijā. - Veltījums akadēmīķim Jānim Endzelīnam (1873-1973). Rīgā, 1972, 294. lpp.

³⁹ F. V a k k, op. cit., lk. 176. Vt. veel näiteid eespool (K U K A L ja N Ā P P).

⁴⁰ F. V a k k, op. cit., lk. 50 (vt. sealsamas ka teine näide).

Umber samuti - ainult inimene (harvem - nähtus) subjektina (vahel ka sihitismäärusena) - esinevad fraseologismid, mille vabasõnalised vasted käivad loomade kohta, nagu näiteks kõrvu kikitama ~ kikki ajama (kikkis hoidma), kõrvad kikkis /kuulama/, kõrvu lonti laskma, kõrvad on lontis, saba jalgade vahele tõmbama, /kellelegi/ saba peale astuma.⁴¹

Huvi pakub ka sihitismääruse ümbrus. Vahel ainult selle puudumine välistab fraseologismi või teeb ta määramise raskeks, näit.:

"Ah," heidab Arno käega, "minust ei saa midagi." (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 226)

Poemüüja tuli ukse peale ja käskis neil vaiksemalt olla, aga mehed ei teinud kuulmagi. Müüja lõi käega ja ronis leti taha. (T. Vint, Aruanne ekskursiooni esimesest päevast. - Noorus 1971, nr. 4, lk. 44₁)

Harvemini kui mitmuslik subjekt võib ka mitmuslik sihitismäärus esineda fraseologismi kriteeriumina, näit.:

Ei meeldi, kui inimene püüdleb kuhugi teisi arvestamata või kaaslastele koguni jalga taha pannes. (Noorus 1972, nr. 5, lk. 64₂)

Agga et temmast nõnda luggo peti, sepärast läks ta uhkeks ja üllemeelseks, watas omma sõbrade peale üle olla. (Mai Roos. "Loomingu" Raamatukogu 1971, nr. 33-35, lk. 164)

Nähtuse nimetusega väljendatud sihitismäärus osutab samuti fraseologismile. Kõige eredam näide on siin käega (käpaga) lööma ~ heitma (viskama)⁴² (kuid mitte kõige tüüpilisem, kuna kõik vastavad sõnaliendid mistahes sihitismääruse ümbrusega on siin fraseologismid. Vrd.:

Lõin siis kogu kulinaaria peale käega ja läksin kulinaaria kauplusesse. (Edasi 02.03.72., nr. 52, lk. 2₄)

Ainult kaks õpilast teevad õpetaja Kasemaale muret. Nende tarvis pole ta leidnud veel õiget lähenemisanurka, .. Kuid ta pole neile ka käega löönud. (Edasi 19.01.72., nr. 15, lk. 2₅₋₆)

Meus... Meus oli juba mullu sügisest mulla all! Jaa -

⁴¹ Näiteid vt. eespool (K Õ R V ja S A B A).

⁴² Vt. näiteid eespool (K A S I).

marraskuu algul, ... oli jälle kord taud käinud Tallinnale hambaid näitamas... (J. Kross, Kolme katku vahel. II. Tallinn, 1972, lk. 79)

nätku vaatama ja silma vaatama esinevadki fraseoloogismidena vaid juhul, kui sihitismäärus on nähtuse nimetus ("(millelegi) nätku vaatama," "(millelegi) silma vaatama"), näit.:

"On hea, et me ... rohkem olukordadele nätku vaatama." (P. Kuusberg, Üks öö. Tallinn, 1972, lk. 81)⁴³

Soome ranna lähedal läksime karile... Siis ma vaatasin teist korda surmale silma...⁴⁴

Leidub ka näide, kus määruse ümbruaki on väljendatud nähtuse nimetusega. Ka see osutab fraseologismile:

Siit /suvila remondist/ on tarvis käd vabaks saada,... (P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 64)

Viimati võiks ära märkida mitmuslikku täiendi ümbrust:

Mida rindele ligemale, seda kergemini võivad nad saksastele sülle joosta,... (P. Kuusberg, Üks öö. Tallinn, 1972, lk. 165)

Juhul aga, kui fraseologismi või vaba sõnaühendi üle pole võimalik otsustada ümbruse, s.o. ühendiga strukturealselt seotud sõnade järgi, tuleb silmas pidada tervet konteksti ning antud situatsiooni. Fraseologismi puhul avaldub sellistel juhtudel teatav üldistus, tavaliselt pole täpsemalt piiritletud aega. Näit.:

(Teisel teatel käinud Jõnn siiski Heinaste merekoolis, aga ainult poolteist päeva, siis lõõnud käega.) (T. Saar, Keel ja Kirjandus 1971, nr. 8, lk. 480₂)

"Harva saab sealt keegi abi /laenukassast/, et jalule t õ u s t a, küll aga aidatakse paljusid jalul s e i s - t a." (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 285)

"Pärast, mõne aja pärast, lõõb ta muidugi kahte kätt kokku ja küsib eneselt: "Armas aeg, kuida see omati tuli, et see asi nii kaugele läks?" (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 198)

Mõnikord seda taotletakse kõrvalausega, näit.:

⁴³ Vt. ka näide eespool (N I G U).

⁴⁴ F. V a k k, op. cit., lk. 71.

"Heakene küll," arwab Toots, paberossi põlema pannes, "aga see võlakoores ei jää sugugi kergemaks, kui sa käed rüppe paned ja hädatsed." (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 256)

Täpsemalt piiritlemata aega ning seega teatavat üldistust väljendab ka imperatiiv, näit.:

Noh, olete sõbramees, ma ütlen teile ära, aga... hoidke näpp suu peal. Seda peab nii salajas hoidma...! ⁴⁵

"Mine koju, õpi oma ülesandeid ja ära lase pead longu." (O. Luts, Kevade. Tallinn, 1970, lk. 90)

Peale selle väljendavad ka impersonaalse verbiga sõnaühendid üldistust; analüüsitud materjalis kõik need osutuvad fraseologismideks. Näit.:

Uue ootel ei lasta käsi rüppe. (Edasi 18.03.72., nr. 65, lk. 1)

Lõppude lõpuks võivad tema pingutused tühja joosta. Ebameeldiva pöörde puhul trambitakse ta jalge alla. ⁴⁶
(P. Kuusberg, Naeratus. Tallinn, 1971, lk. 150)

Omaette rühma moodustavad somaatilised verbaalsed infinitiiviga väljendatud sõnaühendid, mis samuti esinevad fraseologismidena, näit.:

"Mina olen kõik ära katsunud. Nüüd ei jää mulle muud üle kui ähkida ja puhkida ja käsi laiutada." (O. Luts, Suvi. Tallinn, 1970, lk. 129)

Seega näeme, et fraseologismid, mis teatavail juhtumeil esinevad vabade sõnaühendite vastetena, moodustavad keeles omaette kindla rühma. Vastavad vabad sõnaühendid on enamasti žestide (käega lööma), liigutuste (pead longu laskma) või toimingute (jalge alla tallama) kirjeldused, fraseologismidena aga omavad nad uue sisu ning üldiselt väljendavad inimese psüühilist seisundit ⁴⁷ või kellessegi või millessegi suhtumist. Kõik nad on motiveeritud: tähenduse ülekandmine toimub nende vabasõnaühendiliste vastete tähenduse põhjal.

⁴⁵ F. V a k k, op. cit., lk. 126.

⁴⁶ Vt. ka näiteid eespool (K Ä S I ja P E A).

⁴⁷ Vt. ka Л. И. Р о й з е н з о н, И. В. А б р а м е ц, op. cit., lk. 55.

Eesti ja läti keele ühiseid fraseologisme on selles rühmas rohkesti, peaaegu iga fraseologismi puhul on vaste olemas. Vaadeldud fraseologismide struktuuri, tähenduse ning motiveeringu omapära lubab oletada, et ühiseid fraseologisme leiduks veelgi. Nii näiteks võiks selliseks potentiaalseks fraseologismiks pidada sõnaühendit käsi hõõruma (fraseologismi puhul tähendusega 'rahuldust, rõõmu tundma või väljendama'):

"Tore!" hõõrus direktor käsi. "Suurepärane!" (Edasi 20.12.72., nr. 297, lk. 35)

Läti keeles on vastav fraseologism olemas (berzēt rokas ~ plaukstas). Samuti: (endale) käega otsaette ~ vastu otsaesist lööma⁴⁸ - iesist sev ar roku pa pieri, kātt sūdamele pannes - likt roku (sev) uz sirds; roka uz sirds, sōrmega āhvarama - (pa)draudēt ar pirkstu. Tundub, et fraseologismide tekkimise tendents olemasolevate teatavate vabade sõnaühendite põhjal on keeles olemas. Edaspidine asjakohase materjali kogumine ning analüüs peaks sellele küsimusele vastuse andma.

Fraseologismide ning nende vabasõnaühendiliste vastete eraldamise kriteeriumina on vaadeldud ühelt poolt fraseologismi ümbrust, teiselt poolt kontekstiga kaasnevad üldistust. Käesoleva materjali piires fraseologismile osutab 1) mitmuslik alus, mitmuslik sihitismäärus ning mitmuslik täiend fraseologismi ümbruses, 2) nähtuse nimetus alusena, sihitismäärusena ja määrusena fraseologismi ümbruses, 3) kontekstist olenev üldistus, täpsemalt piiritlemata aeg, väljendatud fraseologismi a) impersonaali vormis, b) imperatiivi vormis, c) infinitiivi vormis, d) kõrvallausega.

Väiksema omaette rühma moodustavad siin seda laadi fraseologismid, mille tähendus võib realiseeruda vaid ühe teatava ümbruse komponendi puhul:

pead tõstma - ainult nähtusega väljendatud subjekti puhul,

nätku vaatama ja silma vaatama - ainult nähtusega väljendatud sihitismääruse puhul /millelegi/,

⁴⁸ F. Vaka monograafias ongi fraseologismina esitatud (vt. F. V a k k , op. cit., lk. 251), kuid veenvad näited samuti puuduvad.

kõrvu kikitama ~ kikki ajama (kikkis hoidma), kõravad kikkis /kuulama/, kõrvu lonti laakma, kõravad on lontis, saba jalgade vahele tõmbama, saba peale astuma - ainult inimene (harvem ka nähtus) subjektina (sihitismäärusena), seepärast on selle allrühma fraseologismide eraldamine vabade sõnaühenditest lihtne, samal ajal kui teiste puhul on see vahel lausa probleem. Võimalik, et vabasõnaühenditele vastavate fraseologismide edaspidisel uurimisel tuleks seda allrühma vaadelda omaette rühmana, kuna sellel on ka ainuüksi talle iseloomulikke jooni.

Et somaatilised fraseologismid, millel on olemas vabasõnaühendilisi vaateid, moodustavad fraseologismide hulgas kindla ja omapärase rühma, vajavad nad ka oma nimetust. Tõsi, L. Roizenzoni ja I. Abrametsi artiklis nimetatakse seda nähtust ühendatud ehk ühendushomonüümiaks ("совмещенная омонимия"), kuid seda nimetust ei või pidada kuigivõrd õnnestunuks. Fraseologismidel aga nimetus üldhõlde veel puudub, mistõttu artiklis ongi neid nimetatud kirjeldavalt. Omaette nimetus aga sellel fraseologismide rühmal on kindlasti vajalik. Samuti tuleb jätkata nende fraseologismide uurimist laiemalt, rikkalikuma materjali põhjal, mitte piirdudes verbaalsete ja somaatiliste fraseologismidega, vaid kogu fraseoloogia ulatuses.

М. Вейнберга
(Тарту)

СОМАТИЧЕСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И СООТВЕТСТВУЮЩИЕ ИМ СВО-
БОДНЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ В ЭСТОНСКОМ И ЛАТЫШСКОМ ЯЗЫКАХ

Резюме

В статье рассматривается явление так называемой *с о в м е щ е н н о й о м о н и м и и* во фразеологии эстонского и латышского языков на базе соматических вербальных словосочетаний. В ряде случаев такие свободные словосочетания обладают переносным значением, тем самым становясь фразеологизмами. Критерием распознавания таких фразеологизмов в тексте автором выдвигается фразеологическое окружение, а также определенное обобщение, вытекающее из контекста. По данным проанализированного материала явным признаком фразеологизма являются: 1) подлежащее во множественном числе, дополнение, а также определение во множественном числе во фразеологическом окружении, 2) названия явлений в качестве подлежащего, дополнения и обстоятельства во фразеологическом окружении, 3) вытекающее из контекста обобщение, неопределенное время, отражающееся в а) имперсональной, б) императивной, в) инфинитивной форме фразеологизма, а также выраженное г) придаточным предложением. Отдельную небольшую группу составляют фразеологизмы, реализация значений которых возможна лишь в присутствии одного определенного компонента во фразеологическом окружении, напр. silma vaatama (смотреть в глаза) — только с названием явления в функции дополнения ("чемунибудь"), saba peale astuma (наступить на хвост) — только говоря о человеке (иногда — и о явлении) и т.п.

Фразеологизмов, общих как для эстонского, так и для латышского языка, в данной сфере много. Своеобразие структуры, значений, а также мотивации изучаемых фразеологических единиц дает основание предполагать, что тенденция возникновения фразеологизмов из соответствующих свободных словосочетаний в языке действительно имеется.

KAMASSILAISIA TEKSTEJÄ II

Tämä tekstierä on jatkoa edelliseen erään, jonka olen julkaissut Fénno-ugristica -sarjan 2. niteessä. Sieltä löytyvät myös tarpeellisimmat selitykset.

1

Džazí-ra': t'uið. Džébaktarzi:tti. náddp. Di:gittĩ.
t'azérdé kažà.m, Džū-taž-ržittĩ:, dégétĩ. ipe.k' k'o'-
šit't'ē:.. dégétĩ. óvžē.ržē:i, uřgō. óvžē.ržēi-baž, sé-
rē. mōžui¹. dégétĩ. pēžžittĩ.² náddp. dégétĩ. t'q'-
ná.ržettē nádp, dégétĩ. burá-ñq kōmnošte:, dégétĩ.
nádp né'sittĩ:, dégétĩ. náda ižgē:ržittĩ., dégétĩ.
nužkuštē. náda, dégēt't'i. i-pē:ržittĩ. nádp, dégétē.
ē³ amžittē. náda.

2a

tēñ kañdžā.'pō:ž. mbĩ mōnā. ēi nōrbužē:ž? mōñ-bi

1

Налаживай! Сейчас разговаривать надо. Тогда на пашню по-
ду, землю пахать, тогда хлеб сеять. Тогда вырастет, большой
вырастет (ведь), побелеет¹. Тогда жать² надо. Тогда моло-
тить надо, тогда в мешок сыпать, тогда надо молотъ, тогда
сеять надо, тогда ставить надо, тогда и печь надо, тогда
их³ есть надо.

2a

Ты пошел. Что мне не сказал? Я бы травы дала. Там моя

no' mēb'ē.m. dēn mōn t'uganzanbē. igē. tēn ~ by ~ kypō. x
dim.

2b

tēn ~ mbi. mōnā. ēi nōrbupē: x, što kandağā. x k r à-
š n o i ā . r s k a⁴? Dēn mēn t'uganbī. ~ iigē. mēn ~ bi
no' tnān mēb'ē.m. Dēn seǵdī. ézēmb'ē. di ~ bi Bē'pī.
ten ~ bi kypō. x Dim.

3

"amñā." to: x t' t' anō. amñit' t' ē.!" - "a ~ girgi. t to: x t'-
tanō.?" - "da mēn keškēb'ē.m. dēgēttī. ūn ib'ī. mēn
dēgēttī. sērēpnē. ib'ē.m i ~ k' aptē. embē.m. Džibogē. bū
~ koñnob'ā.m. dēgēttī. mēndžerb'ē.m. amñā. ~ amō. ra³!"

4

nī nāğā. gīb' rda kalā. Džurbī. mēndēržitī. nāda. mō-
žet šēndī. nibu: d k' p'ī. mōžet uğā. abā. amī. a i-
fiō. m ~ bar uğā. nda. k' abā. r x uī!

5

k' ebe ~ bāstū inezanđī. ~ iibi. ~ iit! Dēgēttī taī. ržitī:
mōžn i tōžkuštano.⁵ amžitī. to ~ bostū. inē' i. nāğā.
bār.

родня есть. Ты бы посмотрел ее.

2b

Ты что мне не сказал, что едешь в Красноярск⁴? Там моя
есть. Я бы траву тебе дала. У нее сердце болит. Она бы пила.
Ты бы посмотрел ее.

3

"Садись картошку есть!" - "А какая картошка?" - "Да я на-
терла. Тогда мука была. Я тогда сахару положила и ягод поло-
жила. Горячей воды налила. Тогда сварила. Садись ешь!"

4

Парня нет. Куда-то ушел. Искать надо. Может кто-нибудь
убил. Может медведь съел. Жалею (ведь) очень. Хватит!

5

Жирный сам коней взял. Бери! Тогда пахать можно и картош-
ку⁵ есть. То своих коней нет. Всё.

129

men meim̄ bar̄ ézeri:k̄, arā. be'pī. šōbī. bar, kū-
dō. n̄zubi'k̄i: bāstū. t'ibiḡī. Džabrō:bi'ī. bar̄. ugā. nda
de. k'urō. iu', ššākko k'udō. nzra:pi:. k'odē.⁶ de nē
k'arē. bāzu k'arā. džurbī: arā. beššittē. a. ttō. n̄e ne
Jamgā.⁷

7

"šī' d'šīē. ḡen ibi. xē." giē. n̄ kunō. xbiḡa:?" -
"kunō. xbi:ba' paā. tkagē. n. urā. bō šō:bi'. barū⁸ membī.
don. mī' ugā. nda pimbibē. dē. iu. tōžō pīmē. m̄: l-
tu:ktū." - "ēiē. n̄ nāda surā. r̄zittī. iḡpē. šsi. ttī ku-
dō. nzittī:!"

8

"mbī. pīmē. x? kanā. uñā. meñ. uñā. membē. m. šēn-
dinē. dē⁹ ēi. pīmē. m. a. tēn. ugē. pīmē. pōx." - "nō: m̄-
lū. pēm!"

9

dēze. ḡ. ei. tēmne'ī. d'šēbaktərzi. ttē. a. mon. bar̄ Džē-
baktərza. pōm. iām. šurā:rb'ā. m.¹⁰ Džēba:ktərzittē. a. xō. t-
ta menā. dōn. bar̄ Džirigī'ī. nāya, a. šne' nuza. ḡ. a
am̄nō. za. pōiu:. dēze. ḡ. bar̄ Džirigī¹ iā. pīmē. iē. bār!

6

Моя невестка пьяная, вино пила. Пришла (ведь), ругались
со своим мужем, дрались (ведь). Очень она сердитая, всяко ру-
галась. Куда⁶ эта женщина нужна! Опять ушла вино пить. А то
этих баб мало.⁷

7

"Вы в тайге были. Где спали?" - "Спали в палатке. Медведь
пришел, все⁸ ходил тут. Мы очень боялись. Он людей тоже боит-
ся, ружья." - "Хозяина надо спрашивать ложиться спать!"

8

"Что боишься? Иди один! Я одна ходила, никого⁹ не боюсь,
а ты все боишься." - "Бегу!"

9

Они не умеют разговаривать, а я (ведь) разговариваю. Мать
спрашивала,¹⁰ разговаривать охота мне. Здесь (ведь) поселен-
цев нет, а одни ясные живут. Они (ведь) русских людей

iam ɛi d ʒəbaktarʃa.m.¹¹

10

t'uiō. burā. de:tʃē.m. tən Dʒabō.ʔā:ʔ. mən t'o:ʔt-
tano.¹³ k'omnoʔ.ā.m. amno:ga.ʔ! mən ɛʃʃō. ʃidē. aspā.ʔ
dətʃē.m, ʔo:ʔā.m. dɛgɛtti. dʒəbaktarzi.tti mōʒna. bār.
ɛi Dʒə.baktariā.¹²

11

teinē.n ugā.nda d ʒibɛgɛ.i d ʒālā. bār ip̃. k' né:n-
dʒi.i. ip̃. k' ɛi ɔzɛ.rʃii. dɛgɛtti. nāga ip̃. k'. ɔmp̃ɛ
ɔmʒittti? kuʔā.mb.ām.¹³ kuʒittti. mōʒna. ip̃. k:ʃt. nāga.¹⁴
bār. ɛi dʒəbaktarʃa.m.

12

tən ugā.nda sāge:ʔ! buzʒaidā.ʔ, moʔtʃā.nno kana.ʔ!
sāben.ɛb.ʔ.¹⁵ dɛgɛtti. kuinē.k' iʔ, ʃe:rdi:ʔ! ugā.nda
kuʔā.Z dɛgɛtti. ɔmoʔā.ʔ. kuinē.k ʃe:ʔici.ʔ, ɔɔk' bar
koʔā.ɲ tnañ mōguʔ ʔonā:rkoʔi.¹⁶ ɔbar - kuʔā:s!

13

dɛzē.ɲ k r a ʃ n ɲ i ā : r s k a i .¹⁷ k'a.ambiʔiʔ.
mənā. ɛi nōrbu.ʔi: mən diñ t'uganbē. ɔigē. mən ɔ bē

боятся. Всё! С матерью не разговариваю.¹¹

10

Сейчас мешок принесу. Ты держать будешь. Я картошку сы-
пала. Сидите! Я еще два ведра достану, полезу. Тогда разго-
варивать можно. Всё. Не разговаривают.¹²

11

Сегодня очень жаркий день. Весь хлеб горит. Хлеб не вы-
растет. Тогда нет хлеба. Что есть? Умру.¹³ Умереть можно .
Хлеба нет.¹⁴ Всё. Не буду говорить.

12

Ты очень черный! Мойся, в баню иди! Мыло взял.¹⁵ Тогда
рубаху возьми, надень! Очень красивый тогда будешь. Рубаху
надел, так все девки тебя могут целовать¹⁶ (ведь) — краси-
вый!

13

Они в Красноярск¹⁷ поехали. Мне не сказали. Моя там род-

131

nò⁷ meb'e-m. dià sèidī. ézəmñē. dēze-ŋ̄bar kubi⁷āī.
 ūbi di-m̄di¹⁸. bār. daškā. ēī džəbakt'ərlā-m.

14

sāgar nē sō:BT. sērē. k'uzā. mēndaiži-t'c'i nāda.
 "kanžebu-i¹⁹ oBBārgi! āktšē'a-n̄bar k'unō-žzubu-ā¹⁹bar,
 pōnā:ržybu-i¹⁹bar!" - "t'ibi-ž̄bar munō:ržy-i tñān."
 kabā-ržii! daškā. ēī Džəbakt'ərlā.

15

nāda mōln̄eššī. bo:zoistē. de ugā-nda sāye:r, bār
 t'u:pī. ik'k'ō. keškē-m̄bar. keškēb'īē-m. de ūkōžā-m-
 bi. dēgētī. nād̄p̄ kuržittī. di-m, dēgētī. amō:ržittī.
 nāda, dēgētī. k'unō:žzittī. ō:rdē. eššī-m!

16

teine-n uržō. Džāzā²⁰, a iil̄uga t'ō:gunuržā-⁷po'-
 iū, tožttano. āmžā-⁷po'iu, tai-ržē⁷po'iu: a mi' am-
 nō-žā⁷pobā:. daškā. džəba:kterzi-tti hē-ažō-itt̄p.

ня есть. Я бы травы дала. Ее сердце болит. Они ведь погля-
 дели бы ее там¹⁸. Всё. Больше не буду разговаривать.

14

Черная женщина пришла. Белого человека искать надо. "Пой-
 дем¹⁹ вместе! На дороге (ведь) спать будем¹⁹ (ведь), цело-
 ваться будем¹⁹ (ведь)!" - "Твой мужик (ведь) будет бить те-
 бя." Хватит! Больше не буду разговаривать.

15

Надо мне ребенка мыть. Он очень черный, весь обморался.
 Много вытираю. Вытерла. Оно засохло. Тогда надо завернуть
 его, тогда кушать надо, тогда спать. Качай ребенка!

16

Сегодня праздник²⁰, а люди всё работают, картошку сажают,
 пашут. А мы сидим. Больше говорить не охота.

təjne.n uɾɣɔ̃. d'ʒāʔā.²⁰ mɔnā. t'ʊGanbo. koʃtəbe'ɬi.:
 "k'anʒebù.i!¹⁹ diñ-arā. bətʒəbe.i. dən sārʔa'po'iu gaɾ-
 mɔ.ñianɛ:²¹. mi' ɿ bār ʒu'miʔɛ.'po'ba:²². bār!

nize.ŋ, koɣsa.ŋ ɿ bār ɿ ikkō. opt'ubi'ɬi. ɿ bār, nuɿⁿɔ-
 ʒɛ.'po'iu:', Garmɔ.ñiu²³ sārʔa'po'iu, ʒu'miʔɛ.'po'iu.

təbɛze.ŋ ɿ k'k'ō., opt'obi'ɬi., mbɪɪda ɿ bār dʒəbaktar-
 ʔa.'po'ɪ. nāda kanzitɪɪ. niʒgō.ʃti:n²⁵, mbi ɿ dʒəbaktar-
 ʔa.'po'ii. mən digittɪ. timʔɛ.m. bār, ɿ daʃkā. ɛi ɿ d'ʒə-
 baktarɪ'ā.m.

mən unā. sɔb'ām, a ɿ dɛze.ŋ ɿ bār suɱnā. ʃɔ:bi'ɪ.

mən mɛim menʒɛfiɛ.m. ugā.nda iaxʒɛ. ɿ hɛi. nāmga,
 uɪā.ʒi:. k'ɔ:bɪɾgɛ.n ɛmb'ɛ.m ɿ bār, t'ūʒ ɿ mb'ɛ.m, t'ɔ:ʔt-
 tano.' āmb'ɛ.m. aɱnā.²⁴ amɔ.ra' obbarei!

Сегодня праздник²⁰. Меня родня звала: "Пойдем!¹⁹ Там ви-
 но будем пить. Там играют на гармонии²¹. Мы пляшем²²." Всё!

Парней, девушек (ведь) много. Собрались (ведь), поют, на
 гармонии²³ играют, пляшут²⁴.

Мужчин много, собрались, что-то (ведь) разговаривают. Надо
 идти слушать²⁵, что разговаривают. Я тогда узнаю. Всё, боль-
 ше не разговариваю.

Я одна пришла, а они (ведь) пятеро пришли.

Моя невестка варила. Очень хорошая невестка. Сладкие, с
 мясом. Я лук наложила, соль положила, картошки положила. Са-
 дись ешь вместе!

1. Sananmukaisesti 'valkoinen (s.o. valkoiseksi) tulee'.
2. Kielenopas lienee käyttänyt vahingossa 'leikata'-verbin ajasta 'kypsentää'-verbiä, vrt. esim. pē:rzittī. 'kypsentää' samassa tekstissä; vrt. myös K. Donnerilla p'd'nna mašīn 'Erntemaschine' ja pwa'l'ēm 'schneiden' (K. D o n n e r - A. J. J o k i, Kamassisches Wörterbuch, Helsinki, 1944, s. 10a), mutta par'l'ēm jne. 'backen' (ibid., s. 55b).
3. ēX 'niitä' < ven. XX.
4. Muodosta krāšnojā.rska 'Krasnojarskiin' puuttuu kokonaan latiivinpäätte.
5. Sana tōžkuštano on muodoltaan täysin outo, vrt. 'peruna'-sanan muodot esim. tekstissä 3: to:žt't'anō, to:žt'tanō. (sananmukaisesti 'pyöreä-ruoho').
6. Oikeastaan 'kuinka'.
7. Sananmukaisesti 'mutta muuten sitä eukkoa vähän', vrt. siihen myös K. Donnerilla man ā/mk'a/ Inem 'ich (habe) wenig Pferde' (ibid., s. 5a).
8. Vokaali barū-sanan lopussa on outo (tavallisesti bar).
9. -nē- sanassa šēndinē-dē 'ketään' on outo, vrt. K. Donnerilla šīndide, šīndide, šīndīdē 'jemand' (ibid., s. 145).
10. Akkusatiivia on käytetty venäjän mallin mukaan, vrt. venäjänkielinen käännös.
11. Muoto iam on nominatiivimuoto ('äitini') tai akkusatiivimuoto ('äitiä', 'äitiäni'), jota on käytetty odotuksenmukaisen instrumentaali-komitatiivimuodon sijasta (esim. iāzi 'äidin kanssa'). (Vrt. myös huom. 10)
12. Paremminkin 'ei puhu' tai 'en puhu'.
13. Itse asiassa preteriti: 'kuolin'.

14. Selittämättömästä syystä kielenopas on käyttänyt instrumentaali-komitatiivimuotoa lpe:kst. (todellinen merkitys 'leivällä, leivän kanssa').
15. Vrt. kuitenkin myös sābenz^obi 'seifig' K. Donnerilla (ks. *ibid.*, s. 56a).
16. Kamassinkielinen lause on rakenteeltaan virheellinen: ṣoná:rzo³āi tarkoittaa itse asiassa 'tulevat suutelemaan' (fut.) tai 'suutelevat' (pres.).
17. Pääte -ci muodon krašmja:rska₂i. 'Krasnojarskiin' lopussa on outo.
18. dj 'se; hän' pro djn 'siellä'.
19. Optatiivin duaalin 1. persoona: 'menkäämme (me kaksi)', 'maatkaamme (me kaksi)', 'suudelkaamme (me kaksi)'.
20. Sananmukaisesti 'suuri päivä'.
21. garṃō-njānē: 'haitarilla, ven. на гармонѣ' on muodoltaan omituinen: venäläiseen sanaan гармонь 'haitari' on liitetty aivan tuntematon suffiksiaines.
22. Itse asiassa 'hypimme, karkeloimme', vrt. K. Donnerilla su³mīl'sm jne. 'springen, häpfen ...; fliehen, entweichen ...; kopulieren' (*ibid.*, s. 60).
23. Garmo niu 'haitarilla, ven. на гармонѣ' < ven. гармонь 'id.'
24. Itse asiassa 'hyppivät, karkeloivat' (vrt. huom. 22).
25. -n infinitiivimuodon nižgō-šti:n 'kuuntelemaan' lopussa on outo; vrt. kuitenkin monikon 3. persoonan possessiivisuffiksi -tVn infinitiivimuotojen lopussa K. Donnerilla, esim. d^ozen amzit-t³n nakō³obi 'sie hatten nichts zu essen' (*ibid.*, s. 174).

А. К ю н н а п
(Тарту)

КАМАСИНСКИЕ ТЕКСТЫ II

Р е з ю м е

Публикуемые здесь камасинские тексты являются продолжением публикации таких текстов во втором томе серии "Fenno-ugristica. Труды по финно-угроведению". Там же приводятся самые необходимые объяснения к текстам.

В.Г. КАЛАШНИКОВА, СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ
ПРЕДЛОЖЕНИЯ В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ (в историче-
ском освещении). Диссертация на соискание
ученой степени кандидата филологических наук.
Глазов, 1974, 184 + 16 стр.

14 июня 1974 г. на заседании Ученого совета филологиче-
ского факультета Тартуского госуниверситета состоялась за-
щита диссертации старшего преподавателя В.Г. Калашниковой
на тему "Сложносочиненные предложения в удмуртском языке
(в историческом освещении)". Официальными оппонентами выс-
ступили д.ф.н. профессор П. Алвре (Тарту) и к.ф.н. доцент
Р.И. Яшина (Ижевск).

Изучению синтаксиса финно-угорских языков до сих пор
уделялось мало внимания. Поэтому каждое новое исследование
в этой области следует всячески приветствовать. Диссертация
В.Г. Калашниковой представляет по сути дела второй опыт
изучения сложносочиненных предложений и их генезиса в фин-
но-угорских языках (первая работа - диссертация по структу-
ре сложносочиненного предложения в марийском языке была за-
щищена в 1955 году).

Прежде всего хочется отметить, что сильную сторону дан-
ной работы составляет привлечение многочисленных сравни-
тельных данных из других финно-угорских языков, что делает
выводы диссертанта более обоснованными и дает будущим ис-
следователям материал для более широких обобщений. При изу-
чении синтаксиса удмуртского языка невозможно обойти вопрос
о влиянии на него синтаксического строя русского языка, что
также нашло отражение в диссертации. Целый ряд вопросов
этимологии союзов автор решил правильно, привлекая материал
турко-татарских языков. Все это свидетельствует о том, что
диссертант хорошо ориентируется в широком круге фактов и
глубоко проник в суть изучаемых проблем.

Во введении дается обоснование темы и задачи исследова-
ния. Затем следует история изучения синтаксиса удмуртского
языка, начиная с появления первой его грамматики. К своим
научным предшественникам автор относится критически, внося
поправки во многие их концепции. Так, напр., на стр. 9 и
сл. указывается, что Ф. Й. Видеман (1851 г.) ошибочно счел

союз но 'и' соединительным суффиксом, а также на неправильный перевод предложений, приведенных им в качестве примеров. Недостатки обнаружены диссертантом в грамматике П.П. Глезденева и в работах других авторов.

Первая глава диссертации посвящена теории сложносочиненного предложения. Прежде всего автор останавливается на обзоре работ своих предшественников - советских и зарубежных финно-угроведов. Критические замечания диссертанта звучат убедительно и возражений не вызывают. Так, вполне обоснованно отвергая теорию венгра А. Клемма о трех этапах развития сложного предложения, В.Г. Калашникова присоединяется к концепции советских ученых В.В. Виноградова, Н.С. Поспелова и др. Далее (стр. 43 и сл.) следует анализ структуры сложного предложения в удмуртском языке. Уместно приводится сопоставление соединительных, противительно-сопоставительных и разделительных союзов с союзами, употребляющимися при однородных членах. Структура отдельных типов предложений проиллюстрирована удачно подобранными примерами.

Во второй главе диссертации рассматривается история становления и развития сложносочиненного предложения в удмуртском языке. Для восстановления модели того типа простого предложения в удмуртском языке, который предшествовал сложносочиненному предложению в современном удмуртском языке, автору пришлось привлечь соответствующий материал родственных языков, а также ранние удмуртские переводные тексты, предварительно сравнив их с древнерусскими оригиналами. Автор пошел правильным путем, начав исследование с текста древнейшего памятника письменности финно-угорских языков - новгородских грамот на бересте (Юмолануоли ... 'Божья стрела ...'), в которых при помощи букв русского алфавита передаются высказывания на одном из прибалтийско-финских языков начала XIII века. Хотя языковая территория грамот иная, чем у удмуртского языка, представляется вероятным, что характерное для берестяных грамот бессоюзное простое предложение и было той основой, из которой развилось сложное предложение в других родственных языках. Не вызывает возражений утверждение автора о том, что связь последующего предложения с предыдущим сначала осуществлялась путем повторения слов из предыдущего предложения, а позднее - путем употребления анафорического местоимения, указывающего на предшествующее слово.

Общезвестно, что финно-угорский праязык не знал соединительных союзов. Они возникли гораздо позже, в каждом языке отдельно — или из других частей речи, или путем заимствования. Однако удмуртский язык пользовался бессоюзными конструкциями вплоть до конца XIX века, о чем наглядно свидетельствует предпринятый в 1889 г. перевод псалтыри со старославянского на удмуртский язык: предложения с союзами в оригинале переведены при помощи деепричастного оборота. Как показывает автор, для передачи временных отношений этот оборот применяется и в настоящее время, что подтверждается примером из художественной литературы, приведенном на стр. 67: Кык ар ортыса, Сэдэклэн пиез вордскиз (Когда прошло два года, Сэдык родила сына). Рецензент считает нужным добавить, что такого рода деепричастные обороты до сих пор живы в прибалтийско-финских языках (эст. kahe aasta möödu-des), и они представляют собой не сокращенные конструкции предложения, как их принято называть в учебниках по грамматике, а являются свидетельством того раннего этапа в развитии языка, который характеризовался употреблением простого предложения, предшествовавшего сложному. При этом, деепричастие более ранняя форма, чем спрягаемая форма глагола.

II глава состоит из подразделов, посвященных союзам, на базе которых оформилась структура сложносочиненных предложений. Здесь рассматривается и этимология союзов нош 'а', но 'а, и', оло 'может быть, не то', я, яке 'или', не... не 'и ... и', из которых только первый исконного происхождения. Автором убедительно показаны и объяснены происходившие в союзах звуковые изменения (> ношт > нош). Непонятно лишь, почему в пермском языке первоначальное значение этого слова дается как частица 'еще', а не наречие 'опять', которое, кстати, приведено в словаре Б. Мункачи еще в прошлом веке. Косвенные свидетельства о наречном происхождении союзов мы находим и в других родственных языках (ср., напр., соответствующее союзу 'а' в эстонском языке aga, которое возникло тоже из наречия и место которого до сих пор в предложении еще не зафиксировалось: Mina tegin nii, tema aga teisisiti (~ ..., aga tema teisisiti) ('Я сделал так, а он иначе'). Если автор придерживается иного мнения, необходимо было бы показать, что и у Мункачи наречие нош позднего происхождения.

На стр. 89 говорится о том, что более древние гласные переднего ряда во многих словах, восходящих к финно-угорской языковой области, в пермских языках с течением времени сместились в заднюю зону образования. Однако доказать это на примере финно-угорского *kakta 'два' и удмуртского кык невозможно.

Третья глава - самая обширная часть диссертации - посвящена анализу сложносочиненного предложения в современном удмуртском языке. Как предыдущие, так и эта глава свидетельствует о том, что автор хорошо владеет исследуемым материалом, строит свои концепции уверенно и убедительно. Можно присоединиться к мнению диссертанта об ограниченности и ошибочности представлений о функциях союзов, принятых в современных учебниках по грамматике (как для общеобразовательных, так и для высших школ). А.В. Конюхова, например, считает предложения с союзом но сложноподчиненными! (стр. 96-97) и т.п.

Автор часто приходит к верным заключениям, благодаря сравнению фактов удмуртского языка с другими родственными языками (марийский, коми). Хорошо, что при построении модели сложносочиненных предложений диссертант не упустил из виду сложного синтаксического целого. При характеристике заимствованных союзов показано их функциональное различие в языке оригинала и в заимствующем языке. При этом выясняется, что функция союза но 'и' в удмуртском языке гораздо шире, чем в русском. Если в русском языке союз но выражает главным образом отношения противопоставления и несоответствия, то в удмуртском он служит для обозначения соединительных и противительно-сопоставительных отношений с их различными смысловыми оттенками (стр. II6). Отличие от русского языка заключается также в том, что русскому и ... и не соответствует в удмуртском языке но (см. подробно об этом на стр. II7).

При анализе различных моделей предложений автор учитывает частотность использования союзов, их интонационную вариативность и встречаемость в роли других частей речи (частица, наречие, см. стр. I28, I33 и др.). При характеристике союза а 'а' рассматривается отдельно его использование в прямой речи как в разговорном, так и в литературном языке (стр. I56). Кстати, подробный анализ и убедительные выводы диссертанта лишний раз свидетельствуют о том, насколько важ-

но, чтобы изучаемый язык был родным языком для исследователя, ибо иначе некоторые тонкости и детали могут остаться незамеченными, а результаты проделанной работы не будут исчерпывающими.

По этой части работы у рецензента имеется лишь несколько отдельных замечаний. Термин "полусоюз", несмотря на то, что некоторые исследователи им пользуются, нельзя признать удачным. Можно привести много примеров из финно-угорских языков, когда одно и то же слово выступает в роли нескольких частей речи (например, как имя существительное и имя прилагательное), однако мы не пользуемся термином "полусуществительное". Не совсем точно утверждать, что "союз нош, совмещающий частицы, находится после первого слова второй части" (стр. 150), так как в таком случае перед нами уже не союз в прямом значении этого слова. Более подробной могла бы быть характеристика тех союзов и наречий, которые в предыдущей части работы не проанализированы. Автор прав, что собере 'затем, потом' восходит к указательно-личному местоимению со 'он' и послелогу бере 'после' (стр. 132). Но отмечая языковой фон последнего — существительное бер 'задняя часть' — можно было бы показать его связь с соответствующими конструкциями в родственных языках (напр., субст. эстонск. pärja, финск. perä 'задняя часть' и наречие, финск. senpre-gään 'затем, потом', которым точно соответствует удмуртское собере). Недостаточно также утверждать, что союз соин 'поэтому' восходит к лично-указательному местоимению со 'он, тот' (стр. 143). Ведь первоначально это та же форма, что и соин 'с ним' (творительный падеж местоимения со 'он'). Можно было привести аналогии из родственных языков к бессоюзным конструкциям удмуртского языка -са, -тек (ср., напр., на стр. 120 коня не дыр ортыся ..., букв. 'сколько-то времени пройдя ...' и эст. mõne aja möödudes..., означающие то же самое), хотя выяснение всех возможных аналогий, конечно, не обязательно в рамках данной работы.

В заключение хочется подчеркнуть, что диссертация В.Г. Калашиковой — систематическое и методологически правильно построенное исследование, которое дает достоверный и детальный обзор генезиса и типов сложносочиненного предложения в удмуртском языке. Остается пожелать, чтобы автор продолжил свою работу в области изучения пермских языков.

Я.Н. П О П О В А, ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ЛЕСНОГО НАРЕЧИЯ НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКА. ДИССЕРТАЦИЯ
НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ КАНДИДАТА ФИЛО-
ЛОГИЧЕСКИХ НАУК. Новосибирск, 1975, 190 стр.

Диссертация Я.Н. Поповой состоит из введения (15 стр.), четырех глав (123 стр.), заключения (5 стр.) и приложения: списка использованной литературы (19 стр.) и таблиц частотности и сочетаемости звуков (18 стр.).

Во введении приводятся краткая характеристика территории расселения и данные о численности тундровых и лесных ненцев, указывается на родство самодийских языков с финно-угорскими, перечисляются важнейшие фонетические соответствия этих двух языковых групп, отмечается предполагаемая связь самодийских языков с другими языковыми группами. Далее дается подробная характеристика наречий и говоров ненецкого языка. В лесном наречии автор различает три говора: пуровский (верхнее, среднее и отчасти нижнее течение р. Пур), нялинский (р. Нялин) и ляминский (верхнее течение р. Лямин и северные притоки р. Аган). Затем дается обзор истории изучения наречий ненецкого языка и, в частности, лесного наречия.

Я.Н. Попова ставит перед собой следующие задачи: 1) охарактеризовать звуковой состав и фонологическую систему лесного наречия, 2) дать по возможности полное описание артикуляционных характеристик лесного наречия в сравнении с тундровым наречием, 3) показать характер внутриязыкового развития и внешнего языкового влияния, приведших к образованию в ненецком языке двух наречий. В ы б о р т е м ы диссертации следует признать удачным: основные расхождения между наречиями ненецкого языка наблюдаются именно в области фонетики, в значительно меньшей степени они затрагивают морфологию и лексику, как правильно отмечает сам автор. Практическая ценность изучения фонетики лесного наречия ненецкого языка заключается в том, что учет своеобразного произношения лесных ненцев необходим при обучении детей русскому языку и при изучении ими родного языка в школе.

При анализе фонетики лесного наречия автор опирается главным образом на п у р о в с к и й говор, так как на нем говорит, по всей вероятности, большинство лесных ненцев.

В качестве сопоставительного материала использованы данные болъшеземельского, ямального и тазовского говоров тундрового наречия. Такой выбор можно считать целесообразным. Основным материалом для исследования фонетики пуровского говора в диссертации послужили данные, собранные самим автором во время экспедиции в 1968 г. от трех информантов. Все информанты довольно молодые: в возрасте 23, 24 и 48 лет. Хотелось бы надеяться, что автор все же сумела подобрать хороших знатоков родного языка. Самим автором собран также и сопоставительный материал ямального и тазовского говоров тундрового наречия во время трех экспедиций (и тут привлекает внимание возраст информантов: 18, 18, 21, 30, 33 года). Методика анализа является традиционной.

Автор диссертации ошибочно считает, что "несколько лет тому назад со смертью последнего носителя перестал существовать камасинский язык" (стр. 6). По нашим данным, последняя носительница камасинского языка Клавдия Плотникова жива (от нее поступило в Тарту письмо от 24-го февраля 1975 г.). Несколько лет тому назад умерла другая носительница камасинского языка - Александра Жибьева.

При чтении диссертации создается впечатление, что автор считает именно фонетические соответствия главным доказательством родства самодийских и финно-угорских языков, в то же время общие черты в области морфологии, лексики и синтаксиса рассматриваются лишь в качестве вспомогательного критерия (стр. 8). С таким подходом никак нельзя согласиться. Было бы правильнее говорить об известной общности всего строя самодийских и финно-угорских языков.

Можно значительно пополнить перечень авторов, которые занимались проблемой взаимоотношения самодийских языков с палеоазиатскими (стр. 8). В связи с разысканиями в области самодийско-енисейских языковых контактов не упоминается имя А.П. Дульзона (стр. 9), хотя в списке использованной литературы мы находим некоторые его труды на эту тему (стр. 163). Я.Н. Попова, видимо, не имела возможности до оформления диссертации познакомиться с книгой П. Саммаллахти (P. S a m m a l l a h t i, Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974 (Castrenianumin toimitteita 2)) (140 стр.), которая содержит материал по лесному наречию ненецкого языка, собранный автором книги осенью 1971 г. в Ленинграде из уст носительницы этого наречия М. Агичевой (родилась в 1947 г. в

с. Харампур на р. Пур). Эта книга содержит краткий грамматический очерк (88 стр.), два коротких текста (13 стр.) и словарь (16 стр.). Ценность материала П. Саммаллахти для изучения фонетики лесного наречия ненецкого языка заключается в точной транскрипции, а также в наблюдениях автора над явлениями ударения и интонации. В книге проводится правильный, на наш взгляд, синхронный и диахронный морфонологический анализ материала. Короткие тексты подвергнуты детальному фонетическому анализу. П. Саммаллахти определяет также фонемный состав пуровского говора лесного наречия.

Первая глава диссертации посвящена о п и с а н и ю звукового состава и фонологической системы говора. В начале главы дана краткая характеристика всех трех говоров лесного наречия. Локализация их здесь (стр. 22) не совпадает с локализацией, приведенной во введении к диссертации (стр. 10): пуровский (верхнее течение р. Пур), нялинский (д. Нялины) и Ляминский (нижнее и среднее течение р. Лямынь, рр. Киселевская, Нитьсеей и Сахалинская (ср. выше). Нам понятны трудности, возникающие перед автором, но указанный разнобой кажется все же странным. П. Саммаллахти различает в лесном наречии на основании данных Т. Лехтисало следующие говоры: восточный (р. Пур), центральный (рр. Лямынь, Сахалинская и др.), состоящий из двух различных подговоров, и западный (р. Назым) (P. S a m m a l l a h t i, указ. соч., стр. 12-33). Система фонетических различий между тремя говорами заимствована Я.Н. Поповой у Р.Д. Вербова (см. Самодейский сборник. Сборник научных статей. Новосибирск, 1973, стр. 124-125), так как она сама имела возможность собирать полевые материалы только по пуровскому говору.

Затем дается детальное описание звукового состава пуровского говора, в котором автор выделяет 48 гласных и 46 согласных звуков, различающихся качественно и количественно. Имеются все основания полагать, что это описание — точное и основывается на тщательных наблюдениях автора. Далее Я.Н. Попова выявляет относительную частотность употребления звуков в различных позициях в слове. После этого она приступает к условному выявлению состава ф о н е м и их вариантов в различных окружениях, фиксируя 22 гласные и 19 согласных фонем. Приведем их в сопоставлении со списком фонем пуровского говора у П. Саммаллахти (P. S a m m a l l a h t i, указ. соч., стр. 13, 21), причем транскрипцию обоих авторов транс-

литерируем в упрощенную финно-угорскую транскрипцию (Попова/Саммаллахти):

<u>ü/ü</u>	<u>i/ø</u>	<u>i/i</u>	<u>u/u</u>	<u>i/ø</u>	<u>i/i</u>	<u>ý/ø</u>	<u>ý/ø</u>	<u>ý/ø</u>
<u>o/o</u>	<u>e/ø</u>	<u>e/e</u>	<u>o/o</u>	<u>e/ø</u>	<u>e/e</u>	<u>ö/ø</u>	<u>ö/ø</u>	<u>ö/ø</u>
<u>a/a</u>			<u>a/a</u>			<u>ä/ø</u>		

<u>ä/ä</u>	<u>ä/ä</u>		<u>i/i</u>	
<u>m/m</u>	<u>m/m</u>	<u>n/n</u>	<u>n/n</u>	<u>ŋ/ŋ</u>
			<u>ø/a'</u>	
<u>p/p</u>	<u>p/p</u>	<u>t/t</u>	<u>t'/c</u>	<u>k/k</u>
	<u>ø/h</u>	<u>ø/h</u>	<u>ø/h</u>	<u>ø/h</u>
		<u>s/s</u>	<u>s'/ø</u>	
		<u>ø/s</u>		
		<u>L/L</u>	<u>L'/L'</u>	
		<u>ø/l</u>	<u>ø/l'</u>	
		<u>r/ø</u>		

Оба списка являются, конечно, условными, и лишь дальнейшее углубленное изучение позволит окончательно установить самый экономный фонологический инвентарь говора.

Вторая глава диссертации посвящена описанию артикуляционной базы говора и основных звуковых закономерностей. Очень интересные обобщения, сделанные на обширном языковом материале, мы находим здесь в разделе "Артикуляционные особенности ...". Автор правильно указывает, что произношение в говоре является многовариантным, причем эта многовариантность, как и в других самодийских языках, проявляется в качественных и количественных колебаниях звуков, в выпадении и вставке звуков, в переносе главного ударения в слове на другой слог. Далее автор сопоставляет характеристики артикуляционной базы в лесном и тундровом наречиях.

Третья глава посвящена целиком сопоставлению звукового состава этих двух наречий. Здесь мы находим интересный новый материал, наглядно оформленный и снабженный сводными таблицами.

В четвертой главе диссертации характеризуются фонетические процессы при **ф о р м и р о в а н и**и лесного и тундрового наречий ненецкого языка. Автор хорошо знает специальную литературу, проводимый ею сравнительно-исторический анализ убедителен. Она проявляет уместную осторожность при решении ряда спорных вопросов, но всегда имеет свою точку зрения. Я.И. Попова здесь широко применяет сопоставительный ма-

териал из всех самодийских и необходимых финно-угорских языков. Автор примыкает к предположению Т. Микола о том, что назализирующийся гортанный смычный в ненецком языке есть лишь апокопа. Эту свою теорию Т. Микола излагает более подробно в только что вышедшей книге о древних послелогох в ненецком языке (T. M i k o l a, Die alten Postpositionen des Nenizischen (Juraksamojedischen). Budapest, 1975) (242 стр.), развивая теорию об историческом процессе перехода согласных $*t$, $*a$, $*k$, $*r$ в лесном наречии ненецкого языка в неназализирующийся гортанный смычный $ʔ$ перед звонкими согласными и в преаспирацию h перед глухими согласными. Позже в тундровом наречии этот гортанный смычный в ряде случаев исчез, в то время как преаспирация исчезла полностью. Предпосылкой появления стечений $*t$, $*a$, $*k$, $*r$ + согласный в ненецком языке являлось, по его мнению, исчезновение гласного e в открытых непервых слогах (выступающие в непервых слогах другие гласные a , \ddot{a} сохранились), ср. и финскую форму партитива *vettä* 'воды' < $*vetetä$. (Там же, стр. 206-210). Это очень вероятная гипотеза, которая основывается на анализе исторической фонологии ненецкого языка.

Сложным является вопрос о соответствии $j-$ ~ $\acute{n}-$ в самодийских языках. Если взять пример, приведенный Я.Н. Поповой, нен. *jil'edm* ~ нган. *ñil'etm* 'я живу', то ведь известно, что основа этого глагола обычно возводится к прауральской форме $*elä-$ [см., напр., Основы финно-угорского языкознания. (Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). Москва, 1974, стр. 405]. Предполагать в данном примере первичное $*\beta$ никак нельзя. Как правильно отмечает сама Я. Н. Попова, лесное наречие ненецкого языка сохранило более древний фонетический облик, по сравнению с тундровым. Это относится, по всей вероятности, и к соответствию лесн. $\acute{n}-$ ~ тундр. $j-$, т.е. $\acute{n}- > j-$. А $\acute{n}-$ можно здесь считать вторичным паразитным согласным (см. и Р. Н а j d ú, Die sekundären anlautenden Nasale (η , \acute{n}) im Samojedischen. - ALHng. IV, стр. 17-67).

Автор, видимо, не совсем правильно поняла рассуждения К. Доннера о $\acute{n}-$ в ненецких словах, приведенных Й. Клапротом и П.С. Палласом, напр., *гиле* 'жизнь' (стр. 137). К. Доннер пишет дословно следующее: "Die entwicklung muss also aller wahrscheinlichkeit nach in der weise stattgefunden haben, dass anlaut $j-$ vor i geschwunden und nachher durch eine

"aspiration" oder n ersetzt worden ist. Sehr wahrscheinlich scheint es, dass PALLAS und KLAPROTH einen solchen laut durch g- und h- bezeichnet haben." (K. D o n n e r, Über die anlautenden labialen spiranten und verschlusslaute im samojedischen und uralischen. — MSFOu XLIX, стр. 40). С такой возможностью следует, в принципе, считаться, особенно если иметь в виду, что наблюдаются, видимо, случаи обозначения ненецкого ɟ- через g- у Й. Фр. Эрзмана, напр., Gai 'Fuss', ср. ɟai у Т. Лехтисало (см. комментарии П. Саммаллахти в G. J. S t i p a, Wörterverzeichnis uralischer Sprachen aus einem Reisebericht vom Anfang des 19. Jahrhunderts. — Juhlakirja Aulis J. Joen kuusikymmenvuotispäiväksi 2.6.1973. Helsinki, 1973 (=JSFOu 72), стр. 421).

Автор очень убедительно доказывает свою точку зрения, согласно которой аффрикаты тундрового наречия ś, ś' являются результатом вторичной аффрикатизации (стр. 138-139). Т. Лехтисало считал, что здесь мы имеем дело с прауральской аффриктой *tś (см. T. L e h t i s a l o, Über die primären uralischen ableitungssuffixe. Helsinki, 1936 (=MSFOu LXXII, стр. 205-222; названного труда нет в списке использованной литературы, о чем можно лишь сожалеть). Вопрос нельзя считать окончательно решенным, но предположение Я.Н. Поповой заслуживает пристального внимания. Определенный интерес представляют фонетические соответствия лесного наречия ненецкого языка с х а н т ы й с к и м языком, приведенные автором диссертации. Я.Н. Попова объясняет влиянием хантыйского языка наличие в лесном наречии согласных l, l', которые не свойственны самодийским языкам. Мимоходом выясняется, что автор поддерживает гипотезу о саянском происхождении самодийскоязыковых племен (стр. 142-143). Необходимо подчеркнуть, что эта гипотеза пока еще окончательно не доказана, и ее не следует выдавать за истину.

В заключении своей диссертации Я.Н. Попова отмечает, что в лесном наречии ненецкого языка, как и в тундровом, фонема-тически противопоставляющимися являются не две степени долготы гласных, а три: долгая, краткая и сверхкраткая. Мы же считаем, что данный вопрос требует еще дополнительного исследования.

Диссертация написана сжатым, точным языком. Структура работы отличается стройностью и продуманностью. Все положе-

ния автор солидно и убедительно аргументирует. Диссертация Я.Н. Половой является определенным вкладом как в диалектологию ненецкого языка, так и в изучение всей группы самодийских языков, представляет во многих отношениях интерес и для общего языкознания.

А. К ю н н а п (Тарту)

В своем обширном исследовании Т.И. Тепляшина впервые подробно рассматривает тот диалект современного удмуртского языка, носителем которого является особая этническая группа тюркского происхождения — бесермяне.

Во вступительной части работы (стр. 5-58) автор дает критический обзор всего, что сделано до сих пор в этой области, цитируя и комментируя высказывания различных исследователей о происхождении бесермян, путях их переселения и контактах с соседями. Наряду с этнографическими и другими критериями приведено и распространение наиболее типичных бесермянских топонимов (рис. 1).

Начиная с XVI в. прослеживанию расселения бесермян по вятской земле помогают сохранившиеся письменные источники. И эти данные автор делает доступными читателю (рис. 2). В работе приведены очень подробные сведения о нынешнем расселении бесермян в бассейне реки Чепцы, при этом отдельно перечисляются села со смешанным населением: удмурты — бесермяне, татары — бесермяне и русские — бесермяне (стр. 30 и сл.). Все это является необходимым фоном для выделения своеобразия языка бесермян. С этими проблемами автор в процессе работы сталкивается неоднократно. В разделе "Из истории изучения языка бесермян" (стр. 35-56) выясняется, что одним из важнейших источников данных о бесермянском языке прошлого столетия является рукописный словарь П.М. Сорокина, который, кроме русских, коми-пермяцких и удмуртских примеров, содержит свыше 800 бесермянских лексем. Эти данные автор умело использовал в своей работе.

Центральной частью исследования являются главы "Фонетика" (стр. 59-168) и "Морфология" (стр. 169-241). Содержащийся в них богатый языковой материал автор в основном собрал лично в селах бесермян в течение 1960-х годов. Великолпно зная удмуртский язык, Т.И. Тепляшина (которая сама является удмурткой) имеет все предпосылки для успешного описания бесермянского языка и его сравнения с другими удмуртскими диалектами. Непонятным остается только то обстоятельство, что при сравнении зачастую предпочтение отдается

литературному удмуртскому языку перед современными соседними с бесермянским диалектами или же архаическим юго-западным диалектом, с которыми бесермяне сталкивались и раньше. В общем же рецензент не имеет претензий к методическим принципам, легшим в основу исследования. Работа, требующая большой точности, проведена квалифицированно, систематически и с достаточной полнотой, что дает право положительно оценить исследование в целом. Это, однако, не исключает наличия в работе некоторых спорных положений и проблем, на которых ниже и остановимся.

Относительно общей композиции работы надо сказать, что в ней основной упор сделан на описание фонетических явлений, причем это иногда делается слишком детально, зачастую даже повторяются общеизвестные факты относительно тех звуков, образование которых не отличается от звуков, присущих удмуртскому и соседним языкам. Однако вполне закономерно объяснение того, чем бесермянские мягкие согласные отличаются от соответствующих русских согласных (стр. 97).

В других случаях хотелось бы видеть более подробный анализ некоторых вопросов. Поведение звуков прослеживается только в трех позициях: в начале слова, в середине и в конце. В отношении гласных это в общем обоснованно и достаточно, и соответствующие сравнения с родственными языками позволяют автору иногда с точки зрения истории языка делать убедительные выводы, например, на стр. 167 относительно о и ö. Что касается консонантизма, то следовало бы остановиться на слиянии согласных. Неясно также, какие ограничения выдвигает бесермянский язык для согласных в середине слова, в зависимости от того, выступают ли соответствующие звуки в конце или в начале слога и т.д. Такие данные, вместе с определенной статистической обработкой, придали бы исследованию больший вес и сделали бы более достоверными уже полученные результаты.

Слишком скупо и не всегда достаточно убедительно иногда рассматриваются также согласные в начале слова. Так, например, на стр. 129 говорится: "Употребление г (р) в начальной позиции наблюдается в небольшом количестве бесермянских слов и в некоторых заимствованиях", после чего следуют недифференцированные примеры. По мнению рецензента, здесь автору надо было бы поставить проблему начального г (р) в древних, чисто бесермянских словах, на что указывает сохра-

нение его в языке коми, в то время как в удмуртском литературном языке и в диалектах г (р) в начале слова превратился обычно в \check{g} или \check{d} . В дальнейшем отступление г (р) с начальной позиции в бессермянском языке, так же как и в удмуртском, происходило, видимо, под влиянием тюркских языков, где, как известно, в данной позиции он не выступает. Что касается заимствований, то наиболее вероятно, что г (р) в начальной позиции последовательно встречается в позднейших русских заимствованиях.

Работу, видимо, обогатил бы учет сочетаемости согласных с гласными (например, не приведена в качестве сравнения возможная в языке коми комбинация äi-). Зато более позднее образование ä и ž из a под влиянием удмуртского языка представлено вполне достоверно (стр. 141).

Верно показаны причины изменения некоторых гласных. Так, в результате диссимиляции в слове ñial вместо i (л) выступает ñ (ср. в удмуртском литературном языке ñial 'пень' стр. 122). Нет основания возражать и против утверждения автора, что соноризация бесермянских глухих согласных представляет довольно ограниченное явление и что очаги этого явления локализованы в районе Волго-Камья (стр. 155). В отношении удмуртского языка необходимо было бы добавить ссылку на соответствующее исследование Д.В. Бубриха ("Историческая фонетика удмуртского языка").

В таблице (стр. 98) пропущены č, sh, ř и x, которые, несмотря на ограниченное проявление, должны были бы быть там представлены (хотя бы в скобках), поскольку мы все же имеем дело с элементами бесермянского языка. Утверждение, что "x" употребляется лишь в заимствованных словах (стр. 118), нужно было бы изложить более гибко, поскольку "x" выступает в междометиях (ах, их, бах и др.), которые явно не являются заимствованными. Некоторые положения не подтверждены примерами, например, на стр. 130 в отношении произношения č, ř, š, ř преимущественно в русских заимствованиях у молодого поколения. Иногда для читателя остается нераскрытой причина явления, например, в отношении вставных гласных (стр. 89). Здесь можно было бы для сравнения привести примеры из венгерского и других родственных языков.

В работе автор иногда обращает внимание на то, что ударение в бесермянском языке может в некоторых случаях быть подвижным или допускает параллельные возможности и т.д. По

мнению рецензента, в главе "Фонетика" нужно было бы выделить специальный раздел, посвященный ударению, и сконцентрировать здесь все случаи, когда ударение отступает от основного правила (ударение на последнем слоге). Явная ошибка при обозначении ударения вкралась на стр. 237, где вместо слова изá с двумя ударениями ('работай') должно было бы быть иза (ср. различающееся по значению изá 'я работаю').

Вторая часть работы посвящена морфологии бесермянского языка. Здесь из сферы рассмотрения совсем выпали неизменяемые слова (наречия, послеслоги, союзы, частицы и др.). А поскольку автор выше заявил, что "главная цель этой работы — дать полное описание речи бесермян ..." (стр. 56), то неизбежно возникает вопрос, как сочетать понятие "полное описание" с отличным от обычного подходом к частям традиционной морфологии. Правда, на стр. 241 выясняется, что автор в дальнейшем собирается присоединить опущенные части к лексике, однако это не восполнит допущенных пробелов в морфологии. На композицию исследования неблагоприятно влияет и непропорциональное рассмотрение суффиксов (при существительных — полное, при прилагательных — частичное, а при глаголах вовсе не рассматриваются). Методически нельзя считать удачным и такое разрешение вопроса, как это сделано на стр. 182, где говорится, что "в остальном словообразование бесермянских прилагательных совпадает с удмуртским". При этом для читателя остается загадочным, что означает "в остальном" и с помощью каких средств достигается "полное описание". В других местах встречаются излишние повторения общеизвестного, например, как по значению отличить превосходную степень от сравнительной (стр. 180). В целом же в разделе "Морфология" читатель найдет много нового, умело интерпретированного материала о бесермянском языке. Главное, что до сих пор отсутствует в описании этого своеобразного удмуртского диалекта, — это синтаксис. Однако его изучение не входило в задачу данной работы.

Основные положения исследования подытожены на трех страницах "Заключения". Лейтмотивом здесь звучит утверждение, что "Язык бесермян подтверждает их булгарское (древнечувашское) происхождение" (стр. 243). Поскольку факты языковых контактов как с другими диалектами удмуртского языка, так и с соседними языками разбросаны по всей работе, то можно было ожидать, что перед подведением окончательных

итогов они будут сведены в отдельный раздел.

В работе использованы все более или менее значительные работы, касающиеся удмуртского языка, однако некоторые из них не вошли в список литературных источников (стр. 245 и сл.). Здесь отсутствует и одна работа самого автора, на которую он ссылается на стр. 185.

При чтении работы бросились в глаза и некоторые ошибки технического порядка: на стр. I30 вместо Tojvonen должно быть Toivonen, на стр. I49 вместо изменения $\acute{s} > z$ должно быть $\acute{s} > \acute{z}$. У примеров из мордовского языка на стр. I53 отсутствуют переводы. Неверно утверждать, что в грамматике Видемана (1884) даны "латинские названия падежей" (стр. I70). На самом деле эти названия немецкие (хотя корни слов латинские: Nominativ - лат. Nominativus и др.).

Резюмируя вышесказанное, мы можем констатировать, что все перечисленные недостатки и неточности относятся к частностям (некоторые из них могут быть даже спорными), и они не могут умалить ценность исследования. Трудоемкая работа намного продвинула вперед дело изучения удмуртского языка.

П. А л в р е (Тарту)

В рецензируемом сборнике помещены статьи по самым различным вопросам марийской лингвистики. Содержание сборника нагляднее всего показывает перечень исследований: П. Аристе, Вопрос о балтийских заимствованиях в финно-угорских языках (стр. 3-7), Н.П. Бахтина, Об источниках русских заимствований в марийском языке (7-9), Ф.И. Гордеев, О татарских лексических заимствованиях марийского языка (9-53), В.И. Лыткин, Об этимологии двух марийских слов (53-54), Б.А. Серебрянников, К этимологии некоторых марийских слов (54-56), Т.И. Тепляшина, О происхождении марийского слова когыльо "пирог" (56-58), А.А. Саваткова, Несколько замечаний об устаревших словах горного наречия марийского языка (58-59), Л.Л. Трубе, Топонимы Марийской, Чувашской АССР и Горьковской области с формантом -нер (60-61), Н.И. Исанбаев, Неопубликованные рукописи Г.Ф. Миллера по марийскому языку (61-72), З.В. Учаев, Грамматические и лексические особенности малмыжского диалекта марийского языка (72-83), Л.В. Бобкова, Сравнительно-сопоставительная характеристика артикуляций гласных марийского и английского языков (83-96), Н.М. Новоселова, Типичные ошибки учащихся мари в немецкой речи (96-102), Л.В. Бобкова, Длительность как компонент ударения в марийском языке (107-109), Л.В. Бобкова, Интенсивность ударных и безударных гласных в марийском языке (110-114), Д.Е. Казанцев, История целевых согласных в марийском языке (114-125), Л.П. Васинова, Модальные значения прошедшего длительного i-го в марийском языке (125-133), Полисемантические суффиксы глагола марийского языка (133-144), О.Г. Сурикова, О разграничении второстепенных членов предложения в марийском языке (144-148), В.Т. Тимофеева, Неопределенно-личные и обобщенно-личные предложения в марийском языке (148-150), И.С. Иванов, О языке марийских народных частушек (150-152), К.П. Гусев, К вопросу о возникновении марийской письменности (153-162). В сборник включена также одна нелингвистическая статья М.И. Исметова под названием "Газета "Жизнь национальностей" о марийском крае и некоторые вопросы развития местной печати" (162-213).

В статье П. Аристе обстоятельно исследуются взаимные связи на уровне лексики между индоевропейцами и финно-уграми. На основе изучения конкретного словарного материала автор заключает, что "общие индоевропейские заимствования в прибалтийско-финских и волжских языках ... проникли в отдельные финно-угорские языки ... задолго до вступления балтийцев и финно-угров во взаимные контакты. В балтийских языках имеются финно-угорские слова, свойственные волжским, но неизвестные прибалтийско-финским". По мнению П. Аристе, в волжских, прибалтийско-финских и балтийских языках могут быть также заимствования из языков-субстратов неизвестного происхождения.

Небольшая статья Н.П. Бахтиной имеет название "Об источниках русских заимствований в марийском языке". Однако в ней по существу анализируется вопрос о заселении марийского края русскими. В незначительной лингвистической части допущена неточность: "Влиянием говоров с неполным оканьем (в которых в заударном конечном открытом слоге о звучит близко к а) объясняется также появление а в абсолютном исходе русских заимствований в марийском языке: ведра < ведро, окна < окно, письма < письмо, весла < весло, корма, кормы < корм, моста < мост". В словах типа ведра < русск. ведро конечный а возник не под влиянием фонетики русских говоров. Вероятно, такие слова были заимствованы в форме родительного падежа единственного числа, а этому способствовало отсутствие русского порядка следования гласных в марийских словах. К тому же приведенные автором корма, кормы (?) < корм, моста (?) < мост носят уже иной характер. Можно было бы привести и другие неувязки.

452 лексических татаризма рассматриваются Ф.И. Гордеевым. На наш взгляд, автору следовало бы уточнить критерий определения заимствований. Все ли татарские слова, перемежающиеся с марийскими в случаях марийско-татарского билингвизма, следует считать заимствованиями? Вероятно, нет.

В статье Н.И. Исанбаева всесторонне и глубоко исследуются структура, особенности алфавита, графики и орфографии, фонетика, лексика, грамматика неопубликованных рукописей Г.Ф. Миллера по марийскому языку, имеющих большую научную ценность для исторической лексикологии, диалектологии, фонетики и грамматики марийского языка.

З.В. Учаев конспективно излагает данные наблюдений над

звуковым строем, морфологией, словообразованием, синтаксисом, лексическими особенностями калмыцкого диалекта, представляющего собой по ряду моментов промежуточное звено между луговым и восточным наречиями.

Л.В. Бобковой и Н.М. Новоселовой прослеживаются особенности произношения марийских гласных и согласных в сравнении с английскими и немецкими звуками, а также представлены статистические данные о длительности и интенсивности марийских гласных и сонантов, полученные путем применения экспериментально-фонетического метода исследования. Внесем коррективы в некоторые утверждения Л.В. Бобковой. Во-первых, стечение двух непосредственно следующих друг за другом гетеросиллабических гласных в марийских словах не является дифтонгом, ни фонологическим, ни фонетическим. Другое дело — гомосиллабические дифтонги (фонологические) английского языка. Во-вторых, мысль о том, что при классификации марийских гласных определенную роль играет редукция, может ввести читателя в заблуждение, ибо в науке о языке под редукцией понимается ослабление артикуляции или видоизменение какого-либо гласного в безударном положении. В марийском же языке некоторые звуки произносятся всегда кратко, "ослабленно" независимо от занимаемого ими положения в слове. Поэтому следовало бы говорить о противопоставлении гласных полного и неполного образования.

Д.Е. Казанцев скрупулезно исследует историю свистящих и шипящих в марийских диалектах. Данная проблема в той или иной степени рассматривалась многими учеными и по мере. Особенно большую ценность представляет изложение истории исследования этого вопроса. В ней подробно рассматривается литература, написанная на финском, венгерском, немецком, английском и русском языках. Автор представляет довольно убедительную точку зрения на развитие этого специфически марийского фонетического явления. В отличие от своих предшественников, развитие прамарийских ш, с, с' ученый относит к двум периодам: ранне- и позднеревнемарийскому.

Л.П. Васикова в сборнике представлена двумя статьями. В первой из них речь идет о морфологических омонимах: прошедшем длительном *i*-ом времени и условно-сослагательном наклонении. Справедливости ради следует сказать, что данная интерпретация автора в общем-то не является новой. Об этом говорил уже Н.Т. Пенгитов (см. Сопоставительная грамматика

русского и марийского языков. Йошкар-Ола, 1958, стр. 107, II4; впрочем, точка зрения Н.Т. Пенгитова в рецензируемой статье представлена неверно). И в практике преподавания марийского языка постоянно утверждалось наличие в марийском языке условно-сослагательного наклонения, равнозвучающего с прошедшим длительным I-ым.

В статье дана подробная классификация значений анализируемых глагольных форм. Внимание читателей привлечет здесь ряд тонких наблюдений автора. Однако следует отметить, что изложение об омонимичных грамматических формах в работе ведется как бы завуалированно. Об этом говорит даже название статьи - "Модальные значения прошедшего длительного I-го в марийском языке". Эта же формулировка проходит почти через всю статью. Конечно, речь не должна идти об употреблении прошедшего длительного I-го в значении модальности (условно-сослагательного наклонения). Речь должна идти об условно-сослагательном же наклонении, омонимичном прошедшему длительному I-ому. В статье имеются положения, не относящиеся к рассматриваемой проблеме. А это придает работе некоторую расплывчатость. Рецензент не может согласиться с мнением автора о том, что в глагольных формах условно-сослагательного наклонения потеряно временное значение. Было ли когда-нибудь темпоральное значение у рассматриваемого наклонения? Конечно, нет. Далее, пожалуй, не требуется особого доказательства, чтобы считать окаменевшее эле, являющееся составной частью анализируемых омонимичных форм, не вспомогательным глаголом и не связкой (которые должны изменяться по лицам, числам, временам, наклонениям), а частицей.

Своей статьей Л.П. Васикова способствует удержанию условно-сослагательного наклонения как особой морфологической категории в грамматике марийского языка.

Во второй статье Л.П. Васиковой анализируются многозначные глагольные суффиксы современного марийского языка. Следует отметить, что в марийской лингвистике проблема полисемантических, омонимичных и синонимических служебных морфем до сих пор, можно сказать, оставалась неисследованной. Рецензируемая статья как бы кладет начало разработке этого сложного вопроса. Не все в ней в равной степени удалось. Большой творческой удачей, на наш взгляд, является мысль автора о том, что некоторые глагольные суффиксы придают производным основам (словам) одновременно два различных значения - словооб-

разовательное и формообразовательное. Безусловно, понятие синкретического аффикса будет способствовать выявлению новых фактов, связанных с морфемикой и деривацией марийского языка.

Однако статья вызывает ряд серьезных возражений. Прежде всего упрекнем автора в механическом выделении многих суффиксов, не существующих в настоящее время в реальной действительности и представляющих собой, по яркому выражению В.А. Богородицкого, факты "лингвистической мифологии". Так, в словах кержалташ "висеть", помыжалташ "просыпаться", шергылташ "раздаваться", игылташ "насмехаться" автором вычленяются суффиксы -алт- и -ылт-, хотя в современном языке их производящие основы (слова) не употребляются (быть может, образующих слов вообще не было в марийском языке). Следует принять во внимание, что в структуре слов с производной основой не могут быть изолированные, уникальные, только в них выделяющиеся и существующие корни, но возможны производные основы и слова, в которых выделяются только в их составе живые суффиксы.

Глаголы кержалташ "висеть", помыжалташ "просыпаться", пўжалташ "потеть" даны автором в одной плоскости. Однако первые два из них являются словами с непроизводной основой, а пўжалташ – слово с производной основой (по сопоставлению со сложным словом пўжвўд "пот" в нем выделяется связанный корень пўж-, -алт- является словообразующим – а не формообразующим! – суффиксом).

"Нерасчлененный синхронно-диахронический подход к слову как объекту словообразования" обнаруживается при анализе слов руалташ "схватить", тўналаш "начать", пёрдалаш "валяться", лўмцлаш "высмеивать", шолышташ "воровать", олмыкташ "ремонттировать" и др. Все они должны рассматриваться не как производные слова, а как непроизводные, нечленимые. В них по разным причинам произошла интеграция основы. В одних из них опрошение основы возникло вследствие образования большой семантической дистанции с производящими словами (руаш "рубить", тўн "комель, основа", пёрдаш "вертеться", лўмдаш "дать имя", олмо "место"), в других – вследствие исчезновения из литературного языка мотивирующих слов (шόло "вор"). Во всех в них опрошение получило "безусловное и классическое выражение".

В ряде случаев в угоду своей мысли автором представлен

неточный перевод. Так, тодаш вместо "плести" переведен "гнуть", порташ вместо "вертеться" - "вернуть", олмыкташ вместо "ремонтировать" - "привести в порядок". Есть недостатки и другого рода: не от пуаш "давать" образован пуалаш "везать, дуть", а от омонимичного пуаш "дуть"; в статье речь идет о литературном языке, однако в нем (а также, по-видимому, в говорах) слова иктышташ нет, есть только иктешлаш "обобщать".

Однако самым большим недостатком статьи является то, что в ней автор ставит знак равенства между полисемантическими и омонимичными глаголообразовательными суффиксами.

Синтаксические закономерности современного марийского языка прослеживаются в статьях В.Т. Тимофеевой и О.Г. Суриковой.

Посмертная статья О.Г. Суриковой посвящена принципам разграничения второстепенных членов предложения. Многие положения этой работы правильно отражают специфику синтаксического строя марийского языка. Однако можно было бы привести ряд возражений против некоторых суждений автора. Скажем лишь, что нужны дальнейшие подробные, содержательные исследования этой проблемы, базирующиеся на общем языкознании и на достижениях в области изучения синтаксической структуры языков мира. Что касается классификации второстепенных членов предложения в марийском языке, то она, на наш взгляд, должна быть логической, одновременно учитывающей и грамматические и лексические значения слов, вступающих в сочетания слов в предложении. Проблема второстепенных членов предложения в марийском языке ждет своего научного решения.

Не повезло статье, в которой анализируются марийские односоставные глагольные предложения. Прежде всего ее объем весьма невелик - около 2 стр. Многие положения вызывают возражения рецензента.

Правильно подчеркивая специфику в семантике неопределенно-личного предложения (выражение действия неопределенных лиц), автор приводит пример, в котором интерпретация значения дается неточно. В предложении ... Эренеръш у школ портым ыштышт "В Эренере построили новое здание школы" выражаются не определенные действующие лица (крестьяне), а неопределенное множество лиц (кстати, другие возможные значения действующего лица неопределенно-личного предложения в статье совершенно не рассматриваются).

На стр. 148 утверждается, что в неопределенно-личных предложениях главный член выражается глаголами 3-го лица множественного числа в форме настояще-будущего времени изъявительного наклонения, в выводах же (стр. 150) читаем другое: "В неопределенно-личных предложениях глагол-главный член может выступать во всех временах изъявительного наклонения". Оба утверждения грешат против истины. Известно, что главный член неопределенно-личного предложения в марийском языке выражается формой 3-го лица множественного числа; эта форма может стоять во всех наклонениях: изъявительном (с его довольно многочисленными временами), желательном (с его настояще-будущим и прошедшим временами), повелительном и условно-сослагательном.

Противоречиво и неполно также изложение обобщенно-личного предложения. Можно было бы привести ряд неточных положений по этому вопросу. Укажем лишь, что в науке о языке установлено: в обобщенно-личном предложении обозначаемое глаголом действие в равной мере относится к любому лицу, т.е. действующее лицо мыслится обобщенно; при выделении таких предложений в качестве особой лингвистической единицы берется за основу главным образом семантика предложения и сказуемого, а не формально-грамматический признак главного члена. Поэтому обобщенно-личными предложениями следует считать все односоставные предложения, в которых действие относится к любому лицу — независимо от формально-грамматической приметы глагола-сказуемого. В марийском языке главный член таких предложений может быть выражен формой 2-го лица единственного числа настояще-будущего времени изъявительного наклонения, формой 2-го лица единственного числа повелительного, условно-сослагательного наклонений, формой 3-го лица множественного числа настояще-будущего времени изъявительного наклонения, реже — формой 1-го лица единственного и множественного числа условно-сослагательного наклонения, а также настояще-будущего времени изъявительного наклонения и др.

Автор пишет, что "наблюдается смешение отдельных типов односоставных предложений с двусоставными неполными". Однако в статье не указывается, какие именно типы предложений смешиваются, и не дается конкретного совета для их разграничения. А в случаях "смешения обобщенно-личных предложений с неопределенно-личными" автор рекомендует "исходить из следующего: а) в неопределенно-личных предложениях основное внима-

ние говорящего акцентируется на самом действии и его объекте, субъект же говорящего вообще не интересует; б) в обобщенно-личных же предложениях действие относится не к единичному собеседнику, а к обобщенному лицу". В этой рекомендации наблюдается алогизм, противопоставление двух несопоставимых суждений. Бесспорно то, что и в том и в другом типе односоставных предложений внимание сосредоточивается на действии. Разница между ними только в том, что если в неопределенно-личном предложении действие относится к неопределенному множеству лиц, то в обобщенно-личном — к любому обобщенному лицу вообще.

Опубликование сборника — очередной шаг в исследовании закономерностей марийского языка. Изданные материалы вызовут интерес среди финно-угроведов и будут способствовать дальнейшему изучению марийского языка.

Г.И. Л а в р е н т ь е в (Йошкар-Ола)

SISUKORD - ОГЛАВЛЕНИЕ

Е. Ernits, Sõnade kaasa ja kaks vahelise seosest	3
Э. Эрнитс, О связи между словами кааса 'супруг(а); с'и какс 'два'. Резюме	9
Е. Ernits, Über den Zusammenhang der Wörtern kaasa 'Gatte, Gattin; mit' und kaks 'zwei'. Zusammenfassung	10
Э. Якимова, Некоторые особенности глагольных соматических фразеологизмов марийского языка	11
Е. Jakimova, Einige Besonderheiten der verbalen somatischen Phraseologismen der marischen Sprache. Zusammenfassung	18
А. Егорова, Сложные субстантивные словосочетания в эрзянском языке	20
А. Jegorova, Zusammengesetzte substantive Wortverbindungen im Ersänischen. Zusammenfassung	31
П. Н. Лизанец, Основные пути и время проникновения мадьяризов в украинские говоры Закарпаття	32
Р. N. Lizanec, Die Wege und Zeit der Eindringung der Hungarismen in die ukrainischen Mundarten des Transkarpatens. Zusammenfassung	41
Ю. А. Морев, Увулярные согласные в селькупском языке	43
Ј. A. Morev, Die uvularen Konsonanten im Selkupischen. Zusammenfassung	53

В. М у р к х е й н, Из наблюдений над эстонскими лексическими кальками в русских говорах	54
V. M ü r k h e i n, On Examination of Lexical Translation Loans from Estonian in Russian Dialects. Summary	63
P. P a l m e o s, Kaassõnad kargjala Djorža murrakus	64
П. П а л ь м е о с, Предлоги и послелоги в джёржанском говоре карельского языка. Р е з ю м е	85
Д. В. Ц ы г а н к и н, Суффиксальное словообразование имен существительных в диалектах эрзянского языка	86
D. V. C y g a n k i n, Die Suffixwortbildung des Substantives in den Dialekten der ersänischen Sprache. Zusammenfassung	106
M. V e i n b e r g a, Somaatilised fraseologismid ja nende vabasõnalised vasted eesti ja läti keeles	107
М. В е й н б е р г а, Соматические фразеологизмы и соответствующие им свободные словосочетания в эстонском и латышском языках	127

MATERJALID - МАТЕРИАЛЫ

A. K ü n n a p, Kamassilaisia tekstejä II	128
A. К ю н н а п, Камасинские тексты II. Р е з ю м е ..	136

RETSENSIOONID - РЕЦЕНЗИИ

- В. Г. К а л а ш н и к о в а, Сложносочиненные предложения в удмуртском языке (в историческом освещении). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Глазов, 1974, 184 + 16 стр. - Рец. П. А л в р е 137
- Я. Н. П о п о в а, Фонетические особенности лесного наречия ненецкого языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Новосибирск, 1975, 190 стр. - Рец. А. К ю н н а п 142
- Т. И. Т е п л я ш и н а, Язык бесермян. Москва, 1970, 288 стр. - Рец. П. А л в р е 149
- Вопросы марийского языкознания, вып. III (Под редакцией доц. Ф. И. Г о р д е е в а). Йошкар-Ола, 1973, 214 стр. - Рец. Г. И. Л а в р е н т ь е в 154

Ученые записки Тартуского государственного университета. Вып. 397. ТРУДЫ ПО ФИННО-УГРОВЕДЕНИЮ 3. На эстонском и русском языках. Резюме на разных языках. Тартуский государственный университет. ЭССР, г.Тарту, ул.Кликооли, 18. Vastutav toimetaja S.V. Smirnov. Korrektorid H. Rajando ja N. Tsikalova. Paljundamisele antud 14.09.1976. Trükipaber 30x45 1/4. Trükipoognaid 10,25. Arvestuspoognaid 9,45. Trükisarv 800. MB 05386. TRÜ trükikoda, ENSV, Tartu, Palsoni t. 14. Tell. nr. 1057. Hind 95 kop.